

Роман Романович
ЦЕЛИТЕЛЬ

← Том 1 →

Ты остался последним, бросился в бой, в безнадежной попытке, если не победить, то отомстить.

Наивно полагая, что если убить Короля, то армия нежити падет.

В момент последнего вздоха, сделав всё, что мог, приготовился умереть и отправиться в чрево бога смерти, но...

Оказался совсем в другом месте.

Жди бог мертвых! Элор, последний защитник человечества, идет за тобой!

Последняя крепость человечества выглядела жалко. Старые, потрепанные временем и ветрами стены, в некоторых местах обвалившиеся. Пустые, с проломленными крышами здания. Давно засохший колодец.

Единственное достоинство крепости — она находилась в горах, вдали от основных военных действий. Никому не нужная, забытая. Стала прибежищем для последних отступающих.

Оглянувшись назад с крепостной стены, увидел всех тех, кто смог сюда добраться.

Последние.

Приговоренные.

— Славный денек, чтобы умереть, — сплюнул Кабал, мой верный друг.

— У тебя все деньки славные, — ответил ему.

На стенах стояли сто семьдесят два воина из отряда Отчаянных, как я прозвал наше сборище. Лучшие из лучших. Повидавшие в буквальном смысле всё.

Внизу ждала своей участи ещё сотня человек. Треть — молодые женщины. Остальные мужчины разных возрастов, не воины, обычные жители. Большая часть гражданских ранены. У многих легкая или средняя стадия заражения. С этим бы справился любой толковый целитель, но из всех остался только я, а у меня сейчас другая задача стоит.

Сколько на людей ни смотри, а надежду никак не разглядеть. У каждого на лице тяжелое осознание обреченности.

Даже если мы сегодня победим, это уже не имеет значения. Не найдется достаточно женщин и мужчин, чтобы родить новых детей, дать им возможность вырасти.

Нет детей — нет будущего.

Поэтому нам остаётся только месть. Ударить так, чтобы враг пожалел, что связался с нами.

За стенами нас готовилась штурмовать бесчисленная орда нежити. Сколько их? Миллионы? Десятки миллионов? Это только те, кто пришёл к нам. Пала столица, пали другие города. Наше королевство было последним на пути армии мертвых. Потом последний город, а сейчас — последняя крепость.

Война, которая продлилась сотню лет, если верить мудрецам и историкам. Война, которую мы проиграли.

— Воины! — гаркнул я, ударив в щит. — Наконец пришёл и наш черед умереть!

Люди одобрительно загудели. Среди моих солдат не осталось тех, кто рассчитывал выжить. Единственное, что всех нас держало — упрямство и желание уничтожить как можно больше мертвых.

— Но вы знаете, о чем я вас попрошу...

— Продать свои жизни подороже! — был дан мне ответ хором.

— Уничтожим нежить! Уничтожим смерть! — кричали люди. — Уничтожим короля!

— Уничтожим... — повторил эхом я.

— Славный день, славный... — бормотал Кабал. — Покажи им там, Элор...

Я обернулся в последний раз. Горько усмехнулся. Поймал взгляд моей Аи. Та стояла среди женщин, смотрела серьезно. Мы оба знали, что сейчас будет. Каждый из здесь

оставшихся знал.

Какими бы славными воинами мы ни были, наших сил не хватит, чтобы нанести серьезный ущерб врагу. Поэтому сегодня рано утром вокруг меня собрались люди и сказали, что принесут себя в жертву. Отдадут жизни, не ради защиты, а ради мести.

Последняя воля тех, кому нечего терять.

Я отказал им, ругался, костерил... Меня отказались слушать. Приведя тот довод, против которого нечего было сказать. Никто из нас не способен убить короля мертвых. Но если привести ритуал, то я смогу.

Последний человек во всем мире пойдет в самоубийственную атаку, чтобы всё воинство мертвых вздрагивало, вспоминая нас.

Этот план был отвратителен. Но другого не было.

Начался последний отсчет. Ая обратилась к Крови нашего бога. Проигравшего, как и мы, бога. Я, не отворачиваясь, смотрел. Как каждый из тех, кто здесь собрался, отдавая себя.

Молча, без тени сомнений, с мрачными улыбками на лицах, полными решительности.

Сила устремилась ко мне. Мир окрасился в цвета. Я почувствовал себя легким-легким. И таким же бесконечно одиноким. Последней умерла Ая. Моя любовь.

Теперь меня ничего не держало.

Я шёл мстить.

И пусть мертвые сегодня содрогнутся.

Я убил короля.

Его войско пошло в разнос. Нежить перестала действовать как единый организм. Но я не победил. Пронесся мимо их рядов и столкнулся с другим войском. Во главе его я нашёл нового мертвого ублюдка, которого мудрецы прозвали королем и всерьез утверждали, что именно эта особь является главным вражеским полководцем.

Убей её — и война закончится.

Так мы надеялись. В это верили все те, кто отдавал свои жизни.

Я единственный в мире человек, который на деле доказал, что это не так. Первый король пал, я ощутил радость от того, что справился. И жгучую боль от осознания, что это заблуждение. Раненый, но отказывающийся сдаваться, пробился через старшую нежить и прикончил второго короля. А потом и третьего...

Достигнув своего предела.

Что было дальше — запомнил смутно. Явилась сущность более высокого ранга. Я про себя назвал её императором. У этих ублюдочных мертвых был собственный император! Какая насмешка над всеми нашими жертвами и потугами!

Император меня и прикончил. Я уже собирался было отправиться в брюхо богу смерти, чтобы вечно вариться там, но... Что-то случилось.

Темнота. Свет. Боль. Бесконечность.

Эта круговерть прекратилась, я ощутил себя запертым, сдавленным со всех сторон. Было темно и... тепло. Если это и есть брюхо бога смерти, то какое-то оно слишком уютное.

Сложно сказать, сколько времени провёл в этом состоянии. Мысли работали четко. Ощущения звучали приглушенно. Я не ощущал своего тела, у меня ничего не чесалось, не было рук и ног. Да и смотрел я как-то странно, будто через призму. Что-то я всё же чувствовал. Голод, который быстро проходил. Тепло и прохладу. Желание вырваться.

И — вырвался.

Не по своей воле.

Это случилось внезапно, когда я устал обдумывать, что со мной происходит. Меня куда-то потянуло, сдавило, сжало несколько раз сильно. Заставило выйти наружу. Резко обдало холодом, страхом, массой непонятных ощущений. Меня вроде бы трогали. Точно я сказать не мог, потому что темнота сменилась расплывчатыми силуэтами. Я лишь смутно догадывался, что вокруг что-то происходит и кто-то двигается.

Единственная версия, которая пришла в голову, — это слуги смерти собрались отправить на пытки мою душу. Не удивлюсь, если их бог затаил обиду и решил приготовить мне что-то особенное. Если так, сам этот факт будет греть меня вечность! Я всё же смог разозлить бога, чем не достижение?

Пусть и бессмысленное.

Но боли никакой не было. Меня... Обтерли? Покормили? Обняли? Связали?

Не испытывая никаких страданий, я быстро успокоился, так и не дождавшись наказания. Время тянулось мучительно долго. Может, в этом и была пытка? Но нет. Тайна скрывалась совсем в другом. В куда более удивительном.

В этом состоянии смутных силуэтов вокруг и непонятных ощущений я провёл около трёх месяцев. Часов у меня не было. Время определить точно было нельзя. Но любая повитуха даст ответ на мой вопрос.

Я пусть так и не стал старшим целителем, но три года отучиться успел, всякого нахватался.

Смутные силуэты я видел, потому что наблюдал мир глазами новорожденного ребенка. Которого кормили, гладили, обнимали, пеленали, мыли задницу и делали всё то, что положено делать с младенцем. Вот так отгадка, что за странности я ощущал. Когда зрение сформировалось, я смог догадаться, что вижу родителей малыша.

Вопросов от этого меньше не стало. Наоборот, их стало в сотню раз больше.

* * *

Каково это, иметь полноценное сознание и память, при этом быть запертым в теле младенца, который ничего не может, кроме как орать?

Это значит, что у меня было очень много свободного времени на размышления.

Как-то управлять ребенком я не мог. Не говоря уж о более серьезных вещах, таких, как попросить объяснить, что происходит. Как со мной, так и вокруг.

Надо признать, что ни своё поражение, ни существование неизвестно в чем, ни отсутствие ответов я спокойно не принял. Просто эмоции звучали приглушенно. Мысли — ясные. Чувства — ослабленные. У меня даже злиться нормально не получалось.

Как и сойти с ума.

А хотелось. Не буду скрывать. Осознание того факта, что те люди, которые мне доверились, которых я вёл за собой... Да и просто все люди... Их души оказались в брюхе бога смерти, который будет подпитываться ими вечность, обрекая на бесконечные страдания, в то время, когда я нахожусь непонятно где, избежав этой участи, буквально уничтожала меня.

И обязательно уничтожила бы, но что-то шло не так.

Я не мог в полной мере почувствовать гнев. Не мог испытывать ненависть. Отчаяние и горе ощущал как легкую грусть. Безумие тоже не приходило ко мне.

Да я даже нормально заорать не мог!

Только думать и наблюдать за тем, что происходит вокруг. Наблюдать не своими глазами, а глазами маленького ребенка.

Ещё до того, как понял, что нахожусь в теле младенца, я пытался найти выход из своего положения. Не нашёл. Не мог на что-либо повлиять. Перебрал десятки версий того, что со мной происходит. Составил план на каждый случай, если вдруг смогу освободиться.

Только эти планы не потребовались. Ребенок не темница. Не совсем понятно, как из него бежать.

Открытие подтолкнуло к новым исследованиям, но объяснить себе, как здесь оказался, я так и не смог.

Но главные вопросы, стоящие передо мной, были совсем другие. Могу ли я что-то сделать в этой ситуации, закончена моя битва или ещё нет, и что это за место, куда я попал? Я ведь был уверен, что те люди в крепости — последние. Так откуда же взялись двое родителей и ребенок?

Неужели остался кто-то ещё и смог выжить?

* * *

Первый раз это случилось в полтора года.

Малыш и так рос болезненным, это кое-как я смог понять по косвенным признакам, наблюдая изнутри. Да и то, как хлопотали родители, было красноречиво.

Но в этот день стало совсем плохо. Резко поднялась температура, да так, что и я в полной мере ощутил. Начался сухой кашель. Родители что-то делали, но полагаться на них я не видел смысла. Они сделают, что могут. Я же полез разбираться, что могу сделать сам.

Воля целителя гласила: помогай тем, кому можешь.

Мог я немного, но вдруг что получится?

Сложно описать, как я видел ребенка изнутри. Уж точно не его внутренние органы и уж точно не глазами. Точнее, органы как раз видел... Ощущал, то есть. Смутно. Как будто шарить рукой в темной комнате. Вроде бы знаешь, что и где должно находиться, но всё равно действуешь наугад.

В прошлой жизни, будучи собой, я много что умел. И рану зарастить, и очистку провести, и других из лап смерти вырвать. Настоящим целителем пусть и не стал, но полевым — ещё каким. Поэтому навыки у меня были. Но здесь и сейчас, в моем состоянии, они особо не работали. Нет Источника, нет Крови.

Пришлось работать с тем, что есть. Впрочем, как и всегда.

Что что-то не так, я ощутил сразу, стоило погрузиться в ощущения тела. Постоянно за ребенком я не наблюдал и его состояние не сканировал. Это требовало усилий, и я заметил, что если слишком активничая, вскоре ребенок засыпает без сил. Поэтому ограничивал себя.

Ещё какое-то время ушло на то, чтобы разобраться в причинах неприятных ощущений. Ребенка успели куда-то отвезти, появились незнакомые люди в белых халатах. Один из них осмотрел ребенка, но что он там говорит, я понимал слабо. Пусть говорит, надеюсь, что лечение этого целителя поможет. Пусть он и выглядит как-то странно.

Проблему я определил — типичное загрязнение, слабой формы.

Что было вдвойне странно. В том, что ребенок способен сделать произвольный Вдох, я не сомневался. Так у многих случается, и это не является проблемой, потому что в нормальном обществе Кровь достаточно чиста, чтобы не нанести ущерб организму. Наоборот, она должна была ему помочь.

Только вот внутри ребенка ощущалась вовсе не чистая Кровь, а грязное Масло. Примесь различных энергий с разных планов бытия.

Но и так это не серьезная проблема. Решается любым целителем за минуту. За две, если это ученик.

Только вот что-то целитель, который осматривал ребенка, не спешил разобраться с этой простой задачей.

Понадеявшись, что усатый дядька, на которого ребенок смотрел со страхом, сидя у матери на руках, всё же что-то сделает, я принялся разбираться дальше, что там в организме происходит. Заодно восстановил картину событий. Определив, что в беде виноват... я сам.

Ответ нашёлся просто. Я ведь уже знал, что как-то влияю на состояние ребенка, когда активничая. Вот и спровоцировал на попытку восполнить запас сил через Вдох. Если бы он

вдохнул чистую Кровь, проблему бы это решило. Но вместо этого он вдохнул грязное Масло и, будучи и так ослабленным, резко усугубил своё состояние.

Может, это и есть ад? Быть воином и целителем, вести людей в последнюю битву, а превратиться в паразита, который существует за счёт младенца.

Это осознание вывело меня из себя на несколько секунд, а потом... Если бы у меня были руки, то засучил бы рукава и принялся за работу. Потому что время шло, а местные целители не сделали ровным счётом ничего. А ребёнку становилось хуже и хуже...

Дальше тянуть было нельзя, и я взялся за дело.

Принялся перехватывать чужеродные энергии, выводить их из тела. Что-то, наоборот, притягивал к себе, чтобы восполнить силы. Не все энергии были враждебны. Что-то из этого вполне можно использовать, что я и делал.

Работа заняла какое-то время. Когда уже заканчивал, чувствовал, что вот-вот «отключусь». Зато ребёнку становилось лучше. Он успокоился, задышал размеренно, а не отрывисто. Уснул. Поэтому я не видел, что там вокруг происходит.

Закончив, тоже затаился. Полностью не отключился, через какое-то время почувствовал себя лучше. С ребёнком тоже было всё в порядке. Я за ним приглядывал.

Когда мальчик открыл глаза, я обнаружил, что его вернули домой.

Для родителей это осталось неприятным, но коротким эпизодом.

* * *

С тех пор так и повелось. Можно было со всей уверенностью утверждать — у ребёнка хороший талант. Масло втягивал он с утомляющей регулярностью. Кровью эту субстанцию я принципиально отказывался называть. Масло, оно и есть Масло. Ещё и грязное.

В следующие годы критичные ситуации возникали не раз. Но ничего, справлялся. Как — сам до конца не мог объяснить. Я это воспринимал так, будто шарю руками в темном ящике. Только вместо рук — тоненькие ручейки воли целителя. А вместо ящика — чужая энергетика.

То, с чем бы в своем теле я справился за десяток секунд, здесь отнимало часы. Но постепенно наловчился. Куда деваться-то.

Вопросы, которые поставило передо мной первое загрязнение, так и остались без ответа. Я не мог понять, в какое королевство попал. Почему здесь настолько неумелые целители. Почему сами родители не знают, что такое Вдох и как с этим поступать. Почему здешнее общество настолько дремучее, что у них вместо Крови грязное Масло.

* * *

Никогда не думал, что куча свободного времени может поставить под сомнение данные мною обеты и клятвы. В какой-то момент я всерьез задумался, смогу ли захватить тело. Для чего, как подозревал, придётся убить личность мальчишки.

Я, тот, кто клялся защищать человечество, помогать нуждающимся, был целителем и солдатом, всерьез задумался об убийстве невинного ребенка.

Но и не задумываться не получилось.

Время шло. У меня перед глазами пролетали годы чужой жизни. Годы, которые души всех тех, кто мне был дорог, страдали в чреве бога смерти.

Стоила ли жизнь ребенка того, чтобы дать себе шанс переиграть ту битву, попытаться всё исправить?

Ответ был однозначен — нет. Но шло время. Я снова задавался вопросом. И снова. И снова. Это было хуже самого опасного яда. Чувствовать, как подтачивает все твои идеалы и обеты, которые приносил.

Хорошо, что я так и не нашёл способа перехватить тело. Хорошо, что не пришлось делать этот выбор.

* * *

Шло время. Годам к шести я полноценно выучил язык. Да и в целом об окружающем мире узнал всякое разное, что наводило на не самые приятные размышления.

Семья, где жил мальчик, состояла из двух родителей и кошки. Жили они в многоквартирном доме. У них была горячая вода в квартире и... электричество. Настолько продвинутый водопровод — это удел богачей, вовсе не крестьян. Поэтому я сделал вывод, что подглядываю не за простыми людьми. Но убранство их квартиры было скудным. Сам дом — вовсе не красивым и изящным. Также в доме жило много других людей, это уж точно не отдельный особняк. А электричество? Нет, я мог представить, как стихийные маги подчиняют молнию, но всё остальное? Один телевизор чего стоило. О магах разума и иллюзий я никогда ничего не слышал. Местные же адепты смогли заключить тысячи иллюзий в телевизор. И не ради великой цели, а ради... развлечения.

Это у меня никак не укладывалось в голове. Как и то, что находилось за пределами дома. Большой-большой город. Будучи в теле мальчишки, сложно оценить его масштабы, но точно уж не маленький поселок. В котором передвигались на металлических повозках. У родителей мальчика такая была. Его отец ездил на машине работать.

Язык тоже был мне незнаком. Как и все географические и исторические названия, что мелькали в разговорах и по телевизору. Немного бесило, что пацан предпочитает мультики, а не познавательные передачи, но выбора у меня не было. Я пытался влиять на его интерес и ничего не добился.

Ни-че-го.

Мне оставалась роль наблюдателя и целителя, когда мальчишка делал очередной Вдох.

Целители — отдельный факт, который меня беспокоил. Они были совсем какие-то неумехи. Давали таблетки. Предлагали полежать в больнице, но родители отказывались, потому что для них это было слишком дорого. Назначали непонятно что.

Проблема ведь элементарно решалась. Парня в пять лет уже можно был отвезти в любую школу, с которой родители хотели, чтобы он связал будущее. Да даже просто склонность к способностям определить и обучить контролировать Вдох!

Но никто ничего не делал из того, что надо. Целители про это молчали. Родители были не в курсе. Я даже какое-то время думал, что мальчишку хотят заморить, но нет, родители его искренне любили.

Просто были дремучими идиотами. Как и местные целители. К которым ничего, кроме презрения, за эти пять лет я не почувствовал.

Причем маги и адепты у них имелись. Не проходило и недели, как мелькали новости об очередном столкновении. Войны — это ещё одна странность, которая не давала мне покоя. Слишком много всего я за эти годы услышал. Про разборки на улицах города. Про войны кланов. Про войны школ. Про войны городов. Про войны бояр и сражения между государствами.

В этом королевстве постоянно люди сражались... друг с другом.

Это уж совсем у меня внутри не укладывалось.

Я не обольщался касательно человеческой природы, но в моем королевстве до прихода мертвых с момента последней войны прошло что-то в районе пятисот лет. Пятьсот лет мира! Который наступил в те времена, когда адепты стали давать обеты. Так и родились первые Защитники и Правители. Которые оберегали земли, отказавшись от алчности и амбиций.

Возможно, это и привело нас к гибели. Пятьсот лет мира убили искусство сражаться. Пришлось учиться заново.

Не успели.

Электричество, машины, целители-неумехи, постоянные войны... Но самое главное, ни одного упоминания о мертвых.

Со скуки я сотни теорий придумал, куда попал. В прошлое, в будущее, в далекое королевство, может, на другой материк, куда напасть ещё не добралась. А потом отец пацана решил заняться его обучением и глобус подарил. Который мальчонка изучал долгую минуту, после чего благополучно забил. Ему такое было неинтересно.

Я же узнал, что материки здесь все открыты и называются они совсем не так, как у меня на родине. Да и выглядят иначе.

Но мысль, что я попал в другой мир, казалась бредовой.

* * *

Когда парню было восемь, он вместе с родителями поехал за продуктами. Рутинное, в общем-то, дело.

Ехали они на рынок и пути всего ничего было. Минут двадцать на машине.

Как это случилось, я не углядел. Смотрел глазами парня в окно.

Все его ощущения, когда машина врезалась во что-то твердое, мне приглушенно передались. Я ощутил боль в грудь, в голове... Да по всему телу, считай. А потом — темнота. Мальчишка отрубился. Я же испугался, уж слишком всё резко произошло.

Когда дошло, что случилось, бросился его проверять. Плохо дело. Ох плохо... Переломы, смятая грудная клетка, сотрясение...

В тот момент я понял две простые истины. Местные дрянные целители с этим ничего сделать не смогут, даже если прямо сейчас окажутся здесь. А они не окажутся. Значит, если я не вмешаюсь, мальчишка умрет. Я тоже, скорее всего, умру. Но если мне существование давным-давно надоело, то мальчику я такой участи не желал.

Поэтому взялся за дело.

Как справился — сам не знаю.

Точнее, знаю. Чудом. Напряжением всех доступных сил. Прощёл по грани. И его по грани протащил. Да так, что снова почувствовал серьезное истощение. Даже подумал, что вот он, способ самоубийства. Но нет, нельзя. На мне ещё долг висит. Нельзя помирать.

Так и балансировал. Между собой и мальцом. В своем состоянии я его полностью вылечить не мог. Но заставить продержаться до приезда целителей — да. Те, пусть и неумехи полные, что всё же должны были помочь. И — помогли. А там уж и я подсобил, не дал пареньку загнуться.

Когда тот очнулся, узнал, что родители его — всё. Мертвы.

Этот факт придавил мальчишку, он долго плакал. А меня как-то не задел. Просто в тот момент, когда человек в белом халате сообщал ему новость, под потолком я заметил духа-смерти. Мелкая паскуда, которая любила селиться в таких вот местах, поджирать ослабленных людей и жить за их счёт.

И этот дух явно нацелился на паренька.

Глава 2

Духи смерти, которые обнаружили в больнице, даже не полноценная нежить. Это сгусток Масла с большой долей энергии из плана смерти, у которого есть капля разума и бесконечный голод. Тупое, примитивное существо, которое легко убьёт любой начинающий адепт.

Ладно, не любой. Тот, у кого развит взгляд и минимальные навыки контроля Крови. Подал Кровь в руку и можешь прихлопнуть.

Крутить головой я не мог. Мальчишка, оставшись один, пялился в одну точку. Его можно было понять, но как же это не вовремя. Ни свободы передвижения, ни рук. Так себе условия, когда надо убить примитивного духа и не дать ему добить ослабшего мальчонку. На местных я не надеялся. Уже понял, что они даже не видят духа.

На моей родине даже в самой дрянной лечебнице такого не позволили бы, чтобы духи здесь свободно пациентами питались. А раз они есть, значит, за этим никто не следит.

Первым делом я в очередной раз проверил состояние мальчишки. От его организма потребуется максимальная отдача. И толика везения, потому что нет никаких гарантий, что он выдержит мою задумку.

Дух напал ночью, когда мальчишка уснул. Стоило твари прицепиться... Я втянул её внутрь. Это ведь всего лишь Масло. Пусть и немного разумное. Сомневаюсь, что мальчика сам бы смог его Вдохнуть, но у меня способностей хватило. А дальше... Я изолировал его, разорвал на две части, потом на четыре, отделил их друг от друга и принялся очищать. Убери энергию смерти, и останется небольшой сгусток обычного, пусть и не особо чистого Масла.

Которое я тут же пустил на подпитку себя, эти манипуляции требовали больших затрат, а если я сейчас отключусь, то парень умрет. Он не выдержит даже мизерную порцию смерти внутри себя...

К рассвету я закончил. Все остались живы, никто не пострадал. Кроме духа, конечно же. Излишки грязного Масла вывел за пределы тела. Из-за чего подняли шум, когда утром пришла медсестра. Масло ведь не просто так называют Маслом. Если выделить небольшое количество, на теле появляется маслянистый оттенок. Если выделить количество побольше, то... Неудивительно, что постельное белье запачкалось. Что медсестре, а младших целителей здесь называли именно так, почему-то не понравилось. Нет бы радоваться, что парень очистился, а не умер! Нет же, она сокрушалась, что белье менять надо.

Впрочем, чего это я. Пора перестать удивляться чужому непрофессионализму.

* * *

В следующую ночь нас атаковало сразу трое духов. Сбились в стаю и напали на того, кто убил их собрата. Удивительная согласованность для тех, у кого капля разума. Или они настолько отъелись, что капли стало две?

Как бы там ни было, отбиться оказалось в тысячу раз сложнее. К утру мальчишка едва дышал. Я чувствовал себя ничуть не лучше, почти не улавливая, что там вокруг происходит. Когда оклемался, обнаружил, что парня непонятно чем накормили. Печень и почки у него в разнос пошли. Да и остальные органы не сказать, что радовали.

Врачи что, отравить его собрались?

Пришлось и с этим разбираться. Всю следующую неделю я боролся за жизнь мальчишки. На грани, на пределе сил.

Вытянул его. А духи больше не приходили. Видел, как выются вокруг, но нападать не решаются.

* * *

Мальчишку выписали ещё через неделю. Совсем не здорового, скорее наоборот. Он, а значит, и я, слышал, как за дверью ругались медсестра и врач, что бюджета держать сироту и дальше нет. Пора его в приют отправлять, а дальше как повезет.

Повезет... Ага, как же. Поубивал бы этих вредителей.

* * *

На следующий день мальчика отвезли в приют. Где тупо скинули на кушетку и отбыли. Подходили другие мальчишки. Задавали вопросы. Кто-то даже толкнул пару раз грубо.

Мальчишка, а звали его Олег, закрылся и никак не реагировал.

Я же думал о том, что наши судьбы похожи. Мне тоже довелось остаться в малом возрасте сиротой. Только приюта никого не было. Потому что у нас не было принято поступать так с детьми, если они оставались без родителей. Сразу расселяли по тем, кто был готов принять, пристраивали к школам или храмам. Я же на улице оказался. Потому что в тот день, когда сиротой стал, много чего случилось. Не только мои родители погибли.

Но и так, пусть какое-то время пришлось жить на улице, люди стремились помогать. Здесь же я наблюдал безразличие, слабо представляя, что ждет мальчишку дальше.

* * *

Шли дни. Постепенно Олег приходил в себя. Я ему стимулировал раздражение в желудке, чтобы аппетит хороший был. А то есть он совсем не хотел. Да и жить тоже, если уж на то пошло.

Смерть родителей и попадание в приют стало для него настоящим шоком. И не сказать, что встретили его любовью и теплом. Воспитателям было откровенно плевать на то, что происходит в коллективе.

Если коротко, то ничего хорошего. Одни дети самоутверждались за счёт других. Насилие и издевки были нормой для этого места. Чем больше замечал, тем хуже прогнозы в отношении Олега становились.

Так оно и вышло. Как поправился, над ним стали издеваться. Провоцировали, били даже.

А я что... Я молча латал паренька.

Для меня это было отдушиной. В своем состоянии я был способен помочь хотя бы ему.

Дилемма моего существования разрешилась сама собой, когда Олегу исполнилось четырнадцать лет.

Лучше бы не разрешалась.

Я не знал, как попал в чужое тело, но был готов проклясть того, кто это сделал. Только ко мне никто не заявлялся, чтобы взять ответственность на себя и получить по морде.

Поэтому мне пришлось наблюдать, как разворачивается трагедия. Дети — росли. Рос Олег. Росли те, кто тиранил сирот. Некоторые сбегали. Некоторых отправляли за дверь, когда они выросли. Трагедия случилась, когда произошла очередная смена власти. Старый «босс» ушёл на волю. А трое его прихлебателей сцепились за то, кто теперь будет «править». Сцепились не напрямую. Начали вербовать новых прихлебателей, самоутверждаться за счёт других. Правила здесь царили нехитрые. Кто покажет себя главным отморозком, готовым на любую жестокость, тот и станет главным.

Когда Олега выбрали жертвой, мальчик ничего не понял. Дошло постфактум, когда его затолкали в туалет и принялись бить. По надуманному поводу. Это был, пожалуй, самый отбитый из всех мальчишек. Лопухий, рыжий, легко заводился и впадал в состояние аффекта. Звали его Всеволод, но все обращались — Сева.

Тот редкий случай, когда я порадовался, что мои эмоции приглушены. Потому что ничего, кроме ярости, эта ситуация не вызывала.

Олег не смог сделать ровным счетом ничего. Безвольная жертва. На него я тоже злился, что не пытается себя защитить.

Сева быстро впал в состояние аффекта. Его дружки стояли у входа в туалет, на шухере, как говорили местные бандиты.

В какой-то момент я перестал видеть, что происходит. Олегу разбили лицо, подбили оба глаза, он поплыл и отрубился. Но бить его не закончили.

Обрабатывали ногами, пока он совсем не затих. А потом — ощущение свободного полёта, звук падения, и проблем в организме резко прибавилось. Кажется, парня просто выкинули в окно, чтобы выдать за несчастный случай.

Да, ведь каждый день сироты выпадают избитыми в окна.

Никто не пришёл за ним до самого утра. Кроме голодных духов, которые накинудись скопом. Несколько из них я убил, когда они пытались за эти годы полакомиться мальчишкой, а сейчас снова набросились, чтобы отомстить.

Я их поглотил, втянул и перебил бы по отработанной схеме, но сил уследить сразу за всем не получилось. Олег — умирал. У него остановилось сердце. Перестали работать легкие. Кровь замедлилась, перестала питать мозг. А меня отвлекали духи, которых в этот раз был целый десяток.

Они словно с ума посходили, настолько хотели пожрать то, что осталось от парня.

В отчаянии от понимания, что все эти годы заточения прошли зря, я перестал церемониться. Речь уже не шла о том, чтобы всё сделать правильно. Нужно было спасти паренька.

Не получилось.

Я бился за его жизнь до последнего, пытался удержать, заставил биться сердце, работать легкие, бежать кровь по венам.

Но всё это было напрасно.

Он умер. В какой-то момент я ощутил, что его душа покинула тело, испытав облегчение. Духи набросились на неё с особой жадностью, но я не дал им разорвать её. Сам их уничтожил. Одним усилием. Теперь-то чего. Терять уже было нечего.

Или есть?

От убийства духов в тело выбросило большую порцию Масла, с высокой концентрацией энергии смерти. Та разбежалась по венам, отравляя организм. Это был шанс. Глупый, но шанс. Сколько раз я оказывался в ситуациях, когда выбора нет и надо работать с тем, что есть? Не сосчитать. Вот и сейчас. Выбора нет. Я либо захвачу это тело, либо тоже умру.

Неожиданно получилось легко. Как говорят, хорошее место долго пустым не бывает. Меня втянуло куда-то туда, откуда вышла душа Олега.

И... В первые секунды я очень пожалел, что влез в умирающее чужое тело.

Паршиво было так, что и представить трудно. Каждый мучительный вдох отдавался болью. В голове шумело. Глаза видели лишь белую вспышку — результат болевого шока.

Но ничего. Как-никак, среди всего человечества я самая живучая скотина, которая продержалась дольше всех. Прошла секунда, вторая, третья... Я запустил очистку... Самую примитивную, без источника ничего лучше было не сделать, но и этого хватило. Стало полегче. Я приноровился и смог дышать со сломанными ребрами.

Как и сказал, до самого утра ко мне так никто и не пришёл. Повезло ещё, что сейчас лето и дождя не было. Так и замерзнуть недолго.

Целители, которые прошли через войну, — это такие создания, что если их не убить сразу, то оклемаются. У меня сейчас от силы тысячная часть прошлых сил, но и исправить мне надо было обычные переломы да разрывы, а не отравление боевой магией нежити.

Главное, что я смог самостоятельно сделать Вдох. Втянуть в себя Масло, пусть и грязное. Отсекая лишнее, я выделял среди него Кровь и каждую Каплю пускал в дело. Остановил кровь, стабилизировал состояние. Взаялся за кости... Это было куда сложнее. Требовалось собрать больше Крови. Без Источника её приходилось копить прямо в неподготовленном теле. Если бы не высокий контроль и понимание, что вот он, мой шанс исполнить долг, у меня бы ничего не получилось.

На рассвете я смог сесть. Ещё через полчаса — вернуться в здание, которое никто не запирает. В туалете привёл себя в порядок.

Буквально каждая клетка тела горела. Те Вдохи, которые делал Олег, были сотой частью от того, сколько силы я пропустил через его организм сегодня.

Но иначе — никак.

* * *

Надо было видеть лицо того уroda, который выкинул Олега в окно. Челюсть отвисла, глаза расширились. Я даже улыбнулся ему.

— Ты... — прохрипел он и выставил палец в мою сторону.

Умер и вернулся за тобой, малолетний ублюдок.

А ещё вернулся, чтобы поесть. Поэтому проковылял мимо столпившихся в общем коридоре сирот и прошёл в столовую. Как раз к завтраку успел. Мне, чтобы полностью исцелиться, требовалось время, кормежка и сон. А дальше... Дальше видно будет.

Пока ел, ко мне боялись подходить.

Может, потому, что сидел я с улыбкой напрочь безумной.

Я не знал, кто засунул меня в чужое тело этого несчастного мальчика. И я не тот человек, который ради своих целей, какими бы возвышенными они ни были, прикончит самолично невинного пацана. Дело вовсе не в характере. Потому что те, кто мне дорог, все мои соратники — они бы не поняли этого. Мы защитники, опора человечества, а не убийцы.

Только вот у меня есть все подозрения, что я не в своем мире или очень далеком будущем. Местное общество устроено совсем иначе, оно куда агрессивнее, чем наше.

А значит, старые принципы не сработают. К тому же за эти четырнадцать лет я изменился. Не скажу, в какую сторону. Но то, что стал циничнее — это уж точно. Тот факт, что Олега убили — несколько не удивил. Он был слаб. А его окружение было жестоко. Закономерно, что он стал жертвой.

Я его не винил. Мне его даже жаль было. А вот его убийцу — нет, не жаль.

Но и так сразу переступить через себя, убить мелкого, глупого пацана, я не мог.

Поэтому мстить ему надо с умом. Не идя против себя и данных когда-то обетов. Пусть у меня сейчас и нет Источника, он не выстроен согласно клятвами и обетам, возможно, они и вовсе не действуют, но... Мало ли что там с Источником. Я клялся, и это неизменно.

Но ладно Сева, не он причина, почему я безумно улыбался.

У меня появился шанс снова бросить вызов богу смерти. И если он думает, что разделался со мной, то сильно ошибается.

Вот о чем я думал, уплетая удивительно невкусную кашу. Окружающие чувствовали изменившийся настрой. Поэтому и боялись.

Детей имею в виду. Взрослым-то плевать было. Того, что я весь в крови, воспитатели даже не заметили. Как и кухарка, которая бросила недовольный взгляд, но и всё.

* * *

В ту же ночь меня пришли добивать.

А я и не таился. Сам в туалет ушёл. Прямо роковое место.

— Эй, Олежа, — зашёл следом Сева. — А как это ты такой целый?

Я в окно смотрел, думал о всяком. А как он вошёл, так повернулся.

Шагнул к нему, что он встретил презрительным взглядом, и в грудь его ладонью ткнул. Вбил духа смерти прямо внутрь.

Физически удар слабым вышел. Олег — тот ещё тюфяк. Поэтому и пришлось выкручиваться.

— Хе... — выдохнул недоуменно малолетний бандит. — Кхм... — закашлялся он резко.

Я ему в пах коленом добавил и на пол повалил.

— Я из мертвых вернулся, чтобы отомстить, — сказал не своим голосом. — Вы следующий.

Последние слова — его подельникам. Они и так себя за день накрутили, слишком уж я изменился. А сейчас так и вовсе сбежали, словно и не было.

Я над Севой наклонился и волну Крови ему в грудь пустил. Дух выскочил, тут-то я его и схватил. Не успел непоправимый вред нанести.

А дальше я по лицу несколько раз парня ударил. Каждый удар острой болью отзывался.

Руки слабые, кулаки не набитые, ребра не зажили. Успокоился, только когда Сева трепыхаться перестал.

Подтянул его, да головой в унитаз засунул.

Когда из туалета вышел — увидел, как малышня разбегается и прячется. Ага, значит, им тоже интересно. Без зрителей шоу не останется.

Ничего лучше, чем унижить и уничтожить авторитет Севы, я не придумал. Не убивая и не калеча — других вариантов-то и не осталось.

Ладно, с этим разобрались. Пора к следующему шагу приступать.

* * *

Вломиться в столовую не получилось. Закрыли надежно. Пришлось так уходить, налегке.

Входная дверь, как и вчера, была открыта. С неприятным ощущением понял, почему так. Меньше детей, меньше проблем. Сбежавших не искали. Надеюсь, и меня не будут.

Я вышел, дошёл до калитки — вот та закрыта была на ключ. Особо не парясь, я кое-как перелез через забор. Он всего-то метр высотой. Но какое же слабое тело мне досталось. Ужас просто.

Но ничего. И с этим тоже справлюсь. Мир, жди меня.

Четырнадцать лет — это тот срок, за который можно проработать идеальный план. Подвергнуть его сомнению. Улучшить. Подумать, по каким путям может пойти жизнь. Придумать и на эти случаи планы.

Для меня планирование превратилось в способ побороть скуку. Поэтому сейчас, оказавшись на улице, я свободно вздохнул, точно зная, что мне делать.

Шаг первый — решить вопрос с телом. Без обид, Олег, мне жаль, что ты умер и прожил несчастную жизнь, но теперь мой черед. Уж я постараюсь использовать эту возможность как следует. Глядишь, и ты улыбнешься с того света, когда увидишь деяния мои.

Так что с первым шагом разобрался. Из вводных — мне четырнадцать лет, тело совершенно не развито, я ранен, нету семьи, денег и полноценных знаний о мире. Из плюсов — я много чего знаю о целительстве и пути воина.

К сожалению, знания неполноценные. Я не стал настоящим целителем. Солдатом был неплохим. Совсем немного — адептом стихий. Весь мой путь можно охарактеризовать так — хватался за всё доступное. Никогда не ленился совета просить у старших товарищей. Так и нахватался всего понемногу. В последние годы никто за свои секреты не держался. Делились всем, лишь бы немного шансы на выживание повысить.

Насколько мои знания будут здесь актуальны — пока сложно оценить. Вместо чистой Крови — грязное Масло. Но оно есть. А это уже что-то. Возможно, есть и другие отличия поэтому впереди меня ждет серия экспериментов. Но это позже.

Сейчас важен следующий шаг — выжить. Точнее, в моем большом плане такого шага не было. Но, учитывая реалии, пришлось добавить.

Я по-прежнему ранен, а значит, нужно озаботиться отдыхом, безопасным местом и едой. Сейчас лето, а значит, с этим будет проще. Вариант остаться в приюте я отменил сразу. Сева бы очнулся и добил меня. Лучше уж так, на улицу. Ноги есть, язык знаю, кое-какие навыки имеются. Выкручусь как-нибудь.

Кое-что я об этом мире я уже знал. Поэтому сразу направился к железным путям. Поезда, когда увидел их впервые по телевизору, поразили меня. Но то давно было. Сейчас же я в них видел отличный способ убраться в другой город. Олег не раз слышал, как этот вариант другие мальчишки обсуждали. Работы для сирот в этом небольшом городе не было. Поэтому они и говорили, что надо забраться в поезд, на нем уехать в город побольше, а там уже на месте искать работу.

До них всего ничего было. Он на окраине находился, как и приют. Пусть и ночью, но добрался. Вблизи на поезда посмотрел. Впечатлился.

А там увидел троих стариков, которые, оглядываясь, забрались в один из вагонов. Тоже вольные путешественники, как и я. Про подобных им слышал. Кочевниками называют. Прибиться к ним не самый плохой вариант на первое время. Старики уж точно знают, как выживать, находясь на социальном дне.

К ним-то я и направился. Понимал, что проблем могу заполучить. Но не в моем положении нос воротить. Да и не такой уж я беззащитный, пусть и в теле слабом.

Прорвусь как-нибудь.

— Ты кто будешь, пацан? — спросил меня один из стариков, когда я створку отодвинул и внутрь сунулся.

Сначала они замерли, затаились, а когда разглядели, то сразу уверенности прибавилось. Ещё и за палки схватились. Или посохи? Не, точно самые обычные палки. Такой и мусор поворошить можно, и по голове огреть, и опираться при ходьбе.

— Путник я, — ответил им. — В другой город надо. Вас увидел, подумал, что лучше здесь ехать, чем на ветру щёки морозить.

— И не побоялся сунуться к нам? — удивился второй старик, тот, что в правом углу затаился.

Вагон, кстати, был совсем пустой. Пахло в нем так себе, но и не сказать, что плохо.

— А что, обидеть захотите? — простодушно спросил я.

— Да сдался ты нам, — язвительно заметил первый. — Мамка-то ругаться не будет, что сбежал?

— Была бы у меня мамка или кто из родни — бегал бы я? Так что, свободно у вас, или другое место искать?

— Залезай, — ответил второй, переглянувшись с остальным. — Главное не шуми, дорога тишину любит.

Я залез, закрыл за собой дверь, да в дальний угол забился. Не шуметь так не шуметь.

Первое время сидел, напряженный. Старики тоже не шумели. Как поезд двинулся, да колесами застучал, чуть расслабился. Как и они. Разговор завязали.

А там и меня позвали, знакомиться.

* * *

Хозяин скотобойни отодвинул тяжелую дверь, где скотину пускали в расход. Запашок стоял, мягко говоря, специфический. Местное начальство было настолько любезно, что выдало нам маски, но что толку с них.

— Зовите, как закончите, — махнул рукой мужчина неопределенных лет и поспешил сбежать.

— Ну и смрад, — недовольно выдал дядя Коля.

— Не впервой, сдюжим, — ответил ему Жан.

Что Коля, что Жан были ближе к понятию старики, чем дяди, но первый требовал обращаться к нему именно так, а второй вообще без всяких приставок. Ну да и неважно это.

Третьего из нашей компании звали Дмитрий Сергеевич. На вид он моложе первых двоих был, но любил, когда к нему по имени-отчеству обращались. Был он главным в этой компании и всегда сам ходил договариваться с начальством.

В этот раз так же было. Мы приехали в очередной город, не смогли сразу найти работу и согласились на «сомнительную» халтуру.

— Не спешите, — остановил я троицу.

Ту самую, к которой в поезд удачно залез. Людями они оказались нормальными. В разговор втянули, выслушали причины, почему сбежал, заметили, что ранен. Хлебом поделились, воды дали. Я-то налегке совсем ушёл. Когда уснул, тоже не трогали. Как приехали, разбудили. С собой позвали, я и согласился. Первое время совсем тяжело было. Я недели две в себя приходил, кости сращивал. Балансировал всегда на грани.

И вот что странно. Те, кто без дома, тяжелую жизнь ведут — пацана неродного пригрели да выходили, считай. А те, кто в приюте работал и о детях заботиться должен был — ничего, кроме безразличия, не проявили.

Да и плевать. У меня своих забот хватало, помимо того чтобы размышлять о несовершенстве мира.

Как оклемался, работать со стариками стал. Брались они за то, на что приличный человек не согласится. Ночевали во всяких шарашках, путешествовали.

Промолчу о том, как свои силы проверял, экспериментировал с Маслом. Изучал, на что способен в этом мире и в этом теле. Не так-то просто скрыться от чужих глаз, когда живешь с бродягами.

В итоге на одной из халтур я засветил часть способностей. Духи там были, накинлись сразу на стариков. У тех-то жизненных сил мало, легкая добыча. Там уж не до скрытности было. Я принялся бегать вокруг них и руками махать, духов изгоняя. Старики не поняли, чего это я. Пришлось объяснять... А чтобы за психа не приняли, и подлечить. Ничего такого, обычную чистку каждому провёл, но им сразу полегчало. Соглашаясь на дерьмовую работу, они грязного Масла по самое не могу нахватывались.

— Опять эти твои духи? — подозрительно косясь в темноту загона, спросил дядя Коля.

— Как иначе, — ответил я. — Место дрянное. Тут всякое скопилось.

Работу нам дали с душком. Да что там душком — со смрадом. Не удивлюсь, если нас уже хоронить приготовились. Насмотрелся я на всякое в этом мире. Много чего узнал. Поэтому совсем не удивлялся тому, что адепты есть — а умных людей нет. В таких местах, где постоянно животных убивают, чистка строго обязательна. Но разве кто проведет ритуал? Да куда там. То ли денег нет нормальным специалистам заплатить, то ли просто не знают о правилах безопасности.

Непонятно только, на что надеются, кочевников нанимая. Что они тут руками всё отмоют и лучше станут? Зла не хватает на идиотов.

Я с ходу с десятков духов смерти увидел. Они и здорового человека сожрать могут минут за пять. Зуб даю, здесь уже кто-то сдох. Поэтому начальник и убежал. Опасается. А кочевников не жалко.

— Надо было тройную плату требовать, — сказал я.

— Кто ж нам её даст, — удивился дядя Вася.

Это да. У кочевников никаких социальных прав нет. Не аристократы, чай.

— Ждите здесь, — сказал старикам.

Стадию, когда они спорили и защищали сопливого юнца, мы уже прошли. Кое-какой авторитет я накопил.

О том, что я каждый раз сильно рискую, никому не говорил. Зачем волновать их. Пусть лучше думают, что я странный мальчишка с даром.

Ага, с даром. Он-то у Олега имелся, не спорю. Только вот я привык работать совсем с другими объемами, к которым тело приспособлено не было. Приходилось его тренировать. Как физически, а то дюже щуплый и хилый, так и в плане дара, пропуская через себя Масло каждый день.

Как же это мучительно медленно получалось. Без Источника сильно не развернешься. А чтобы Источник открыть, нужно много Крови. Которую у меня не получилось в нужном объеме накопить. Так и мучился вот уже полгода, дожидаясь, когда тело разовьется до нужного уровня.

Вздыхнув и посокрушавшись над превратностями судьбы, вошёл внутрь здания. Идите сюда, мелкие засранцы. Сейчас вы сами моей закуской станете.

* * *

Когда закончил, умаялся так, что, разозлившись, сам торговаться по поводу оплаты пошёл. Старики остались чистить. Надо ведь было и видимую часть работы сделать. Я же духа одного прихватил и начальника отыскал.

— Сбежать вздумали?! — испуганно-угрожающе крикнул он, но, подумав, успокоился и добавил: — Или нужно что?

— Всё сделаем, начальник, — ответил я, не зная, как его зовут. — Но старший послал сказать, что работка-то с подвохом. За такую и заплатить побольше надо. Здоровьем расплатимся своим.

— Я и так хорошо вам плачу! — возмутился он.

Вот же жадный козёл. На, держи духа.

Мужику как-то резко поплохело.

— Деньги вперед вы нам не давали. Не заплатите — уйдем. А дальше — сами мучайтесь. Проблема-то никуда не денется.

— Сколько надо? — спросил он, побледнев.

Вовсе не от моих угроз. Я выглядел скорее смешно, чем внушительно. Дух свою работу делал.

— В три раза больше, — нагло заявил я.

Он согласился.

Какой позор. Узнай кто в прошлой жизни, что духов смерти использую для вымогательства, нарекли бы темным магом да казнили. Но и деваться-то некуда. Совесть что-то совсем молчала. Не будь меня здесь, стариков бы точно сожрали. Поэтому то, что мы получим пару десятков рублей сверху и возможность нормально питаться ещё неделю, пожалуй, слишком низкая компенсация за риск и грязь.

Деньги я требовал сразу. Духа убрал. А потом пошёл старикам помогать. Обычную грязь и кровь там ещё чистить и чистить.

* * *

Когда мне исполнилось пятнадцать лет (а я решил воспринимать это тело как полностью моё), случилось знаковое событие, которое снова мою жизнь изменило.

Кочевники не только путешествиями занимались да нелицеприятной работой — они ещё, бывало, и группами собирались, слухами обменивались, просто общались. В этот раз так же случилось. Дмитрий Сергеевич нас на поляну в лесу недалеко от города привёл. Там человек тридцать уже собралось. Кто-то выпивал, кто-то болтал. Старики ушли общаться, а я себе место нашёл да спать лег. Умаялся в тот день, да и вечер уже был.

Проснулся от криков. Вскочил, заозирался, спросонья ничего не понял, а как разглядел напасть — так глазам сразу не поверил. Тело раньше среагировало.

Прямо на поляну выскочили три гончих. Так называли собакоподобных, мертвых

хищников. Быстрые, хорошо след берут. Их надо убивать быстро, чтобы армии мертвых сведения не передали. А то приведут кого опаснее.

Я палку подхватил, забыв, что нахожусь в другом мире, в чужом теле, и что палка — вовсе не меч. Вспомнил об этом, когда уже ближайшую тварь по голове треснул. С тем же успехом мог стену пинать. Пострадала скорее палка, чем гончая. Тварь удивилась, оскалилась и на меня прыгнула. Я должен был кувырком уйти и обратным движением меча разрубить хищника. Вместо этого и дернуться не успел, оказался моментально погребен. Тварь сверху навалилась, и единственное, что я успел, — выставить палку перед собой. Та и вошла заостренным концом прямо в шею, не дав челюсти на мне сомкнуться.

После чего я сделал большую-большую глупость.

Я сделал Вдох.

Обнял гончую покрепче и потянул всё, до чего смог дотянуться. Это не дух. Эта тварь куда опаснее и сильнее, у неё физическое тело есть. Но что-то у меня получилось. Энергия смерти широким потоком в меня вошла.

Так мы и затихли. Гончая сверху упала, придавила, а я просто замер, не в силах ни вдохнуть нормально, ни пошевелиться.

И всё же рефлексы не обманешь. Поднаторел я в очищении. Удержал процесс. Не дал убить себя.

В тот момент меня можно было брать тепленьким. Ничего бы сделать не смог. Но гончие почему-то проигнорировали. Быть может, потому, что им живые интересны. А меня черной жижей залило, что из раны гончей вылилась. Да и энергия смерти ко мне перешла. Так и сошёл за своего. То есть за мертвеца.

В себя пришёл уже на рассвете. Полуживой.

Ну как пришёл... Мои же старики меня в чувство и привели. Выжили как-то.

— А мы думали, тебя подрала тварь... — сказал мне дядя Ваня. — Говорил я! — бросил он раздраженно Жану. — Нашего парня так легко не возьмешь!

— Чудо, — почесал лысую макушку Жан. — Но с головой-то у него всё в порядке? Чего лыбится? Выглядит как черт, ещё и улыбается!

А чего не улыбаться-то. Мне энергии на Источник хватило. Я теперь полноценный адепт.

Сам не понял, как так вышло. Энергия смерти в меня вошла, я её давай очищать. А потом накрыло, потемнело всё. Только и делал, что, теряя сознание, энергию прессовал, Источник формируя. Когда очнулся, трансформация уже закончилась.

Ну держись, бог смерти. Я ещё на один шаг ближе к тебе.

* * *

Радости моей хватило минуты на три. Старики помогли выбраться, опасливо косясь на гончую и причитая, что за страхолюдина-то. Увели с поляны. Я покосился на десяток обглоданных трупов и подумал, что нашей группе очень сильно повезло.

Стоило уйти из леса, как меня резко затошнило, и до того, как успел что-то сделать, в обморок отправило.

Очнулся я в вагоне, спустя неизвестно сколько времени. С повышенной температурой, ломотой в теле и... отравлением энергией смерти средней тяжести. Что, как мне известно,

местными врачами-недоцелителями не лечится. Да и не повёл бы меня никто к врачам. Они денег стоят. Не для кочевников услуга. Хорошо, что я сам себе целитель.

* * *

В себя полностью пришёл дня через три и начал думать над следующим шагом.

Если глобально смотреть, то план у меня следующий: набрать личную силу, влияние, армию и достать деньги, чтобы содержать её. Заключение союзы с сильными мира сего, а потом идти бить армию мертвых, где бы она ни скрывалась.

Если же локально смотреть, то Источник был важным пунктом. Насмотревшись на реалии этого мира, я не питал иллюзий, что сирота кому-то нужен. Нет, может, в школу меня и возьмут. Я слышал, что набор учеников у них бывает. Но, готов спорить, там хватает своих проблем, которые вешать себе на шею не хотелось. По крайней мере, не сразу и не выяснив нюансы.

Хорошая новость в том, что я сам себе школа. И как бы не получше, чем то, что мне здесь могут предложить. Наверняка среди элит дела обстоят иначе, но среди простых людей навыки обращения с Маслом и уровень понимания вопроса крайне печальны. А ведь это используют. Всякое разное творят и вытворяют.

Источник создал, дальше нужно его укреплять. Идти я собирался тем путем, которым уже ходил. Связка целитель-воин отлично себя показала против нежити. Ничего нового выдумывать я не собираюсь. Только развивать лучшее, что прошло проверку боем и жизнью.

Начать я собирался с целительства. Для меня это самый просто способ набрать силу. Заодно легализоваться в этом мире.

Среди кочевников разный народ попадался. Мои старики тоже не всегда так путешествовали. Всякое знали и на мои вопросы отвечали. В этом мире настоящие целители всё же были. Но попасть к такому без денег мало где можно было. А если без очереди и прочих сложностей — то и вовсе нельзя. Из чего я сделал вывод, что целителей просто мало. Насколько они обучены — отдельный вопрос, который ещё предстояло решить. Также я знал, что в этом мире распространено наставничество. Если хочешь получить профессию, либо попади в ученичество к признанному специалисту, либо поступи в одну из школ.

Этим вопросом я и собирался заняться. Мне нужно найти целителя, желательного такого, у которого и поучиться можно, и добиться того, чтобы он взял меня в ученики.

На фоне цели победить бога смерти не такая уж сложная задача.

* * *

На шестой день после открытия Источника я проснулся в вагоне один. Перед собой обнаружил мешок с нехитрой едой и небольшой суммой денег. От удивления захлопал глазами.

Это что ещё такое?

Прокрутил мысленно события последних дней и хлопнул себя по голове. Я ведь и не скрывал, что подумываю, куда податься. Вопросы задавал, задумчивый ходил.

Старики не дураки, поняли, что у меня на уме. Как и то, что они меня сдерживают, что

беспокоюсь об их судьбе.

Как дошло, так выругался. Я и правда о них беспокоился. Выживут ли без меня? Кое-что о том, как убережься, они теперь знают, глядишь, и не попадутся.

Но поглядите! Старичье хитрое! И ведь не заметил, расслабился.

Не ожидал. Но, как бы цинично это ни звучало, камень с моей души они сняли. Теперь проще будет сделать задуманное. А раз так, то решено. Еду в столицу. В Москву.

Глава 4

Какие бы великие планы у меня ни были, все они упирались в то, что надо что-то кушать и где-то спать.

После, считай, года в дороге и пахоты на черновых работах у меня не осталось иллюзий, что если появится зеленый пацан и начнет демонстрировать то, что никто не умеет, то ему обрадуются. Точнее, обрадуются, а потом к стене прижмут и спросят, откуда умения такие. Поэтому действовать нужно аккуратно, а как именно, не зная реалий, я точно сказать не мог.

Зато знал, куда хочу попасть. В лечебницу Васильки. О которой даже кочевники знали. Рассказывали, что туда кто угодно прийти может. Даже такие, как они. Правда, в очереди долго стоять придется, поэтому не вариант. Сам я это на деле не проверил. Старики столицы избегали. Говорили, там своих работников хватает и можно проблем заполучить на ровном месте. Территории поделены между бандами, учениками школ и прочим сбродом. Обычных жителей это почти и не касается, а вот пришлые легко нарвутся.

Иронично то, что у Олега фамилия Васильев. Может, это знак, что мне надо в лечебницу Васильки? Кто знает.

План мой был прост. Приехать в Москву. Осмотреться. Найти работу и жилье. А там уже узнавать, как именно в лечебницу устроиться. Сомневаюсь, что сразу по профилю. Скорее мойщиком каким-нибудь. Но что гадать, когда на месте разбираться надо.

* * *

О столице я знал не так много, как хотелось бы. Самый богатый город. Торговый и промышленный центр. Также центр всяких школ боевых искусств. Место, где собирались бояре и представители кланов, чтобы решать свои дела.

Кочевники про местную аристократию говорили так. Они либо бьются между собой, либо собираются вместе и бьются с соседями.

На вопросы, насколько сильно государство, кочевники только смеялись. На их мнение в данном вопросе я бы полагаться не стал, но то, что низовой народ так скептически относился к власти, говорило само за себя. Идея прийти к правителю, сообщить об угрозе и предложить свои услуги у меня в голове даже не возникла.

Не увидел никаких предпосылок к тому, что это закончится хорошо.

* * *

Прибыл я утром, считай, на рассвете. Спрыгнул с поезда, а дальше, оглядываясь и осторожничая, выбрался за пределы вокзала и попал в город.

Да и пошёл гулять. Запас времени у меня был, на дворе начало весны, прохладно, но не настолько, чтобы замерзнуть насмерть. Хотел я для начала оглядеться, прочувствовать, чем город живет.

И не понравилось. Воздух спертый, даже в ранний час на дорогах много коптящих небо машин. Куда ни глянь, виднеются трубы промышленных зданий. Здания обычные, не

сказать, что как-то сильно отличаются от того, что видел в других городах. Такие же старые и потрепанные временем. Наверняка центр и боярская площадь отличаются в лучшую сторону, но не про мою честь туда соваться. Для этого надо одежду получше да документы, а то городничие мигом заберут.

Шёл я в сторону лечебницы, в которую хотел устроиться. Но сначала — глазами посмотреть. Слишком уж много слухов. Которые вполне могли быть правдой, если мои догадки верны.

Ведь, чтобы сильным целителем стать, надо служению себя посвятить. А если служишь, то обо всех заботишься, не только о тех, кто с деньгами и властью. Поэтому я верил, что в лечебнице всех принимать могут.

Путь до неё неблизкий. До Москвы-реки добрался, там проще стало. Знай вдоль неё иди и иди. Не совсем вдоль, конечно, не везде там пройти можно, но направление я взял, а дальше дело времени до нужного места добраться.

Часа за три и дошёл. Зная дорогу и не опасаясь местных, может, и быстрее бы управился. А так иногда сворачивал, если замечал кого подозрительного впереди.

Надо сказать, что людей с каждым часом больше и больше становилось. Нигде такого засилья не встречал. Часов в семь как повыскакивали на улицы массово, как засустились, побежали куда-то. На остановках толпились, в пробках ждали, на метро доехать пытались. Мне это на руку было, в толпе легко затеряться, сойти за своего. Но потом народ на убыль пошёл. По работам разбежались. Свободнее стало. Зато шпана всякая повылазила на простор. Да городские чаще на глаза попадаться стали. Может, из-за времени, а может, потому, что я в сторону центра двигался.

Но дошёл. Были бы ноги, а дойти всегда получится.

Мне надо было мост пересечь, а оттуда, если верить рассказам, по прямой всего ничего. Мост приметный. Пеший, с каждой стороны по два всадника стояли. Не настоящие — статуи. Черные, выразительные. На них и ориентировался.

Мост почти пустым оказался. Никого из людей, если не считать одного парня, который с котомками шёл. По две — в каждой руке. Не иначе, на рынок закупаться ходил.

Я как представил, что у него там, сразу полный рот слюны набрался. Ещё и сам парень, сразу видно, хорошо питается. Щеки красные, плечи широкие, сам мясистый. Мне до его кондиций далеко. Как-то не очень располагала жизнь кочевника к тому, чтобы мясо набрать. Я уже не такой щуплый, как раньше, но и до звания воина ох как далеко.

В общем, зацепился я взглядом за парня. Точнее, за его котомки. Проголодался, пока шёл. Двинул за ним, нам в одну сторону было. На реку засмотрелся, на дома вдоль неё. И как-то пропустил момент, когда парню дорогу преградили пятеро других парней. Что там у них за беседа вышла, тоже не услышал. Заметил, когда котомки в сторону отлетели, щекастый отпрыгнул и достал из-под тулупа... сковородку.

Самую настоящую сковородку. Чугунную, не иначе.

Мне бы, по уму, бежать от чужих разборок подальше, но, во-первых, на ту сторону надо, а обходить долго. Во-вторых, когда ещё такое зрелище увидишь? Шпана на щекастого наехала, а он сковородкой отбивается. Сразу видно, любит человек готовить.

Но не настолько, чтобы победить пятерых. Он одного приложил, а остальные на него и с боков накинлись, и сзади. Пропустил несколько ударов, руками голову прикрыл, но поплыл.

Что это, если не судьба? Не его, моя.

В этой жизни я обеты пока не давал, но в прошлой клялся защищать тех, кто в этом нуждается. Пусть этот мост треснет, если щекастому не помешает помощь в этот момент. В чужие разборки чревато ввязываться, как бы в лечебницу раньше времени не попасть. Пациентом.

А с другой стороны, почему бы и не помочь? Глядишь, парень что про город расскажет. «Поэтому, вперед!» — подумал я уже на ходу, разогнавшись.

Вошёл я в потасовку красиво. Врезался в того, что спиной ко мне стоял, снес его и на соседа повалил. Щекастый, словно почувствовал шанс, мигом прикрываться перестал, успел ногой упавшего пнуть, а сковородкой — стоявшего на ногах приложить.

А дальше... Моё участие закончилось. Потому что тот, кого я повалил, что-то такое сделал, что меня на несколько метров откинуло назад. Я на спину рухнул, да так и остался лежать. Переваривая тот факт, что меня выплеском грязного Масла приложили. И оно в тело вошло, отравляя. Пока я продохнул, паренек вскочил, подбежал и с ноги меня в голову приложил.

Так я в нокаут и отправился.

Великий воин, блин.

* * *

В этом мире я слышал фразу, бойтесь своих желаний. Теперь понимаю почему.

Очнулся я в той самой лечебнице, куда хотел попасть. Не сразу это понял. Если честно, я вообще мало что понял. Глаза открываю, лицо стянуто, правый глаз плохо видит, тошнит, в теле — муть. Нахожусь в помещении с белой побелкой. Пошевелился — кровать подо мной закрипела.

Мысль с трудом ворочалась. Не сразу дошло, что это больничная койка. А как дошло, так и остальное вспомнил. Гений. Стратег. Великий комбинатор. Да-да, это всё про меня. Очень иносказательный синоним слова дурак.

Проверил себя, обнаружил остатки отравления. Вот те и адепты. Не думал, что обычная шпана меня приложить чем-то сможет.

Вспомнил, что видел, какие ощущения испытал. Выходит, это была примитивная атака, обычный выплеск. Хорошо, что не боевая техника. Тогда бы я даже удивиться не успел, ничего бы от меня не осталось.

Плохая новость в том, что это был удар грязным Маслом. Грязь действует на организм отравляюще. Получается, этот парень совсем не владеет методами очистки, не был нормально обученным адептом и действовал во вред себе.

Отлично. Просто отлично. Я нарвался на гопника-самоубийцу, который не планировал дожить до тридцати.

Хорошая новость заключалась в том, что меня кто-то очистил. А ведь точно помню, что сам последствия удара убрать не успел. Прямо от сердца отлегло. За себя не боялся, но то, что здесь умеют очищать, — обнадеживающая новость. Правда, очистили не до конца, мелкий осадок на внутренних органах остался. Да и с последствиями удара никто не работал.

Поэтому я потратил некоторое время, чтобы позаботиться о себе.

Вскоре медсестра заглянула. Увидела, что глаза открыл. Подошла, осмотрела, заметила, что из меня Масло выделилось.

— Нагадил! — воскликнула она. — Как же так, только чистое заправила!

А про здоровье спросить? Самочувствием поинтересоваться? В этот момент я понадеялся, что это не та самая лечебница, куда попасть хотел.

— Что такое, Любочка? — заглянул в палату мужчина неопределенных лет.

Палата — это громко сказано. Здесь была койка, маленькое окно и свободного пространства ровно столько, чтобы поместились двое стоящих людей. Любочка — женщина лет сорока, полная, — заняла большую часть пространства. А мужчина неопределенных лет, вроде седина в бороде и волосах видна, а лицо молодое, был, наоборот, худым и высоким. Занял оставшуюся часть, после чего сразу тесно стало.

— Так это! — указала она на Масло по всему моему телу.

— Что тут у нас? — посмотрел мужчина на меня внимательнее. — Очнулся? Как себя чувствуешь?

— Очнулся. Чувствую сносно. Где я? — ответил я.

— На больничной койке... — ответил он задумчиво, — А ты, Любочка, наоборот, радоваться должна. Юноша очищается после отравления Маслом. Скоро пройдет.

То, что Масло называлось одинаково в обоих мирах, меня не особо удивило. Давно об этом факте узнал. Объяснялся он легко — Масло, оно и есть Масло. Блестит и скользит, если попытаться растереть.

— Он очищается, а простыни кто стирать будет? — возмутилась женщина.

— Не переживай. Скоро большая часть Масла испарится...

Пока они говорили, мужчина поводил руками над моим телом. Это точно целитель. Не врач, а именно целитель.

— Как звать тебя? — спросил он. — А вы, Любочка, пока идите, я тут сам.

— Да что на него время тратить, беспризорника... — буркнула женщина, втянула живот и протиснулась мимо врача.

Сама любезность эта Любочка.

— Олег, — ответил я, когда мужчина на меня посмотрел, — Так что это за место?

— Лечебница, — ответил он, продолжая вглядываться куда-то внутрь меня.

— Та самая?

— А этого не скажу, — улыбнулся он. — Что, лечить тебя будем?

Это он к чему? Я и так уже сделал всё, что нужно.

— Если бесплатно, то почему нет, — ответил я осторожно.

— У нас каждый помощь получить может.

— Но не сразу, — рискнул я заметить.

— Это как пойдет, — улыбнулся он. — Считай, тебе повезло.

Угу, знаю я, как везет. У лечебницы была хорошая репутация, но кочевники говорили, что хочешь получить помощь сразу — плати. За палату тоже плати. Непонятно, чего меня в одноместную засунули, а не в общую. Как бы счёт не выставили при выписке такой, что в жизни не рассчитаюсь.

— Как до жизни такой докатился, а? — закончил он осмотр и посмотрел на меня. — Подрался, нехорошо это.

Про жизнь — это он только про драки или про то, что я беспризорник?

— Да сдались мне эти драки, — честно ответил я. — К вам шёл. В смысле, в лечебницу. Через мост перехожу — а там пятеро на одного. Я и вмешался.

— Ты очень оптимистичен, — окинул он взглядом моё тщедушное тельце. — Раз

против пятерых не побоялся выйти. Ешь больше и правильно. Тогда вырастешь.

— Постараюсь, — ответил я без тени раздражения.

Тоже мне, умник.

— Постарайся, — кивнул он и посмотрел так, что сразу видно, иронизирует. — А в лечебницу зачем шёл? Кроме задержки в развитии я ничего не увидел. С загрязнением тело само справилось... — его взгляд на секунду стал острым. — Есть какие-то скрытые болезни, или по другой причине?

— На работу шёл устраиваться, — не стал я скрывать.

— Кем? — удивился целитель.

— Кем угодно. За ночлег и еду готов делать, что угодно.

— Какой шустрый, — поцокал он. — Лечебница, та самая, кого попало с улицы не берет. Учился на кого-то?

— Нет.

В другом мире, дяденька, учился. Готов помериться с тобой мастерством в некоторых вопросах. Но не говорить же об этом вслух?

— Вот, — протянул он наставительно. — Да и молод ты слишком. Отучись, повзрослей, а там и приходи.

— Когда меня выпишут? — принял я отказ стоически.

— Ты здоров. Полежи ещё пару часов, а там и иди. Родители твои далеко? Как им позвонить?

— Никак. На тот свет телефоны не дотянутся.

Ответил я спокойно, без вызова и сарказма. Мужчина своим мыслям кивнул. Я ему за плечо покосился, но сразу взгляд отвёл. Там через потолок дух мелкий просочился. Едва заметный. Значит, и здесь эта зараза есть.

А сколько надежд-то было. Что хотя бы в «той самой» лечебнице с чистотой порядок.

Но зря так подумал. Мужчина тоже духа заметил. У него на пальце кристалл мелкий сформировался, и он его без замаха в духа метнул. Того обратно к потолку и пришилило. После чего дух развеялся.

Однако дядька у меня разом сто очков к репутации получил.

Из-за того, что на работу не принял, я не расстроился. И не рассчитывал сходу место получить. У прославленного места и требования соответствующие должны быть. Так что даже хорошо, что всех подряд не берут. Пусть и не удобно лично мне, зато для целительского дела полезно. Да и непонятно, к кому я обратился. Надо искать того, кто на работу принимает. По идее, дядька к этому отношения не имеет.

В общем, план не меняется. Выпишусь, работу найду, обустроюсь, а там видно будет. Никуда они от меня не денутся.

* * *

Аристарх Павлович вышел из палаты и задумчиво хмыкнул. Необычный ему пациент попался. То, что парня внук уважаемой Авдотьи Игоревны притащил, это ладно. Не больше чем совпадение. А вот то, что мальчик сам очиститься смог, уже достижение. Аристарх даже подумал, что аристократ к ним пожаловал. Но всё указывало на то, что нет, обычный беспризорник, скорее всего, кочевник. Вещей нет, одежда самая дешевая и поношенная,

документов тоже нет.

А талант — есть. Или показалось? Но потом мальчика дух заметил, чего постарался не показать. То же знак говорящий. На работу ещё попросился. Совсем уж странно.

Разбираться с этой загадкой у Аристарха Павловича не было никакого желания, работать надо было. Выкинув мальчишку из головы, пошёл дальше, обход делать.

* * *

Как и обещали, отпустили меня через пару часов. Да не просто восвояси отправили, а сдали на руки тому парню.

— Забирай гольтьбу! — бросила Любочка, выпроводив меня.

Хотел бы сказать, что проводила, но нет — выпроводила.

На выходе у дверей паренек стоял, взглянул на меня задумчиво.

— Пришел в себя?

— Пришёл.

— Идти сможешь?

— Смогу.

— Тогда идем.

Лаконично.

Дальше беседовать он не захотел и двинул в путь. Но недалеко ушёл. Через дорогу перешли, а там, впереди, сквер был, ухоженный, с деревьями и скамейками. Там парень и остановился, на меня уставился.

— Ты кто такой? — спросил он.

— Олег. А ты кто?

— Петр, — почесал он потную макушку.

Не лето, жары нет, но лоб у него вспотел, челка промокла, слиплась. Не иначе, слишком усиленно думает о чем-то важном.

— Сколько я тебе должен? — не дождавшись новых вопросов, спросил у него.

— Ты — мне? — удивился он.

— Ты ведь наверняка что-то заплатил, чтобы меня сразу посмотрели.

— А, это... — понял он. — Нет, не платил. За лечение не платил, — поправился он. — Только за койку, чтобы отдельно положили.

— Сколько? — повторил я вопрос.

Про себя отметив, что вот чудеса, действительно бесплатно меня посмотрели. Правда, особо ничего не делали, так что не совсем понятна степень бескорыстности целителей в этой лечебнице.

— Червонец, — нехотя ответил он. — Ты неместный?

— Нет... — задумался я.

Червонец, или десять рублей, — сумма для меня серьезная. На неё продуктов на неделю купить можно. А вот на что-то другое, уже не хватит, добавить придётся. В этой стране еда дешевая была, что спасало не раз. А одежда и всё остальное — куда дороже. Поэтому кочевники сытые ходили, но дурно одетые.

Денег у меня пятьдесят два рубля было. Только вот они пропали. Вместе с котомкой.

— А вещи мои не видел? — спросил я.

— У меня они. На работе оставил, тут недалеко. Я ничего не трогал, не переживай. Идем, отдам, — говорил он скупно, всё ещё пребывая в глубокой задумчивости. — Идем.

И мы пошли. Молча шли. Парень всем видом показывал, что к разговору не расположен. Я тоже не лез. Вся прогулка минут пятнадцать заняла. Привел он меня... В ресторан, пожалуй. Что несколько удивило. Столики на улице стояли, там люди сидели, несмотря на дневную прохладу. Внутри, через окна видно, тоже места заняты.

— Ты здесь работаешь? — спросил я.

— Да. Жди.

Я через дорогу его ждать остался. К ресторану не пошёл. Тот выглядел слишком дорого для моей потрепанной одежды.

Вскоре парень вернулся вместе с котомкой. Мне отдал. Я залез внутрь, нашёл деньги, облегченно выдохнул, отсчитал десятку и протянул ему.

— Держи.

— Не надо, — насупился он.

— А чего это ты за меня платить должен?

Он снова себе макушку почесал.

— Не хочу быть должным, — упрямо повторил я, как дурак, стоя с протянутой рукой.

— Раздражаешь, — начал злиться он.

— Как и ты, — ответил я ему взаимностью.

— Да черт с тобой, — махнул он и забрал рубли.

Уже развернулся, пару шагов сделал, но остановился и повернулся.

— Ночевать есть где?

— Найду.

— Кочевник? — спросил он, наклонив голову.

— Он самый, — развёл я руками, стараясь не обращать внимания, что на нас люди косятся.

— Тогда пошли. Сегодня тебе будет где ночевать.

Отказываться я не стал.

Может, и правда, не дурак я, а судьба играетя? По голове получил, зато ночлег, кажется, нашёлся. Не самый плохой размен в обеих моих жизнях.

Парень, который пригласил к себе переночевать, общаться не спешил. Понимаю его позицию, но требовалось прояснить ситуацию, да и контакт наладить.

— А тебе на работу не надо? — спросил я.

— Сегодня выходной, — ответил он, подумал, покосился на меня и пояснил: — От лечебницы ближе к ресторану, поэтому там твою котомку оставил.

— Получается, я тебе выходной испортил.

— Если ты про своё громкое появление на мосту, — хмыкнул он, — получение по лицу и нокаут с первого же удара, то и так можно сказать.

А вот и обычные человеческие эмоции. Петр посмотрел на меня так, как обычно более крупные парни смотрят на дрыщей — с превосходством. Но в его взгляде больше иронии было, чем высокомерия, поэтому меня это не напрягло.

— А куда идем? — спросил я.

— У меня остановишься.

— Пустишь к себе незнакомого человека? А родители против не будут?

Возраст я его определить так с ходу не мог. Как раз из-за щекастости. Могло и шестнадцать быть, и все двадцать. Вроде бы угловатый ещё, как и все подростки, несуразный, но и что-то взрослое в образе есть. В любом случае молодой, наверняка с родителями живет и пацана с улицы приводить — как бы меня с лестницы не спустили.

— Не будут, — ответил он коротко, заметно помрачнев. — У тебя же блох нет? — покосился он с подозрением.

— Давай без оскорблений, — возмутился я.

Уж гигиену я поддерживал всеми силами. Но справедливости ради скажу, что среди кочевников разный люд встречается. И не все из них уважают чистоту так же, как я.

— Без обид, — ответил он.

От ресторана двинулись в сторону реки. Нужный дом находился прямо на берегу, через дорогу. Ещё и этаж последний — пятый.

— Разувайся, — скомандовал Петр, когда мы оказались в прихожей. — Туалет здесь, — указал он. — Ванна по соседству. Запаса одежды, как понимаю, у тебя нет... — он не то чтобы спрашивал, скорее вслух говорил. — Иди отмывайся. Я тебе халат дам и мыло. Одежду сам постираешь. Справишься? — посмотрел он на меня с сомнением, будто я умственно отсталый.

— Ого, у тебя туалет прямо в квартире, не на улице, — выпучил я глаза.

— Ты ведь сейчас шутишь? — с подозрением спросил он.

— Да. Совсем уж диким меня не считай. Я не только в своей жизни бродил. И родители были, и жильё нормальное.

— Хорошо, если так, — без юмора ответил он.

Какой серьезный и мрачный тип. Надеюсь, он меня во сне не придушит.

и по квартире прошёлся. Квартира у него большая оказалась. Трёхкомнатная, не считая просторной гостиной и кухни. Точнее, три комнаты были закрыты, что там, я не знал, но предположил, что отдельные комнаты. В гостиной стоял диван, пара кресел, но больше всего внимания привлекли книги — два шкафа, заставленные под завязку. Мебель резная, ковры красивые, посуда на стеллажах на кухне стояла расписная. Я не знаток роскоши этого мира, но оценил, что родители Олега жили куда скромнее. А больше и сравнивать не с кем. Не с приютом же. Там на детях сэкономили по полной.

Осмотревшись, на кухню зашёл. Там Петр что-то прекрасное творил. Что под крышкой, не видно, но запахи стояли божественные.

Странно это. Молодой парень без проблем приглашает беспризорника к себе. При этом в квартире нет следов пребывания других людей. Ни курток у входа, ни обуви в обувнице. Зубная щётка в ванной тоже одна стояла.

— Садись, — скомандовал Петр, указав на стол. — Картошка, сало, мясо, лук, зелень, — перечислил он. — Ешь такое?

— Спрашиваешь, — улыбнулся я.

И, надо же, Петр тоже улыбнулся. Увидел мой интерес к еде и воспрянул духом? Или просто внутри него живет радушный хозяин?

Пока он еду раскладывал, внимательнее осмотрел кухню. Интересно тут всё. Многое вижу впервые. Всякие баночки, специи. На крючках штук пять сковородок висит. Справа от них — набор ножей примагниченных, тоже висят. Кажется, кое-кто любит готовить и умеет это делать.

Догадка подтвердилась. Вкусно было — до безумия. Петр был настолько добр, что с горкой наложил. Теперь понятно, почему он такой щекастый. С таким-то рационом.

— Зачем в драку полез? — спросил он, съев где-то половину.

До этого — ни слова. Я тоже священное таинство вкусного обеда не нарушал.

— А чего они? Пятеро на одного — как-то нечестно.

Это и правда был мой главный мотив. Помогай тем, кто нуждается, старые принципы, хоть я и не давал клятвы заново, так легко уходить из моего мировоззрения не хотели. Несмотря на весь приобретенный цинизм. Впрочем, циничный взгляд тоже дал добро. Помочь в драке, заобщаться с парнем и получить если не помощь, то совет. Это было вторым мотивом.

Совместил приятное с полезным.

Петр на мой ответ брови приподнял, на меня скептически посмотрел и взгляд отвел, на картошку уставился. Лук ещё взял зеленый и захрустел, быстро его смолов.

Согласен, это необычно, когда парень моей комплекции лезет в драку против пятерых.

— Ты и правда кочевник? — спросил Петр.

— Был им почти год.

Снова изучающий взгляд на меня и обратно, на еду.

У кочевников был свой набор правил выживания. Один из основных пунктов — не лезть в чужие разборки. Если Петр в курсе, что далеко не факт, то сейчас должен видеть хитрый или злой умысел в моих действиях.

— А до этого? — отмер он.

— В приюте жил. Родители погибли, — пояснил я.

— Вот как... — и снова на его лицо тень набежала.

Родители — большая тема? Неужели он тоже сирота? Это объясняет отсутствие чужих

вещей в столь просторной квартире и то, что меня так свободно пригласили, не спрашивая ничьего мнения.

— Чем же тебе приют не угодил? — спросил он, не глядя. — Крыша над головой есть, кормят.

— Кормят там не так вкусно, как ты, — ответил я шутливо. — А в качестве добавки — регулярные побои со стороны старших мальчишек.

Я не жаловался, просто обозначил свою позицию.

— То есть... — Петр откинулся на спинку стула и на меня посмотрел, про картошечку забыв. — Ты сбежал от побоев, чтобы приехать в столицу и... Влезть в драку?

— Да, сам в шоке, — покивал я с серьезным видом. — Обидно стало. Ты с продуктами шёл, а на тебя напали. Вдруг потоптали бы?

Это тоже была шутка, но Петр оценил, улыбнулся ещё разок.

— Меня или продукты? — улыбнулся он.

— Да тебя-то что. Парень вон какой крепкий. Ещё сковородку с собой таскаешь, — ответил я, надеясь, что он заметит иронию в моих словах и не обидится.

Не обиделся. Как-то даже расслабился, ушло напряжение из нашего общения.

— Дурак ты, Олег, — выдал он мне добродушно.

— Чего это?

— То, что в драку влез. Меня ведь не просто так били. Теперь и у тебя проблемы будут.

— Только не говори, что ты что-то натворил и били за дело.

— Это как посмотреть, — хмыкнул он.

Его внешность всё больше с поведением и тем, как он говорил, контрастировала. Я мог этого щекастого легко представить, как он с бабушкой пирожки печёт. Но этот серьезный взгляд, подозрительность, настороженность... выбивались из образа.

— Так в чем причина? — спросил я, чтобы прояснить, во что влип.

— У нас тут любят подраться. Постоянно выясняют, кто, с кем и за кого. Меня тоже втянуть хотят. А я их — шлю. Вот и бьют. Чтобы образумить.

— Так ты нейтрал? — сделал я вывод.

— Получается, что так. Ещё и за мост шляюсь. Как будто виноват в том, что там самый лучший продуктовый рынок.

Рынок — это да, аргумент.

— Часто тебя так впятером бьют?

— Нечасто. Я ведь тоже бью, — улыбнулся он.

Я покосился на его сбитые костяшки, пудовые кулаки и поверил. Да, тоже бьет. Не только сковородкой.

— Что-то неэффективно, — хмыкнул я. — Не иначе, из-за любви к картошечке.

— Ты не хочешь добавки? — мигом перестал он улыбаться.

— Очень хочу! — честно ответил я. — Тем более врач прописал много и вкусно кушать! Только это... — сдулся я. — Давай я тебе за ночлег и еду заплачу?

— Утомляешь, — закатил он глаза. — Считай, ты мой гость. А где ты видел, чтобы гости платили? Если тему не закроешь, — прищурился он. — Так я и тебя сковородой огрею. Горячей.

Прозвучало это впечатляюще.

— Сдаюсь, — выставил я перед собой руки. — Тогда, если такой добрый, может, подскажешь, где такому, как я, подработку найти да ночлег?

— А зачем ты вообще в город пришёл? Кочевники же по стране катаются.

— Надоело кататься. В лечебнице хочу работать. Но не взяли.

— Ещё бы взяли, — хмыкнул Петр. — Знаешь, какой там отбор? Сам князь покровительствует Аристарху Павловичу!

— Так тем более там работать хочу, значит, — пожал я плечами.

— Точно дурак, — осуждающе покачал он головой. — Ты в школе на врача учился? Подготовку проходил? Гимназию, может, закончил?

Я войну прошёл. И в целительстве понимаю побольше многих. Но вместо честно ответа — покачал головой.

— О чем и речь, — кивнул Петр сам себе. — Подумаю насчёт работы. А ночевать у меня пока можешь. Там видно будет.

Спорить и бить себя в грудь, что не хочу обременять, я не стал. Не в моем положении щеки надувать.

* * *

Утром Петр, выйдя из своей спальни, застал меня за отжиманиями.

— Ты чего это? — с подозрением спросил он.

— Так понятно что, — ответил я, тяжело дыша.

Всего сто раз отжался, за несколько подходов, а сердце колотит, вспотел весь, руки дрожат. Но ничего. Было бы время, силу ещё наберу.

— Хм... — выдал многозначительно Петр и пошёл на кухню. — Через сорок минут выйти надо.

— Я сполоснусь?

— Где ванна, знаешь.

Знать-то знаю, но мало ли, вдруг он за коммунальные много платит, и я его бюджет подорву.

Вчера вечером никто из взрослых так и не пришёл. Моя догадка подтвердилась. Либо родители Петра в дальней и долгой командировке, либо умерли. Фотографий я тоже никаких не нашёл. Точнее, я и не искал. Просто на видном месте их нигде не было. При этом Петр выделил мне место на диване в гостиной. Логично предположить, что остальные две комнаты кем-то заняты. Впрочем, там и кладовки могли быть, или он просто не хотел мне комнату выделять, поэтому факт, не то чтобы доказывающий версию с родителями. Но если они живы, то где вещи? А если живут в другом месте, то что Петр за человек такой, чей сын, что у него недалеко от центра такие хоромы в личном распоряжении?

В общем, поняв, что это острая для парня тема, раз он так мрачнеет при упоминании родителей, решил её не касаться. Ну и собирался постараться сильно не обременять. Потому что, если он сирота, сомневаюсь, что много зарабатывает.

Завтрак Петр сам приготовил. От души. Остатки картошки вчерашней, яиц шесть штук, с неразбитым желтком, ещё овощей туда накидал, перца. Зеленью сверху засыпал.

Сытный завтрак с разнообразными ингредиентами и питательными элементами — чтоб так всегда питался. Пять раз в день. Тогда и массу наберу.

— Так что, есть мысли насчёт работы? — спросил я, когда уже обувались, чтобы выйти.

— Есть. За мной иди, на месте решим.

Я довольно любопытный человек, но все последние годы моей жизни, как в армию записался, после того как лечебницу уничтожили, всё любопытство сводилось к тому, чему бы новому научиться. Новому, полезному, да побыстрее. Потому что война дело такое. Шансы выжить напрямую зависят от подготовки.

Праздным же любопытством я не страдал, поэтому легко переносил формат общения с Петром. Сказал идти — хорошо, сходим. Всё равно у меня конкретных наводок нет, за любой шанс готов ухватиться.

Когда в сторону ресторана пошли, ничуть не удивился. По идее, в этом месте может быть спрос на работников.

У Петра дома на стене часы висели, поэтому я точно знал, что вышли мы полвосьмого. Шли ещё минут пятнадцать. Оживленно здесь. Прошли мимо станции метро — так там такая толкучка была, что просто ужас. Одним словом — столица.

Как и подумал, пришли в ресторан. Только Петр заранее в переулок свернул и внутрь зашёл через запасной вход. Я — за ним.

— Дядь Борь! — сходу позвал кого-то Петр.

Оказались мы... Да так сразу и не скажу, что это за помещение. Не главный зал ресторана со столиками уж точно. Какое-то подсобное помещение, с холодильниками и шкапами. Петр мимо них прошёл, а там дальше — кухня. Столы металлические, блестят, отполированные. Ещё стеллажи. И один мужчина, лет тридцати, сидел на стуле, зевая. На нас с ленцой посмотрел и ничего не сказал.

— Здесь он? — спросил Петр у мужчины.

— Сам знаешь, что он раньше всех приходит.

С другой стороны кухни открылась дверь, и внутрь вошёл ещё один мужчина.

В белом фартуке и в таком же белом, торчащем колпаке. У него выпирал живот, но больше всего внимание привлекали две вещи. Роскошные, завитые усы, и тесак в чехле, что болтался на поясе.

— Чего звал? — спросил он, глянув на Петра, и тут меня заметил: — Кого привёл?

— Олег это. Работу ищет.

— Тот, что драться с тобой полез?

— Ага, — кивнул Петр. — Ну, я пойду.

— Скинул на меня обузу и сбежал, — неодобрительно покачал головой дядя Боря. — Ладно, Олежек, кто будешь и какую работу ищешь?

— Любую.

— Прямо-таки любую, — хмыкнул мужчина, подкрутил правый ус и ощупал меня цепким взглядом. — А зачем ищешь?

— Так нет особых причин. Деньги нужны. Кушать-то всем надо.

— То, что кушать надо, — это ты верно подметил, — подкрутил он и левый ус. — Только мне-то что с того? Чем полезен быть можешь? Готовить умеешь? Клиентов обслуживать? Возраст у тебя такой, что и не работал, поди, никогда.

— Сирота я. Кочевником был с год. Работал в таких местах, что вы меня уже ничем не удивите. Готов делать что угодно. За еду и копейку какую. А если спать есть где, то я ваш с потрохами.

Наверное, не надо было так прямо. Кочевников никто не любит. Но и скрывать это какой смысл? Выгляжу я соответствующе, а дядя Боря что-то не похож на дурака.

— Посуду руки мыть всегда нужны, — задумчиво сказал он. — Мусор выносить.

Разгружать. Залы мыть. С Петром на рынок ходить, продукты таскать. Устроит?

— Устроит.

— Тогда кормежка два раза в день здесь. Жить, извиняй, негде. В ресторане не оставляю. По деньгам — неделю отработаешь, там видно будет. Но сразу скажу — увижу, что халтуришь, не посмотрю, что Петр просил, — вмиг выгоню. Согласен?

— Да, — по-простому ответил я.

— Тогда пусть Петр тебе и объясняет, что как, — покосился он на парня.

Я не знал, кем Петр работает, но, оставив меня, он ушёл куда-то, видимо, в раздевалку и вернулся уже в белом фартуке и колпаке. Подойдя к одной из плит, где и остановился, дослушав конец разговора.

Что же. Кажется, ещё один вопрос решен.

* * *

Как я вскоре выяснил, ресторан открывал свои двери в девять утра, ориентируясь явно не на обычных работяг. Те дома ели. Сюда же приходили те, кому не надо спешить на работу и у кого деньги водятся.

Для поваров это означало, что они приходили к восьми, окончательно просыпались и начинали заниматься заготовками. Готовились к рабочему дню. Для меня это означало, что прямо утром работы не было. Уборка делалась вечером, потому в этом плане ресторан был чист и готов. Первое моё задание появлялось где-то в восемь пятнадцать, когда приезжала фура и привозила продукты. Нужно было помочь разгрузить. Что то ещё издевательство для моих тоненьких ручек, которое я воспринимал как дополнительную тренировку.

А уж если наполнить Источник Кровью, черпать оттуда по чуть-чуть, да в руки и спину направлять, тренировка становилась двойной.

После разгрузки у меня снова появилось свободное время. В которое, не отвлекаясь от своих дел, Петр мне рассказывал о порядках, обязанностях и прочих важных моментах. Когда он ножи достал и камень, чтобы заточить, я стойку сделал и чуть не облизнулся.

Признаюсь, за эти шестнадцать лет мои руки истосковались по мечу. Пусть ножи — это совсем не то же самое, но этот металл, острое лезвие, рукоять... Сам не ожидал. Как звук заточки услышал, так шелкнуло что-то внутри.

— Может, помочь? — не удержался я от вопроса.

— С ножами? — откровенно опешил Петр. — А ты что, точить их умеешь?

Какой вид заточки тебя интересует, братец? Под какую технику? Против какой нежити?

— А ты дай тот, что не жалко, покажу.

Ох сейчас как опозорюсь.

Петра моё предложение настолько развеселило, что он откуда-то из дальнего ящика достал небольшой старый нож. Считай, сломанный. Рукоять у него деревянная была, разбитая.

— Этот не жалко, — сказал он мне.

— Эй, бездельник! — рявкнул дядя Боря, который как раз зашёл на кухню. — Раз не жалко, почему не выкинул?!

— А это память, — ответил Петр, покраснев.

— Память! — фыркнул дядя Боря. — Давай, парень, пусти в ход его память.

Памятливый оладь... — последние слова он раздраженно прошипел.

Петр выдал мне нож. Я взял его. Покрутил. Постарался расслабиться. И принялся затачивать.

— Какой угол нужен? — спросил я.

— Сойдет, — ответил Петр, внимательно смотря на меня.

Дядя Боря постоял, посмотрел и дальше своими делами заниматься ушёл.

— Давай этот, — протянул мне второй нож Петр.

Заточка его моя устроила. Дело-то нехитрое. Главное, руку поставить. Остальные ножи Петр мне не отдал. Как мне показалось, они для него — святое. Я и не настаивал.

Там дальше первые гости появились. А вместе с ними — и грязная посуда. В первый день меня больше ничем и не нагружали. Петр показал, где мыть — в большой раковине, чем — специальным жидким мылом и жесткой губкой, где перчатки взять, чтобы кожа от воды не страдала. Убедился, что я нормально с задачей справляюсь и отстал.

Ничего сложного, в общем. Третий дня я скучал. Старался не мешаться, работать быстро и не косячить. Судя по тому, что меня не ругали — справлялся.

* * *

Петр закончил работать минут на двадцать раньше меня, но дождался, не ушёл. Сам ресторан работал до десяти вечера, а ушли мы оттуда пол-одиннадцатого.

— Идем, — сказал мне Петр. — Или ты нашёл место получше? — окинул он меня взглядом.

— Шутить изволишь?

Снова шли молча. Пусть работа и не самая тяжелая, но почти весь день на ногах — это вымотает кого угодно. Но кое-какие моменты я прояснить хотел, поэтому сам завёл разговор.

— Так ты, значит, повар?

— Зачем спрашиваешь, если сам видел.

— Просто удивлен. Ты вроде молод.

— Как и ты.

— А тебе сколько?

— Семнадцать. И да, я начинающий повар.

— Ну, талант точно есть. Уж это я оценить успел, — отвесил парню комплимент, на что он устало улыбнулся.

Замечу, что Петр самостоятельно работал, над душой у него никто не стоял. То есть даже не ученик, а уже полноценный повар.

Я это воспринял как ещё одно доказательство, парень — сирота. Остался один, вот и пришлось шевелиться, чтобы профессию освоить. Достоин уважения, что тут скажешь.

На кухне он был совсем другим человеком. Действовал четко, точно знал, что и в какой последовательности готовить. Это не значит, что он за всю кухню отвечал. Только за свой участок. Как я понял, обязанности они делили. Петр отвечал за жарку. Остальные — кто за супы, кто за салаты, кто за выпечку и десерты. Дядя Боря же был кем-то вроде надсмотрщика. Сам не готовил, но следил, чтобы порядок был. Помимо четверых поваров, включая Петра, ещё семеро официанток было. Все молоденькие девушки. Которые

посмотрели на меня с интересом, когда увидели, быстро взвесили и так же быстро потеряли интерес.

— А что там с теми парнями? — задал я ещё один вопрос.

— Дома поговорим.

Петр и на работе молчаливым был. Больше всего слов он мне сказал, когда объяснял порядки и обязанности. С Борисом Дмитриевичем, а дядь Борей его только парень называл, он говорил исключительно по делу. Как и с остальными поварами.

— Я понять хочу, попытается нам кто голову проломить или той гадостью опять приложить.

— Гадостью? — покосился он на меня.

— Маслом.

— Откуда знаешь про него?

Вопрос удивил.

— А разве есть те, кто не знает? — приподнял я бровь.

— Да полно таких, — взъерошил он себе волосы.

— Даже кочевники в курсе. Не знаю, про кого такого несведущего ты говоришь.

Петр ничего не сказал, дальше молча топал, по сторонам головой крутил.

— Петр, а Петр, — снова позвал я его. — Спрашиваю не просто так ведь. Нас сзади ведут двое, и впереди сколько-то ждут.

— Откуда знаешь? — бросил он на меня острый взгляд.

— Так не слепой.

— Впереди никого нет.

— Так ты заметил тех, кто за нами идет?

Тот дернул подбородком, мол, спрашиваешь.

— Но вот то, что их заметил ты, интересно, — подумав, сказал он. — А впереди как засек? Не вижу никого.

— Логика, Петр, логика. Или ты сынок князя, что за тобой слежку организовали? Так не серьезные люди, а дураки какие-то, совсем не скрываются.

— Не князя, — улыбнулся он чему-то.

Но планов своих рассказывать не стал. Как и мыслей. Как и то, что происходит и чего опасаться. Спокойно дальше пошёл.

Как же мне нравится столица. Прямо с ходу — что ни день, то приключение.

Ещё бы по голове не били и Маслом не прикладывали. Может, и проникся бы симпатией к этому городу.

Рядом с рестораном оживленнее всего было. В смысле, на той широкой улице, где он находился. Если быть совсем уж точным, в том месте пролегал большой проспект, от него в сторону уходила улица поуже, и вот там уже находился ресторан. Не совсем у большой дороги, что, однозначно, плюс, особенно для летней веранды. Если же по проспекту идти, что мы и делали часть пути, там витрин много, магазинов, другие кафе и рестораны тоже есть. Людей много ходит, даже в столь позднее время.

Но чем ближе к дому, тем менее оживленными улицы становились. Уже не толпа, а редкие прохожие. Думал, где-то здесь нас и встретят, но нет. У Петра дом квадратный, со своим внутренним двором. Там нас и ждали.

— Петр! — воскликнул какой-то парень.

Мне он сразу не понравился.

Ко всем людям я отношусь нейтрально. Для война вообще испытывать сильные эмоции — это скорее нонсенс. Должно случиться что-то исключительное. То, что нас собираются бить, я тоже нейтрально воспринимал.

Когда прошёл войну на уничтожение, в которой человечество проиграло, потерял всех, сам умер и оказался в теле ребенка, да собираешься бросить вызов богу смерти — то обычная шпана воспринимается... Да никак, если честно. В пределах разумной осторожности. Есть ситуация, с ней надо справиться, а лишний раз переживать и тем более злиться — нет, не приучен.

Поэтому, говоря, что мне не понравился парень, я имел в виду вовсе не угрозу, которую он представлял, не его самоуверенную рожу, а футболку.

Должен сказать, что местные гопники одевались со вкусом. Конкретно этот парень был одет в черное пальто со стоящим воротом, такие же темные брюки и кожаные ботинки. Волосы его были черны и зачесаны назад, по бокам — выбриты. Но, как и сказал, не понравилась мне именно футболка, которую он носил под пальто. То сейчас было на распахнуто, что добавляло небрежности в общий вид.

Футболка белая, с черным черепом на всю грудь. Уродливым, с пустыми глазницами, с оскалом.

Для меня эта футболка была как личное оскорбление. Довольно носить на себе символику смерти... Кулаки зачесались у меня моментально.

— Чего надо? — спросил Петр, останавливаясь.

Я рядом с ним встал. Любитель черепов к нам подошёл, остановился в трех шагах. У него за спиной двое остались. И ещё двое, те, что за нами шли, в арке встали, перекрыли нам путь к отступлению. Или просто окружили, потому что отступить от дома как-то не имело смысла.

— Слухи дошли, — ответил парень, — что на тебя красильщики напали.

— Как напали, так и отвалили, — безразлично ответил Петр.

— Так ещё нападут, — проникновенно сказал парень. — Пока ты не определишься, Петя. Давай к нам, а? По-хорошему ведь прошу. Заткнем этих красильщиков, да и правобережных тоже. Повеселимся как следует. Ты ведь раньше отжигал, а сейчас совсем скучным стал.

Как интересно. Так, значит, раньше Петр тоже подраться любил и местные банды его на

свою сторону перетягивают?

— Слушай, Казим, — заговорил Петр. — Я ведь понимаю, что ты не сам сюда пришёл. Может, просто отвалишь? У меня, в отличие от вашей шелупони, нормальная работа. Устал, знаешь ли.

— Так я ведь и по-плохому попросить могу, — гадко усмехнулся любитель черепов. — Босс разрешил. Тем более у тебя вон новый друг появился, — кивнул он на меня.

Опасность сзади я почувствовал, но ничего сделать не успел. Вмиг схватили, ткнули кулаком под ребра да к стене ближайшей кинули. Парень, на голову выше меня, локтем горло прижал и придавил к стене, фиксируя.

— А хочешь, Петя, — услышал я еле слышимый голос, — мы его ножиком ткнем и скажем, что это ты его? Двор твой. С парнем тебя все видели. Он ведь не отсюда. Мало ли что случилось. Городовые долго разбираться не будут.

— А хочешь, Казим, — в тон ответил Петр, — я вам сейчас башки-то дурные поотрываю да в реку тела скину. Городовым скажу, что так и было. За вас, паскуд, они тоже впрягаться не будут.

— Силенок-то хватит? — с насмешкой спросил малолетний выпендрожник.

И снова парням своим кивнул, чтобы его план воплотили. В смысле, нож в меня воткнули. Тот, кто держал, исполнить и собрался. Медленно так. Лезвие блеснуло, показал мне, перед лицом поводит. Попугать решил.

Я и испугался. Не, вдруг правда убьют? Все планы нарушат. А значит, нельзя, чтобы во мне незапланированные дырки сделали. Я ведь не ножа испугался. А обещания старые не выполнить.

Петя тоже угрозой проникся. Как у него в руке сковородка оказалась — не уследил. Да и не был уверен, что он её таскает. Пальто у него широкое, как-то хитро прятал.

То, что Петр также Вдох сделал, я скорее почувствовал, чем увидел. Зато успел разглядеть в деталях, как в лучах фонарей сковородка заблестела. Не ожидал, что он оружие усиливать умеет.

Всё действие в секунду уложилось. Достав то ли оружие, то ли орудие, Петр любителя черепов и приложил. Тот руки выставить успел, но снесло его. Метров на пять откинуло. Аккурат между двух парней у него за спиной пролетел. Споткнулся и покатился по асфальту, быстро вскочив.

О странностях происходящего и дальше думать времени не было. У меня тут свой бой намечался. Зря этот парень так близко к целителю подошёл. Пусть сил у меня кот наплакал, но и этого хватит гадость сделать. Без всяких затей я пятерню растопырил, да в живот гаду пальцы вбил. Провернул, устраивая его внутренним органам встряску. Парня мигом скрутило. А я ему ещё и ногой в пах добавил. Хотел в живот, но не дотянулся. Руку с ножом второй рукой перехватил. Ещё немного силы направил и смог оружие выбить.

— Он мой! — прокричал разозленный любитель черепов.

Как вскочил — это я видел. Как разделяющие метры проскочил — отвлекся и пропустил. Как его подельники замерли и в сторону отошли, пропуская парня — уже разглядел. Он мимо них пронесся и... Петя сковородку метнул.

Прямо в лобешник попал.

Честное слово, звон раздался. Парень вокруг своей оси оборот сделал, приложился зытальком об асфальт. Если у него не будет черепно-мозговой — я очень сильно удивлюсь.

Впрочем, ненадолго. Парень почти сразу попытался подняться. На свету его лицо

Маслом заблестело. Тоже Вдох делал, да не чистой Крови, а грязного Масла. Ещё один самоубийца.

Петя на этом не остановился. Руку выставил и сковородку обратно притянул. Между его рукой и оружием нить Масла натянулась. Ого, какие трюки знает.

— Это что тут происходит?! — раздался гневный голос из окна верхних этажей. — Что удумали, мерзавцы?! — сокрушалась какая-то старушка. — Щас городских вызову! Я вас всех запомнила! Клумбы мои топтать вздумали, сволочи!

Стояли мы под аркой, до клумб было далеко, но это старушку не смущало. Я попятился, контролируя, чтобы оставшийся на ногах парень, находящийся рядом, ничего не сделал. Тот, кого скрутило, так и валялся. На четвереньки смог встать. Когда на него посмотрел, парня наконец-то прочистили. Прямо на ноги своему другу стошнило. Но тот успел отскочить, заодно и от меня отдаляясь.

На этом битва и кончилась. Парни схватили своего лидера и потащили. Того, кто проблевался, тоже забрали.

— Спасибо, Марья Павловна, — сказал Петр, когда одни остались.

— Да ничего, Петенька. Опять гады беспокоят?

— А, мелочи, — отмахнулся парень. — Я к вам на днях зайду? Баночку варенья особого занесу.

— Если особого, то заходи, — саму старушку я не видел, но лукавство в её голосе различил.

Весело они тут живут. Дружно.

— Идем, — тихо добавил Петр уже мне. — Только нож заberi. У нас тут дети живут. Найдут ещё...

Я быстро смотался за ножом. Тот на асфальте валялся, быстро нашёл. Когда вернулся, Петр стоял в подъезде, прислонившись к стене.

— Скажи дядь Боре, что три дня отлежусь. Он поймет, — сказал Петр, тяжело дыша.

— Дурак ты, Петя, ох дурак.

— Не понял... — качнул он головой. — Надо было дать им тебя порезать? Они могут. Совсем отбитые.

— Идем, — не стал я ничего объяснять и плечо подставил.

Петр отказываться не стал. Повис на мне основательно. В нем килограмм девяносто, а то и все сто. А во мне — шестьдесят. Так он ещё и Масла под самую завязку Вдохнул. Нести эту тушу, которая то и дело пыталась соскользнуть, — та ещё морока. Тяжелее, чем вся битва.

— В ванну залезай, — скомандовал ему.

— Зачем? — вяло спросил Петр, который уже ничего не соображал.

— В ванну. Залезай, — надавил я голосом. — А то полы сам потом мыть будешь.

В этой короткой драке я понял четыре вещи. Первая — Петр умеет делать сознательный Вдох и использовать это в драке. Вторая — он как минимум умеет насыщать оружие Маслом. Третья — он также умеет загущать Маслом. Четвертая — он хронический идиот со склонностью к самоубийству.

Ну а сейчас, после его слов про три дня на оклематься, я сделал закономерный вывод — ситуация для парня типичная.

Говорю же, самоубийца.

То, что с ним происходило, называлось легким отравлением или загрязнением. Если

быть совсем точным, то легким отравлением по причине загрязнения. С таким же успехом он мог нахлебаться жижи из грязного болота. То, что никакой очистки парень не делал и тянул что попало, — было хорошо видно по грязным разводам на его коже.

Быть может, он и сам с этим справится. Но зачем такие сложности, если целитель уже здесь?

В ванну я Петра сам затолкал. Кое-как помог раздеться. Если неловко кому и было, то уж точно не мне. Целители всякое дерьмо в своей жизни видят. Нагота — это ещё ничего. Петя тоже слабо понимал, что происходит. Воды просил. Вода — это хорошо, но позже. Внутри самой ванны эту тушу засунуть было сложнее всего. Но справились.

А дальше... Я начал прикладывать руку в разных местах, тянул из парня Масло да скидывал прямо здесь же, в ванну. Со временем основная часть Масла вернется на свои планы бытия, а осадок, что останется, легко смоеется водой.

Попутно мне приходилось самому делать Вдох. Настолько грязное Масло я в себя не втягивал, но тоже без примесей не обходилось. Требовалось дополнительно чистить, выделять Кровь, собирать её в Источнике и уже оттуда тратить на все манипуляции.

Действия, обусловленные суровой математикой.

Объем Источника измерялся в Каплях. Капля — это универсальная энергетическая валюта. Одной хватало на любое примитивное действие. Собрать Масло с одного участка — Капля. Провести базовую очистку — одна-две Капли. Объем моего Источника сейчас — всего десять Капель. Негусто, откровенно говоря. Будь хотя бы сотня, я бы справился в десять раз быстрее. Но сотни нет. Поэтому и работал так медленно.

Проблема в том, что здесь как с физическими упражнениями. Одну Каплю потратить — это для меня сейчас как пару раз отжаться. Также замечу, что многое зависело от контроля и чистоты Крови. Чем они выше — тем меньше затраты. С контролем у меня всё было хорошо. С чистотой — так себе. От силы одна десятая часть к тому, что я привык. Без обетов, клятв и тренировок — на лучшее и надеяться не стоит.

Поэтому эффективность моя оставляла желать лучшего. У Петра по всему телу сгустки Масла ощущались. Пока с ними разобрался, сам весь взмок. Руки дрожать начали, внутри тела всё пылало. Типично, когда слишком большой объем силы через себя пропускаешь.

— Всё, хватит с тебя, — сказал я щекастому, который отрубился.

Но не тут-то было. Я руки помыл, с мылом. Сам умылся. Отдышался немного. На кухню сходил и нагло влез в холодильник Петра. Сыра навернул, мяса копченого. Деликатесы, но сейчас не до полумер. Воды напился так, что булькать начал. И вот после этого пошёл к Петру. Его кормить прямо сейчас не надо, а воды напиться — да, крайне желательно.

— Просыпайся, — похлопал я его по щеке.

— Олег? — хрипло ответил он. — Что происходит? Почему я голый? — дошло до него.

— Пей, — потребовал я. — Если проблеваются захочешь...

Петя с задачей справился раньше, чем я договорил. Чистка организма-то на всех уровнях происходит. Что-то я напрямую вывел, через кожу, а что-то вот так выходит. Его ещё скоро в туалет потянет.

— Силы вылезли есть? — спросил я.

— Не знаю... Что со мной? — промычал он невразумительно.

— Ясно. Пациент скорее жив, чем мертв. Тогда...

Я взял лейку, включил воду и принялся поливать Петра. Тот на это возмущаться начал, но быстро успокоился, когда рассмотрел, насколько грязные потеки с него смываю.

— Полотенце, — протянул я ему. — Срам свой прикрой и выбирайся.

— Может, выйдешь? — растерянно и смущенно спросил Петр.

— Чтобы ты тут навернулся и шею сломал? Вылезай давай, — потребовал я.

Тем самым тоном, которым целители разговаривают с ранеными. Петр заткнулся и сделал, что говорят. После чего я его до спальни довёл, водичку рядом поставил.

— Если в туалет потянет, не ленись, сразу иди. Или потом простыни стирать придётся, — пошутил я.

— Что это было? — когда Петр прилег, он облегченно выдохнул.

— Один идиот изображал из себя великого героя со сковородкой. Другой, умный и талантливый, парень тащил его тяжелую тушу на пятый этаж и в чувство приводил. Завтра как новенький будешь. Работу не придётся пропускать.

— И после этого я должен поверить, что ты обычный кочевник? — спросил он, смотря на меня из полуприкрытых век.

— Кочевник — это жизненная философия, а не стиль жизни. Спи. Тебе отдохнуть нужно.

Спорить Петр не стал. Как и ответы требовать. За что я ему отдельно благодарен. Потому что сил стоять не оставалось. Доковылял до дивана да развалился с удовольствием. К себе прислушался и хмыкнул удивленно. Источник вырос до одиннадцати Капель.

Хоть смейся, хоть плач.

В прошлой жизни у меня было за две тысячи Капель, уровень старшего мастера. Когда мои соратники отдали свои жизни — стало под десять тысяч. С этой силой я троих королей уложил, а на императора уже не хватило. Что уж говорить о боге. Получается, мне нужен Источник... А кто его знает.

У нас ведь тоже свои боги были. Как и Служители. Все погибли. Поэтому сколько мне сил нужно — только предстоит узнать.

В любом случае много.

А у меня одиннадцать Капель всего. Не тысяч, а единиц. Долгий-долгий путь мне предстоит.

Ещё и способности засветил. Но жалеть не буду. Это было бы против всей моей сути, не помочь Петру. А раз так, то и смысл об этом думать? Завтра день будет, а там посмотрим, как карта ляжет.

Петр смотрел на меня изучающе, медленно жуя сосиску. При должном воображении можно сказать, жевал он её зловеще.

— Что? — спросил я, расправляясь со своей сосиской.

Думал, проспит в этот раз, но Петр кремень. Встал четко по расписанию, завтрак приготовил, стол накрыл.

— Ты кто такой? — спросил он.

— Олег.

— Я не про имя.

— А я не знаю, что у тебя там на уме. Какой вопрос, такой ответ.

— Тебе сколько лет?

— Шестнадцать, — не стал врать я.

— Шестнадцать... — эхом повторил он. — А ты вчера смог очистить меня, при этом не убил и сделал так, что чувствую я себя хорошо. Вместо того чтобы валяться в горячке пару дней.

— Думал, ты немногословен, а тут вон какая речь, ещё и наблюдательность недюжинная, — ответил я, показывая недовольство.

Не нравилось мне, что Петр так вокруг да около ходит. Спроси прямо, получишь прямой ответ. К чему сложности?

С утра я тоже встал по расписанию. Просыпайся Петр на полчаса раньше, узнал бы, что мои занятия отжиманиями не ограничиваются. Я полноценный комплекс упражнений делал. И на развитие тела, и на энергетику. Действия, не требующие серьезных умственных усилий, давно отработанные до автоматизма. Поэтому время на свежую голову обдумать случившееся у меня было.

— Откуда такие навыки? — родил он вопрос.

— Такие — какие? — хмыкнул я, но дальше влиять не стал и выдал подготовленную легенду: — Жизнь заставила, вот и научился. Ты же тоже в свои годы как-то поваром стал.

— Целительство — это несколько другое.

— Да? — спросил я, приподняв бровь. — Суть у всего одна. У тебя — талант. У меня — талант. Вот и всё.

— Теперь хотя бы понятно, почему ты на лечебницу нацелился.

Сказав это, Петр закинул в рот остатки сосиски, быстро задвигал челюстью и проглотил. Встал, прошёл к комоду, открыл ящик, оттуда взял фотографию. Значит, фотографии всё же были, просто спрятаны.

— Это моя бабушка, — выставил он фотографию старушки передо мной. — Авдотья Павловна. Целительница известная. Долго заведовала лечебницей Вальсики, куда ты попасть захотел.

— Ого, — удивился я, что так удачно на её внука попал. — Совпадение любопытное, но что ты хочешь мне сказать?

— Чтобы ты меня за дурака не держал. Что такое очищение, я прекрасно знаю. Из десяти целителей один умеет его делать качественно. Остальные либо не умеют, либо самые простые отравления снимают. А ты, кочевник шестнадцати лет, сделал то, что большинству не под силу.

— О как, — задумался я.

Как тогда человечество и все адепты не передохли с такой статистикой? Это при их-то готовности использовать грязное Масло.

— Может, ты сам княжеский сынок, а? — спросил Петр без юмора.

— Ты вчера, когда в туалет бегал, головой не приложился? Или княжеские сынки выглядят как я? Может, не знаю чего?

— Тогда я не понимаю.

— Так, а что тут понимать. Сказал же, талант, — развёл я руками.

— Это не тот талант, которым раз — и пользоваться можно. Seriously учиться требуется. Куда серьезнее, чем повару.

— Не знаю, что тебе сказать. Попрошу только, не болтай об этом, ладно?

— Тебе есть от кого скрываться? — сразу напрягся он.

— Петр, у тебя фантазия слишком не в ту сторону работает, — в сердцах сказал я. — Свободу я люблю. Не хочу, чтобы меня на привязь бояре посадили. Что-то мне это кажется теперь очень вероятным, после твоих слов про статистику среди целителей. Есть ведь такой шанс?

— Пожалуй, что есть, — почесал он макушку. — Хорошо. Не скажу. Идем уже. А то опоздаем.

— Между прочим, у меня тоже вопросы есть!

— Вечером, — отмахнулся он.

«Засранец щекастый», — подумал я даже с каким-то уважением.

Меня на разговор развёл, а сам ничего рассказывать не захотел.

Я ему правду сказал. Действительно не хочу становиться ручным целителем. Но всю логику рассказывать Петру уж точно не стоит.

А вообще, судьба любит совпадения. Пусть в данном случае и горькие. Что в прошлой жизни у меня родители погибли. Что в этой. Пусть и не мои, а Олега, но очень уж совпадение красноречивое. Ещё и Петр этот. Какова была вероятность, что наши судьбы в этом вопросе похожи? Встретить парня, который живет один, пустит к себе дом, ещё и на работу пристроит. Мало того, ещё его бабушка работала в лечебнице не кем-то, а главой.

Более удачного знакомства и придумать сложно.

Совпадение? Нет, я так не думал. Наши мудрецы говорили, что бог смерти — это смерть для всего. И для людей, и для природы, и для самой планеты. Всё сожрет. Ничего не оставит. Вот сама жизнь и сопротивлялась его нашествию. Так что, вполне возможно, какая-то из скрытых сил подсобила мне. Я в этих материях не силен, поэтому наверняка утверждать не буду. К тому же в прошлый раз это не помогло. Всё равно весь мир проиграл.

Чтобы этого не повторилось, придётся крутить молчуна. Чем я и занялся, как вышли на улицу.

— И всё же, Петр, не сочти за наглость, но раз у тебя бабушка лечебницей управляла, может, ты просветишь меня, как мне туда устроиться?

— Кем? — покосился на меня Петр недовольно.

В этот раз он тоже сковородку под пальто нес. С виду посмотришь и не скажешь, что что-то прячет.

— Целителем.

— Хех... — улыбнулся он всю ширь, кепку снял, волосы потрепал и обратно головной убор вернул. — Да легко. У тебя должны быть документы. Ты должен иметь аттестат о

законченной начальной школе, девять классов. Также ты должен отучиться на подготовительных курсах для целителей. Сдать аккредитацию. И вот после этого, если приглянешься главному врачу, тебя возьмут.

— А как-то попроще нельзя? — не сдавался я.

— Проще — это насколько?

— Это если документов нет, девять классов не закончил, нигде специально не учился.

— Олег... — посмотрел на меня Петр. — Сам подумай, кто беспризорника возьмет в место, куда и дворяне захаживают?

— Того, кто мастерски делает очистку? — забросил я пробный камень.

— Это аргумент, — не стал он отрицать. — Сразу же после озвученных пунктов.

— А как же институт наставничества? Я слышал, что целители берут учеников.

— Угу. Берут, — покивал Петр. — Начальная школа. Лицей для целителей. После, если талант покажешь, может, кто-то и возьмет. Обычно за хорошие деньги берут. В очень редких случаях — без денег. Но тогда либо связи, либо родственные узы, либо очень выдающийся талант. Кто на тебя просто так время тратить будет? Всё, хватит вопросов. Не люблю на улице болтать, — резко закончил он.

Я же самую малость расстроился.

Озвученный план меня никак не устраивал. В приюте никакого образования, считай, и не давали. Уроки-то были. Официально. Но той женщине, которая сразу все предметы вела, было плевать, слушают её или нет. Иногда она просто забивала и не приходила. Промолчу и о том, что сам Олег тягой к знаниям не страдал и с охотой пропускал редкие уроки, как и остальные дети. Так что ни на какой аттестат я рассчитывать не могу. Про лицей молчу. Уверен, там оплата серьезных денег стоит.

Нужно получше в вопросе разобраться и подумать, какие обходные пути есть. Много времени тратить я не мог себе позволить.

* * *

После первой волны посетителей Петр отпросился у Бориса Дмитриевича. Мне ничего не говорил, но я и так догадался, что задумал. Побежал в лечебницу, проверяться, что я там ему наворотил.

Опасный момент. Очень уж легко меня сдать, рассказав, что целитель-самоучка что-то там накрутил и надо бы проверить. Но делать нечего... В смысле есть. Посуду мыть. Чем я и занимался, не особо беспокоясь о том, что будет дальше. Петр вернулся через час как ни в чем не бывало. Снова ничего не сказал. Ни словом, ни жестом не выдал себя. С таким характером ему и в разведке рады будут.

Дождавшись вечера, когда уже домой к нему пришли, насел с новыми вопросами. Спросил про драку в подворотне.

— А что тут рассказывать, — вздохнул он. — Обычная ситуация на наших улицах.

— Так об этом и расскажи. Что это за парни были? Откуда такая любовь к черепам у их главного?

— Не главный он у них. Так, обычный сержант. А череп... Так это группировка черепков.

— Прямо так и называются? Черепки?

— Сами они себя называют Черепа, гордо и пафосно, — хмыкнул Петр. — Но остальные их черепками кличут. Только им самим не говорили, обидчивые.

— Чем ещё знамениты?

— Может, завтра? — устало спросил он, присев в зале и вытянув ноги.

— Можно и завтра. Только на улице ты говорить не любишь. В ресторане — занят. Когда ему спрашивать? Надо же знать, кто меня ножом убить хотел.

Почесав макушку, Петр ответил.

— Даже не знаю, что тебе рассказать. Черепки и черепки. Группировка у них большая. По всему городу дела ведут. Связаны со всем нехорошим, поэтому с ними лучше не связываться. Могли реально ножом пырнуть.

— А городские что?

— А что с ними? — глянул на меня Петр.

— Им плевать на них?

— Не плевать. Черепков никто не любит. Но это как говно. Пока не трогаешь, особо не воняешь. Зато, если наступишь, вонь на всю округу поднимется.

— На деле это что означает?

— То, что у них несколько сотен членов в группировке. Как шелупонь мелкая, так и серьезные бойцы. Если их задеть сильно, вместе соберутся. Мало кто такое выдержит из мелких группировок. Считай, что и никто.

— Получается, они самые сильные? — сделал я закономерный вывод.

— Нет, — потряс головой Петр.

— А насколько тогда сильны?

Меня смущало их название, поэтому хотелось оценить, что за группировка такая.

— Сложный вопрос. Если толпа соберется — опасны. Но они так редко собираются. Подрались любят. Докопаться на улице могут. Но таких полно в городе. В этом плане они не сильно выделяются.

— А красильщики — это кто? — припомнил я упомянутое название.

— Это ученики школы, которая на улице Красильщиков находится. Минут двадцать пешком отсюда, — махнул он рукой в нужном направлении. — Там около пятидесяти учеников. Штук пять старших. Мастер свой есть.

— Им-то что от тебя нужно было?

— Так я в их школу заниматься ходил. Считай, пришли выяснить, не потерял ли хватку, вернуться приглашали.

— Интересные у вас в городе способы назад позвать.

— Какие есть, — развёл Петр руками.

— А много школ в городе?

— Откуда я знаю, — удивился парень. — Сотни две есть, пожалуй. Это в городе. В пригородах ещё сотня.

— Ого, — удивился я. — Много.

— Да как-то... — пожал он плечами.

У меня на родине тоже школы всякие были. Но в куда меньшем количестве. Здесь же прям рассадник.

— И что, в каждой школе чему-то своему учат? — с откровенным скепсисом спросил я. — Ты ведь не про обычные школы? А там, где с Маслом обращаться учат?

— Я про школы боевых искусств, — уточнил он. — Там и с Маслом работать учат,

каждого по-своему, но до этого ещё дорасти надо.

— Там фокусам своим научился?

— Ага, — зевнул парень.

— Чего ушел? — спросил я. — Или это тайна?

— Нет тайны. Талант у меня есть. Дури много, — ушёл он в воспоминания. — Сам видел, что со мной было. Бабка сказал, силы много в себя тяну, а очищаю — плохо. Если продолжу, молодым помру. Просила перед смертью бросить это дело. Я и бросил. Сама-то лечить она меня уже не могла.

Правильно она всё сказала. Толковая, значит, была.

— Неужели в школе не учат, что с этим делать?

— В смысле? — Петр вынырнул из неприятных мыслей.

— Да в прямом. Если каждый ученик в себя грязное Масло тянет, они же все так передохнут.

По глазам Петра я понял, что он не понимал всю глубину моего недоумения.

— Так они и мрут, — ответил он, как будто это норма.

Я посмотрел на него потяжелевшим взглядом. Посмотрел на потолок, за которым где-то там, вдали, скрывалось темное небо.

И подумал, что точно попал в мир самоубийц-идиотов.

— Тогда зачем заниматься тем, что убивает? — спросил я, медленно выдохнув.

— Так это... — Петр открыл рот и закрыл. — Как-то так сложилось.

Прекрасно, что тут скажешь.

* * *

Следующая неделя пронеслась как-то быстро, я и не заметил. Ничего выделяющегося больше не происходило, никто на нас не нападал. Было неловко пользоваться гостеприимством Петра, но если не лукавить, то жить с ним — отличный вариант. Как жизнь наладится, обязательно парня отблагодарю.

По истечении недели меня вызвал Борис Дмитриевич.

— Молодец, хорошо работаешь, — сказал он. — Вот, держи, — положил он на столешницу пять червонцев. — Это не зарплата, а подъемные. Петр! — позвал он парня. — Сходи с Олегом на вещевой, купите ему одежду. Сам знаешь куда. Вам там скидку сделают и не обманут.

— Хорошо, — кивнул Петр. — Когда идти?

— Завтра и сходите. Выходной у вас.

— Это значит, что я принят? — спросил я.

— Да. Буду платить тридцать рублей в месяц. Петр сказал, у него пока жить можешь. Остальные условия такие же. Устроит?

— Вполне, — кивнул я.

Сам Петр мне ничего такого не говорил, но, видимо, Борис Николаевич с ним отдельно пообщался. Что же. Подобный расклад меня вполне устроит. На первое время.

Уже вечером, когда обратно домой шли, я спросил:

— А я тебя не напрягаю? Ладно, несколько дней, но на месяц пустить?

— Не люблю готовить для себя одного, — просто ответил он.

Таким тоном, что я заткнулся и больше с вопросами не лез. Он ведь тоже сирота, пусть мы этот вопрос и не поднимали, но и так понятно. Я как-то не подумал, что жить одному в пустой квартире может быть банально одиноко. В душу к Петру не лез, переживаний за ним тоже не замечал, что там у него на сердце, не представлял. Но тут и дурак сообразит, что к чему.

* * *

На следующее утро, вот неожиданность, Петр вылез из своей комнаты после девяти. И застал меня вопреки традиции не отжимающимся, а читающим книгу. Которую я взял с одной из полок.

Книги в этом доме уважали. Не знаю, что там в закрытых комнатах, но в гостиной собрали книги по медицине. У меня давно руки чесались добраться до этих запасов, но с нашим графиком это не представлялось возможным. Сегодня первый раз, когда свободное время появилось.

— Ты чего это? — удивился Петр.

Подошёл забрал книгу, посмотрел обложку, почесал макушку.

— Ты понимаешь, что здесь написано? — спросил он меня.

— Буквы. Из них слова сложны. А из тех...

— Я про смысл! — закатил он глаза.

— Это анатомический атлас. Там картинки есть.

— А читать ты умеешь? — спросил он с подозрением.

— А ты в иронию не силен, да? — окинул я его взглядом с не меньшим подозрением.

— Книги не повреди! — буркнул Петр и пошёл завтрак готовить.

Давно пора. Есть хотелось так, что живот сводило. Но сам я не рискнул на его вотчину лезть. А то ещё боевой сковородкой огреет.

* * *

Перед тем как на вещевой рынок отправиться, разговор состоялся.

Петя готовился как на войну. Сковородку свою любимую взял. Пальто натянул. Кепку широкую. На меня серьезно посмотрел и спросил:

— Ты, если что, сможешь меня очистить?

— Смогу. Но только тебе что, жить надоело? Если снова столько хапнешь, да ещё не рядом с домом, куда я твою тушу потащу? Или прямо там, на полях сражений очищать? Если что, то и так могу, но лучше до этого не доводить.

— Я на всякий случай спросил, — насупился он. — На рынке черепки есть, докопаются.

— А что, другого места, где одежду взять, нет?

— Дешево — нет.

— Ладно. Если что, разберемся. Ты, главное, себя до крайности не доводи. Это для здоровья совсем не полезно.

— Постараюсь, — кивнул он, осматривая себя в зеркало.

Сковородку поправил. Она у него на крючке специальном висела. Как домой приходил,

в прихожей вешал. Я как-то не удержался, взял, вес оценил. Размерами она не большая, но тяжелая. Полностью из металла, такой по голове получить и без усиления крайне неприятно.

— Слушай, Петя. А всё же почему сковородка?

— Так закон.

— Что за закон?

— Княжеский, какой ещё может быть закон, — зыркнул он на меня и, поняв, что я не в теме, развернул мысль: — За обычную драку ничего не сделают. Разве что, если попался, на ночь в кутузку заберут. Но обычно откупиться можно. Червонца хватает. Если же побеспокоил кого, нашумел сильно, а тем более повредил что — тогда легко не отделаешься. Придётся штраф возместить.

— Пострадавшим или городовым?

— Это как пойдет. Но, скорее всего, и тем и тем, — без тени иронии ответил парень.

Я же про себя подумал, что для него норма про взятки хранителям порядка говорить.

— А сковородка тут каким боком?

— Так ты слушай и узнаешь, — посмотрел парень недовольно. — Если в ход оружие холодное пойдет, ножи или побольше что, пострадавшие будут — то тут без вариантов. На рудники отправят. Откупиться можно, но дорого и сложно. Людей надо знать.

— Прямо-таки на рудники?

— Если только порезал, но не убил — на год. Если убил — на пять за каждого убитого.

— Даже подростков? — со скепсисом спросил я.

— Так чем мы хуже? — пожал плечами Петя. — Раз за нож схватился, значит — взрослый.

— Ну, логика в этом есть.

— Городовые, что с поличным взяли, ещё и награду получают, — обрадовал меня Петя. — Поэтому им выгодно не особо разбираться в деле, если попался кто.

— На это черепки и рассчитывали?

— Да. Реально подставить могли.

— А сами залететь не боялись?

— Ну... — Петр задумался. — Я их не люблю, но должен признать, за своих они вписываются. Если попался — выкупят, проблемы разрулят. Поэтому да, не особо они пугливые. Но всем остальным нужно беречься.

— С этим понятно, но что со сковородкой?

— А это не нож, — улыбнулся Петр. — Это кухонный инструмент. А я поваром работаю.

— То есть ты так закон обходишь? — догадался я.

— Это я так повышаю шансы домой целым добраться, — перестал он улыбаться. — Идем уже, а то жарко так стоять.

* * *

До рынка на автобусе добирались. Петр опять молчанку включил. Даже с интересом прокатился. Так вышло, что последний раз ездил на «железной повозке» ещё в детстве. Точнее, не я, а Олег. Сам же так ни разу и не покатался. Тем более на такой большой, и не сказать, очень уж удобной.

На город тоже интересно было посмотреть. Так что время пролетело незаметно.

Сам рынок ничем не удивил. Видел я уже такие места. В таких местах ничего дорогого не продаётся, зато выбор большой. Как ерунды непонятной, так и полезных вещей. Были и открытые прилавки, и те, что в павильонах.

Пока шли до нужной точки, я по сторонам поглядывал, но никого, кто по нашу душу шёл, не заметил.

Пятьдесят рублей, что мне выделили, на приличную одежду в магазине никак не хватит, поэтому я надеялся на обещанную скидку. Так оно и вышло. Петр привёл к открытой точке, где был разложен товар. Переговорил с продавцом. Одежду я мерил прямо там, за шторкой. Выданных денег хватило на штаны, пару маек и рубаху.

Но Петр на этом не успокоился. К другому прилавку ушёл, где обувь продавали. Сам выбрал, сам договорился.

— Мерь, — только и сказал мне.

Я и померил. Нашли то, что подошло. Ботинки стояли семьдесят рублей. Это со скидкой. Петр заплатил молча, на меня и не глянул.

— Что это было? — спросил я его, когда от прилавка отошли.

— Думай, что хочешь. То ли то, что мне, уважаемому человеку, стыдно с таким оборванцем ходить, — хмыкнул он, — то ли, считай, заплатил тебе сам знаешь за что. То ли в долг дал. Твоя обувь, без обид, годится только в мусорку отправиться.

— Нормальная обувь. Я в них почти год проходил. Крепкие и надежные.

— Эти тоже крепкие и надежные, — потряс он пакетом. — А ещё нормально выглядят. Без хорошей обуви — никуда. Или ты в лечебницу устраиваться передумал?

— А что, обувь поможет?

— Тебя хотя бы выслушают.

Этим ответом он все мои возражения и придавил. Что ж, буду должен. Семьдесят рублей. Это при том, что я пока зарабатываю только на еду.

Закончив разговор, Петр на выход отправился. Я уже думал, что без проблем уйдет, но тут он тихо сказал.

— Лихо стороной не обошло, — предупредил Петр. — Идем, Олег. Ты, главное, смотри, чтоб не прибили.

— Твоя забота достойна баллад, — хмыкнул я, поведя плечами.

Год. Мне хотя бы год. Прокачаться, мяса нарастить, тело укрепить да Источник до сотни развить. Мне тогда никакие уличные драки страшны не будут.

Но проблемы здесь и сейчас. Петр вперед двинул, да в сторону свернул, в переулок направился. Не терпится человеку кулаки почесать. Как от прилавков ушли, так черепки нам дорогу и преградили. Числом в десяток.

Вот и прогулялись за обновками.

Глава 8

Стоило посмотреть на то, как нас окружают, — испытал чувство дежавю. Снова зажали с двух сторон.

То, что в этом мире так людям надо драться, я ещё худо-бедно понять мог. Но вот то, что черепки, все поголовно, одеты в костюмы и пальто, — уже нет. Это ведь дорогая, непрактичная одежда. Но нет, носили как униформу. Ещё и в кепке каждый.

Это был другой отряд, не тот, с которым мы сталкивались. Одежду тех парней я толком разглядеть не успел, но наряжались они по проще. Как и в прошлый раз, один из парней вышел вперед. Он был чуть выше меня и в целом какой-то неказистый. Да и с целительской точки зрения выглядел плоховато. Синяки под глазами, серая кожа. На кистях пятна виды. Вовсе не от того, что он Вдох сделал — а вследствие застарелых отложений. Ему бы к целителю толковому обратиться, а то такими темпами и до тридцати дожить большая удача. Не говорю уж про то, насколько мучительными его последние годы будут. Есть ведь большая разница, здоровым умереть или больным.

— Петруша, — подвалил он вразвалочку, с ухмылкой гадкой. — Какими судьбами?

Петруша, шагнув к нему, пощёчину парню влепил. А рука-то от Масла блестит, не вял парень моим наставлениям.

Будущего инвалида снесло и в стенку впечатало. Переулок-то, куда зашли, узкий. Вдвоем стоять ещё можно, а втроём не поместишься, если рядом встать.

— Ты за хлебалом-то следи, — посоветовал упавшему Петруша. — А ты, Дмитрий, совсем за своими смотреть перестал?

Вопрос был адресован, как я понял, главарю этой шайки. Вот он выглядел получше. И лицом, и одежда побогаче. Череп был вышит на рубашке, черным на белом. Виски выбриты, на шее татуировка видна, в виде паутины.

— Лихо ты, Петя, закрутил, — ответил Дмитрий. — В строй вернулся или просто настроение хорошее?

— Было хорошее. Пока ваши рожи не увидел. Чего надо?

— Ты на нашу территорию зашёл.

— Я на рынок пришёл. За вещами. Плевать мне на вашу территорию. Если есть, что сказать, так давай. Не тяни.

— Как обычно, — улыбнулся Дмитрий. — Говорят, вы Казима обидели.

— Казима, который пришёл ко мне домой угрожать, обещал мокруху на меня повесить да на рудники отправить? Этого Казима? — недобро спросил Петр. — Так пусть ещё приходит. Повторю.

Дмитрий на это скривился. Не понравился ему такой заход.

— А это кто? — посмотрел он на меня через плечо Петра.

— Мой знакомый. Ещё вопросы?

— Так он тоже нашего человека обидел. Как расплачиваться будешь?

— Ты знаешь, как я расплачиваюсь. Сковородкой по голове. Хочешь попробовать?

Петра не узнать было. Столько слов в единицу времени, да с эмоциями, угрозами, игрой интонациями. Кажется, кому-то нравится происходящее, и он не прочь подраться.

— Твои угощения всем известны. Но ты сам от дел отошёл. Может, и запал потерял?

— Так проверь, — пожал плечами Петр.

И — проверил.

Плешивый поднялся, к своим отполз, злобно глазами сверкая. Остальные подобрались и, как отмашку командира получили, сразу в драку пошли.

Я развернулся, не собираясь спину тем, кто сзади, подставлять. Хорошо ещё, проход узкий. Двое на меня бросились. Глаза видели, как действовать надо. А тело не успевало. Я первого ударом ноги встретил, но тот схватил её. Второй мне кулаком в скулу засветил. Единственное, что мне сейчас было доступно со своим Источником, — небольшое укрепление тела. Минуты на две. Что я и сделал заранее. Поэтому голову мне не оторвало так, мотнуло, да в глазах сверкнуло.

А дальше мы бодаться принялись. Мне не до изысков было. Я в обоих разом вцепился и мешал двигаться. Победить? Да какой там. Каждый из них и старше, и сильнее, и тяжелее. Даже пытаться не буду. Хитростью возьми. Понадеявшись на Петра...

Только вот против меня не двое вышло, а четверо. Двое ещё сзади подбежали да парней оттащили, меня придержали. После чего и мне ногами добавили. Успел руки выставить, но всё равно чуть в отключку не ушёл.

Вместо того чтобы запинать ногами, они меня зачем-то подняли. Опять история повторялась. К стенке приперли и бить собрались. Только двое почему-то убежали. Что там Петр творит, я не видел, но шуму много было. Мне по лицу дали, я отмахнулся, вроде попал даже.

Как-то всё быстро завертелось. Я вывернуться пытаюсь, а тут раз, и того, кто держал, снесло.

— Бей их! — прокричал незнакомый голос.

Смотрю, а в переулочек народ набился. Ещё какие-то парни подросли. Черепков повалили и избивать принялись.

Не понимая, что происходит, я мимо них по стеночке продвинулся, поближе к Петру. Тот тоже стоял, к стенке привалившись. Но при виде меня распрямился.

— Вещи твои где? — спросил он.

Тут до меня дошло, что пакеты-то бросил, когда драться начали. Испугался уже было, что украли, но нет, здесь же валялись. Потоптаться по ним успели.

— Ты как? — покосился я на Петра.

Тот подбородком мотнул, мол, не сейчас. Как будто я не вижу, что не так уж и хорошо он. На одежде маслянистые сгустки подобно соплям висят. Руки тоже блестят, дышит тяжело.

— А это кто? — кивнул я в сторону лиц, которые допинавали черепков и теснили их из переулочка.

— Конкуренты, — хмуро ответил Петр и вперед отправился, когда к нам вышел тип, в драке участия не принимавший, но команды отдававший.

— Хай, Повар, — махнул он рукой. — Давно не виделись. Никак ты в строй вернулся?

— Не скажу, что рад тебя видеть, Ворон, — Петр перестал тяжело дышать и ответил нормально. — Чего беседу прервали?

— Как такой возможностью не воспользоваться, — развёл руками Ворон.

На ворона он и правда походил, если фантазию подключить. Пальто — черное. Волосы тоже темные, как уголь. Нос с горбинкой выпирает. Глазки при этом маленькие. Ещё серьга в носу, татуировки на кистях видны — в виде птичьих голов, что из-под рукавов выглядывают.

— Воспользовались, и ладно, — сказал Петр. — К нам вопросы есть? Если нет, пошли мы.

— Да-да, идите, конечно. Только вещи оставьте, — кивнул он на мои пакеты. — Черепки твоего друга побили, это их добыча. А мы их побили, значит, добыча наша становится.

— По твоей логике, надо вас побить, чтобы вернуть? — начал заводиться Петр.

Да и я разрежение ощутил. Меня и собственная слабость бесила, и то, что новые вещи умыкнуть хотят.

Несколько секунд Ворон бодался взглядом с Петром. А потом раз, и рассмеялся внезапно.

— Да шучу я, шучу. В команду к нам не хочешь? Знаю, что не хочешь, — выставил он ладони. — Глупо это. Уже слухи пошли, что ты снова дерешься. Лютый сам знаешь, как отреагирует. А одиночке не выдержать.

— Разберусь, — заявил Петр и пошагал на выход.

Я — за ним. Только пакеты подхватил. Потоптались по ним, но одежда целая должна остаться.

* * *

Домой ехали молча. Не знаю, о чем там Петр думал, а я ход драки в голове крутил раз за разом. Надо же, меня шпана пинает, как хочет.

Если в тебе росту метр семьдесят, а весу шестьдесят килограмм, то знай, любой желающий пинков навешает, — цитата приписывается Элою, мудрецу двух миров.

Так и попрошу на надгробии написать.

А если без шуток, с этим надо было что-то делать. По кругу я перебирал то, что мне доступно, и то, что демонстрировали парни, с которыми «дрался». К сожалению, из прошлой жизни мне только знания достались да контроль неплохой сохранился. Это хорошо, я не жалею. Контроль сложно наработать, и он, во-первых, открывал доступ к сложным манипуляциям с энергией, а во-вторых, сокращал затраты на техники. Без высокого контроля я бы не смог Петра на ноги поставить. Да и себя из лап смерти вытащить.

Но в чистом виде контроль особо ничего не стоит. Нужна Кровь или в данном случае Масло. Какие бы приёмы я ни перебирал, выходило, что с моим запасом сил хватит на одну атаку. Как с тем парнем, которому я внутренности покрутил.

Ничтожно мало.

Либо в один удар вложиться, либо тело укрепить. Собственно, всё. Про физические возможности — молчу. Из-за недоедания, отсутствия разнообразной пищи в рационе и малой подвижности, находясь в приюте, и из-за того, что я отнимал часть жизненных сил, Олег вырос, серьезно отставая в развитии. Отец у него крупный был. Поэтому и Олег в шестнадцать лет должен был вырасти сантиметров на десять.

Как это исправить, я знал. Питание, тренировки, стимуляция организма изнутри целительскими техниками. Для последних мне в идеале Источник хотя бы в пятьдесят Капель нужен. Но, когда я такой объем разовью, огрызаться смогу куда более уверенно.

Выходит, как ни крути, а сейчас я всего лишь груша для битья, что удручает. Ускориться получится только в том случае, если я начну практику как целитель. Обеды целительские,

тренировки, помощь нуждающимся — вот что отлично разовьет Источник. Но и с этим загвоздка.

Что же, унывать не буду, мне главное — какое-то время продержаться, а там легче будет.

* * *

— В этот раз не так плохо, — сказал Петру, когда добрались домой.

Снова его в ванну загнал. Он зачем-то в трусах остался. Стеснительный какой.

А ведь их стирать придётся. Да и некоторые ткани быстро разлагаются под воздействием некоторых осадков после Масла. Но раз так хочет без трусов остаться, пусть.

— Я старался, — криво улыбнулся он.

Всю дорогу, что в автобусе, что пешком, он изображал из себя мрачную тучу. Я было списал на отравление и неприятные ощущения, но сейчас заподозрил, что причина в другом.

— Чего хмурый такой? — спросил его, когда закончили с процедурами и он за обед взялся.

Даже готовка ему настроения не вернула.

— Я дрался, — ответил он после паузы.

— Это я заметил. Тебя побили? Сделали больно? Ты проиграл?

— Не в этом дело, — ответил он и голову в плечи вжал, будто спрятаться хотел.

— Если не хочешь рассказывать, то ладно.

— Не хочу.

— Хм... И всё же?

Петр бросил на меня раздраженный взгляд. Я обезоруживающе улыбнулся. Любопытно же, чего он себя так накрутил. Проблемы у нас какие, черепки всей толпой бить придут или ещё что.

— Я бабушке обещал перестать драться, — сказал Петр, отвернувшись и начав беспокойно картошечку мешать. — А тут понял, что ты меня почистить можешь, ну и... — вжал он голову в плечи.

И понял, что раз почистят, то и оторваться как следует можно.

— А твоя бабушка была против, потому что ты грязного Масла в себя много принимал?

— В том числе. Она на старости лет уже не могла меня очищать нормально. А к другим не набегаешься.

— Получается, моё появление решило дилемму?

— Нет, — резко мотнул он головой. — Она просила, чтобы я мирной жизнью жил.

— А по лицу получать просила?

— Что? — повернулся он ко мне.

— Насколько я помню, ты просто на рынок пришёл. Мне помочь одежду купить. Черепки первые наехали. За что и получили. Вот и спрашиваю, бабушка твоя хотела, чтобы ты по лицу получал? Потому что, если не хотела и ты защищался, не вижу проблемы. Мир несправедлив, и иногда надо дать в морду, чтобы сделать его чуточку лучше.

Петр посмотрел на меня удивленно. Хрюкнул, подавившись смешком. К картошке вернулся. Больше он по теме ничего не сказал, я тоже не спрашивал. Главное, что он перестал себя накручивать.

А что касается моих слов, говорил я не как целитель. Как целитель как раз понимаю его бабушку. Не буду говорить про родственные чувства, у меня ни детей, ни тем более внуков не было. А вот если ты кого-то лечишь, здоровье ему правишь, а он потом в силу своих низменных качеств это здоровье гробит, то да. Как минимум — обидно. Как максимум — хочется дать по шее.

Как воин в прошлом, я тоже Петру ничего хорошего сказать не мог. Не бояться, проявлять стойкость, смело встречать опасность — это важно для воина, но это малая часть пути. Высшая точка — быть Защитником, служить высшим идеалам.

Драка в подворотне с подростками на высшие идеалы никак не тянула.

Как сирота уже в этой жизни, в чужом теле и чужом мире, который всякое повидал, в том числе многолетнюю травлю Олега со стороны других детей, я понимал Петра.

С волками жить, по волчьи выть.

Это не значит, что с этим надо смириться и самому других задирать. Но давать отпор, когда на тебя нападают, — вполне нормально. Что я до парня и попытался донести. А то мне не понравилась его мрачность.

* * *

На следующий день меня ждал сюрприз. Пришли мы минут на десять раньше. Я весь в новом. Не сказать, что одежда была на порядок лучше, чем я до этого носил, но новая и свежая, а это уже много.

Как в ресторан зашли, так Борис Дмитриевич сразу и встретил. Сегодня Петр не через задний двор заходил, а через центральный вход. Но почему так, я не догадался.

— Пришли? — окинул он нас взглядом. — Это хорошо. Ты садись, Олег, — указал он на стол и убежал.

— Что происходит? — спросил Петра.

— Принимать будут, — ответил он и улыбнулся.

Не прошло и десяти секунд, как дядя Боря вместе с другими поварами вышел. Там и официантки наши были. Они обычно позже приходили, а сегодня совсем рано явились, получается.

— Ну что, будем принимать нашего новенького, Олега, — сказал Борис Дмитриевич. — Неделю продержался, молодец.

Я несколько удивился такому заявлению. Вроде уже приняли на работу. А потом дошло, что сегодня — другое. На стол закуски выставили. Мужчины представлялись и руку мне пожимали. Замечу, что до этого, разумеется, с другими работниками я общался. И даже имена их знал. Но сами они не представлялись. Общение к чисто рабочим моментам сводилось. Да и смотрели на меня как на пустое место. Сейчас же совсем иначе было. Вполне дружелюбно отнеслись. Считаю, познакомились. Да и девушки куда приветливее смотрели. Интересы я в их глазах как к мужчине так и не заметил, но обычная открытость — да, случилась.

Через двадцать минут Борис Дмитриевич посиделки свернул, и начался обычный рабочий день.

Я потом, вечером, у Петра спросил, что это было.

— Так это, — ответил он, пока топали домой. — На твоей должности долго не

задерживаются. Иногда приходят, но быстро пропадают. Никто тарелки мыть не хочет.

— Так и я всего неделю работаю. Рано выводы делать, — не понял я смысла.

— Большинство и неделю не держатся. А ты парень работающий. Не ноешь. Делаеть так как скажут. Не мешаешь. Пусть и самая простая должность у тебя, черновая, но и эту работу кому-то делать надо. А ты её делаешь хорошо. Неделю продержался — значит, не временный работник. Поэтому и приняли как своего.

На это я хмыкнул про себя. Странные у них заморочки, да и ладно.

Ни я, ни Петр тогда ещё не знали, что работать мне в ресторане всего ничего осталось.

* * *

Жизнь, как ни странно, налаживалась.

К работе я привык, и та не вызывала проблем. В коллективе со всем поближе познакомился. Старался наладить контакт. Репутация старательного работника меня более чем устраивала. Ресторан-то недалеко от лечебницы находился. Сюда и целители заглядывали. Видел, как Борис Дмитриевич с ними общается. Он на самом деле много с кем контактировал. Лично выходил поздороваться, спросить, всё ли нравится, парой слов перекинуться.

Очевидно, связей у него хватает. Вот и получается, что у Петра выходы на лечебницу должны быть. У Дмитрия Борисовича тоже. Надо хотя бы месяца три отработать, зарекомендовать себя, отблагодарить работой за то, что, считай, приютили и закрепиться в столице дали. А дальше просить ходатайствовать.

Обязанности, кстати, мои расширились. Стали выпускать из кухни, показываться гостями разрешили. Ничего такого не делал. Грязную посуду со столиков забирал, когда гости уходили. Порядок наводил, стулья по местам расставлял.

Отдельно скажу про то, что вокруг происходило. На третий день после похода на вещевой, на мосту, где с Петром познакомился, драка случилась. Ночью. Мы как раз только домой пришли, а оттуда шум донесся. Петр выглянул, хмыкнул и ушёл. Я же на зрелище полюбовался. Человек двадцать собралось. С двух сторон. Пометелили друг друга, наш берег победил, да на этом всё и закончилось.

Почти. Как бой на нет сошёл, я вышел на улицу и к мосту приблизился. Сбоку встал, так, чтобы разглядеть, что там под ним. Увидел духов мельтешащих. Сбежались гады. С десятков точно набралось. Ко мне они не полезли, поэтому я обратно ушёл. Под мостом-то их сейчас не достану.

— Куда ходил? — спросил Петр, когда вернулся.

— Да так... Увидел, что под мостом что-то мельтешит, интересно стало.

— Разглядел что?

— Какие-то всполохи, — пожал я плечами.

— Бывает.

На этом любопытство Петра иссякло, и он спать ушёл.

* * *

Так бы и жил я размеренной жизнью, если бы события не закуружились так, что хоть стой, хоть падай.

Дело вечером было. Народу, как обычно, много набилось. Девчонки не успевали обслуживать, поэтому я вышел и помогал им убирать. Как раз к столику одному подошёл. Оттуда гости только что ушли, оставив чаевых червонец. Треть моей зарплаты, между прочим. Мне с этого тоже рубль в карман упадет, поэтому я тихо порадовался.

А потом что-то странное ощутил. Повернулся и увидел, как к нам парень направляется. По последней моде одет. В пальто дорогое, сапоги начищенные блестят. Только лица не видно — под маской скрыто. Видел я на улицах, как нижнюю часть лица прикрывают, а тут полностью закрылся. Да и капюшон накинул.

Ещё и ладонь отвёл, Масло стал собирать. Тут-то мне и поплохело.

Что сейчас произойдет, я очень хорошо представлял. Как-никак, у меня отец адепт стихий был. Если масло обычное на сковородку плеснуть да на огонь сильный поставить, то дымок пойдет. От шара, который парень собирал — тоже дымок валил. А ещё шар бурлил и переливался.

Масло грязное опасно для людей. Но куда хуже — концентрированное, раскаленное Масло. Это и отравление куда сильнее, и ожоги страшные.

Действовать я начал ровно в тот момент, когда парень закончил технику и замахнулся. — Шлюха! — выкрикнул он.

Я же схватил ближайший стул и, крутанувшись, метнул. Одновременно с тем, выплеснув в тело Кровь, что в Источнике всегда держал. Немного, но малость скорости и силы мне это прибавило.

Стул в шар и попал, когда тот метра на два от парня в маске отлетел. Полыхнуло, техника взорвалась, окружающее пространство загрязняя. Капли кипящего Масла в стороны разлетелись. Раздались крики боли, но я не обращал на них внимания.

Этот убийца-то на ногах ещё и недоволен, что ему помешали. Он ладони перед собой выставил и волну Масла толкнул. На этот раз в меня целился. А я тарелку грязную со стола прихватил, в сторону отпрыгнул и за миг до того, как меня накрыло, снаряд метнул.

В этом мире точно бог удачи есть, и он на моей стороне. Тарелка парню в маску попала, в районе скулы. Голову его мотнуло, маска слетела, молодое лицо обнажая.

Меня же вспышка боли обожгла, но не так страшно. Обычная волна Масла, без техники. Переработаю. Главное, что я посетителей прикрыл и основной удар на себя взял.

Правда, ноги подкосились, тошнота подкатила, и в глазах задвоилось. Добивай — не хочу. Но тут из ресторана Борис Дмитриевич появился. С тесаком своим, который постоянно таскал.

— Что здесь происходит?! — рявкнул он.

«Бить надо было. Наповал. А не вопросы задавать», — подумал я.

Этот парень ещё технику создать успел и метнул. Тут я уже ничего сделать не успел. Но и не потребовалось. Дядь Боря вперед прыгнул и тесаком атаку отбил. После чего этот тесак и метнул. Думал, убьет мерзавца, но нет. В лобешник рукоятью попал. Да в нокаут паренька отправил.

У меня в голове мигом щёлкнуло. Тело само действовать начало. И плевать, что оно чужое, душа-то помнит, как надо.

Вокруг полный хаос начался. Люди кричали. Кто-то от боли вопил так, что уши

закладывало, кто-то паниковал. Я сконцентрировался, Масло по организму собрал и в Источник кинул. Давай, родненький, перерабатывай эту гадость. Грязь — долой. Чистую Кровь мне оставь, её сейчас много понадобится.

Как шевелиться смог, повернулся и огляделся. Вечер, самый пик. День сегодня теплый, почти все столики на улице заняты. Двадцать шесть человек гостей. Никто на месте не остался. Повскакивали, стулья и столы опрокидывая. Девушку с парнем, которые вдвоем сидели и по которым целились, я прикрыл, но им всё равно досталось.

Раскаленная капля угодила девушке на плечо. Там виднелось прожженное платье и обожженная кожа. Кипящее Масло так быстро не остывает. Оно долго её жечь будет. Если не убрать, девушка умрет минут через пять. В муках.

Нормальную технику, чтобы исцелить, я бы сейчас не потянул. Поэтому поступил иначе. На одной воле целителя вытащил кипящее Масло и на полверанды отбросил. Доски мгновенно прожгло, но это меньшая из проблем сейчас.

— Ты... что... делаешь? — спросил меня спутник девушки.

Он только что валялся, скрюченный. Тоже досталось. Но меня заметил и поднялся.

— Лежи. Сейчас тобой займусь, — бросил ему.

Вдох, выдох, собраться и потянуть грязное Масло из девушки. На это у меня ушёл десяток секунд. Ещё столько же, чтобы Вдох сделать, запасы Крови пополнить и грязь вовне вывести. Тут и Петр появился, надо мной навис.

— Что тут? — сказал он. — Помощь нужна?

— Прикрой, — только и сказал ему.

Теперь парень. Досталось ему куда сильнее. Левая кисть — обожжена и обуглена. Ею, видимо, прикрыться успел. Вторая капля Масла попала на живот. Сидел он за столиком, значит, вскочить успел. Загрязнение средней тяжести. Я сейчас такое не потяну. Убрал кипящую субстанцию. Минус ещё пара досок. Вытянул грязную энергию, сколько мог, тут же рядом сбросил. Сам при этом грязными разводами покрылся, пока запасы для работы пополнял.

— Олег! — подбежал ко мне Борис Дмитриевич. — Вы чего тут?! Все целы? Петр, а ты что встал? Что с Олегом?!

Я слышал, как он короткими окриками порядок наводит. Гости успокоил, раненых, до кого я не добрался, отделил. Скорую помощь вызвал, как и городских. Вот и до меня очередь дошла.

— В порядке я, — ответил мужчина, вставая. — Тут раненые, у них ожоги. Целителя им бы срочно.

Что девушка, что парень — жить будут. Но парню нужна срочная помощь более сильного целителя.

— Я его внутрь уведу, дядь Борь, — сказал Петр и утащил меня.

И правильно. Я сначала сделал, а потом уже подумал.

У меня как вторую половину жизни было. Кодекс солдата-целителя кровью писался. Сначала врагов всех убей. Раненых в безопасное место выведи. А потом уже лечи. Вот и сейчас, когда дядь Боря того ублюдка вырубил, у меня внутри что-то щелкнуло. На крики раненых среагировал. Слишком хорошо знал, что в этом деле каждая секунда роль играет.

То, что спалился и слишком многое показал, ещё и на людях — об этом не подумал. Только и сделал, что Петра попросил прикрыть.

Что теперь будет — кто бы подсказал. У меня же отходняк начался. Тело натурально

затрясло, сердце забилося так, что того и гляди выскочит. Это в прошлой жизни к риску я приучен был. Тело же Олега такой стресс с трудом переваривает.

— Что случилось? — спросил один из поваров, когда меня на кухню Петр затащил.

Сам я шёл, едва ноги переставляя. Ещё в глазах двоилось, а в ушах звенело, я даже не определил, кто это из поваров спросил. Петр что-то ему ответил, вокруг слышались обеспокоенные голоса. Девочки-официантки тоже здесь собрались. Наверное, Борис Дмитриевич их всех сюда отправил. И правильно сделал. В месте, где техники применяют, Масло собирается. Бой не такой уж масштабный вышел, но, чтобы недомогание словить, обычным людям вполне хватит.

Петр меня мимо них протащил, да в туалет для персонала втолкнул.

— Олег, ты что там натворил?! — прошипел он. — Выглядишь так, будто с войны вернулся! Да тебя копоть покрывает!

— Тише... — попросил я, плохо соображая. — Помоги умыться.

Петр выругался и помогать начал. Я прямо на пол сел... Точнее, свалился бы, но парень придержал и усадил, спиной к стене приложил. Я очередной Вдох сделал. На последних остатках сил чисткой занялся. Сначала Кровь для себя выделил, потом уже гадость, что в тело попала, выводить начал. Петя же мокрым полотенцем меня обтирать начал.

Не знаю, сколько времени это заняло. Постепенно ясность мысли вернулась. В глазах двоиться перестало. Чем меньше грязи в теле оставалось, тем лучше себя чувствовал. Там и встать смог. В зеркало на себя посмотреть.

— Надо же, — хмыкнул я.

Петя также рядом стоял, посмотрел на меня как на психа.

— Что там случилось?! — потребовал он ответа.

— Какой-то парень техникой гостей пытался убить. Я технику стулом отбил. Потом меня волной разогретого Масла приложили. Отсюда и видок мой.

Была новая одежда, да сплыла. Ещё и волосы подкоптились. Не сильно, но заметно. Я и правда как свежеподкопченное мяско.

— Ты что сделал? — не въехал Петя. — Технику стулом отбил?!

— А чем ещё? — покосился я на него, взявшись руки отмывать. — Так себе техника, если честно. Раз её стулом отбить можно.

Петя на меня глаза вытаращил. Я запоздало подумал, что сироте-кочевнику не пристало разбираться в техниках и отбивать их стулом.

— Ты лучше выйди, глянь, что там происходит. Уверен, неприятности ещё не закончились. Или это для столицы норма — в людей техниками кидаться?

— Ты тут в обморок не свалишься? — спросил он с подозрением, странно косясь на меня.

— Теперь не свалюсь.

Уйти Петя не успел. В туалет вошёл один из поваров, со встревоженным лицом.

— Там это... — сказал он нервно-растерянно. — Это сынок Горыныча был. Его отец приехал. Борис Дмитриевич с ним общаться вышел. Городовые набежали.

По вытянувшемуся лицу Петра я понял, что наши проблемы только начинаются.

Или правильно сказать — мои проблемы?

Новость о том, что прибыл какой-то Горыныч, встревожила всех и не на шутку.

— Это кто такой? — тихо спросил я, когда уже вышли из туалета.

— Глава школы кипятков, — ответил Петя, смотря в сторону выхода из кухни.

Что он там на двери хотел увидеть, было решительно непонятно.

— Кипятков?

— Школа кипения, — пояснила одна из официанток. — Они десятые по силе среди всех школ.

— Что же теперь будет, что же будет... — схватилась за голову другая.

Мне тоже было интересно. Получается, сын влиятельного и известного человека, на глазах у нескольких десятков свидетелей напал на гостей ресторана. По личным причинам. Его крик я запомнил. Целью была явно та девушка, которую я вытаскивал.

Как по мне, за такое и до казни недалеко. Поэтому и говорю, интересно, сможет ли тот урод выкрутиться.

Собравшиеся повара и официантки новость всюю обсуждать начали. Точнее, продолжили. Там вскоре и Борис Дмитриевич появился. Тесак его на месте вернулся, на бедре болтался. Сам мужчина выглядел усталым и мрачным.

Тоже Вдох сделал и с последствиями пока не справился. Кожа на лице и руках блестит. Тени под глазами залегли.

— Дядь Борь, что там? — спросил Петр, разрушив возникшую тишину.

Весь персонал уставился на хозяина ресторана, ожидая чего-то.

— Олег, иди сюда, — позвал он меня, оглядев всех нас. — Остальные — сидите здесь по тишине. Рабочий день на сегодня закончился, но пока не расходитесь.

Борис Дмитриевич развернулся и в общий зал вышел, я за ним. Меня к дальнему столику провёл. Тот парень сидел здесь же, потрепанный, но в сознании и живой. На лбу у него синяк расплывался. При этом не сказать, что выглядел он растерянно, испуганно или как тот, кто раскаивается в содеянном.

Вместо этого он выглядел... скучающим.

Рядом с ним сидел... наверное, Горыныч. Господин сурового вида. Про таких говорят — старый дуб. Старым он при этом не выглядел, а крепким и монолитным — ещё как. Одет роскошно, пальто на соседний стул бросил, сам в белой сорочке сидел. Правая рука на столе лежала, пальцы по дереву барабанили неспешно. На самих пальцах — кольцо и перстень с камнем большим. Встретил он меня взглядом исподлобья. Сразу как-то неуютно стало. Нет, не от взгляда. Хотя, если это влиятельный человек, уверен, много проблем доставить может. Но в другом причина. Он был набит Маслом под завязку. Внешних признаков нет, что говорило о высоком контроле, а на уровне ощущений — явственная ауры силы от него исходила.

Теперь верю, что мастера в этом мире есть. Возможно, с не самым приятным характером и далекие от идеалов служения.

Сидели отец с сыном здесь не одни. Справа о них за столом расположился старший городской. Тоже не сказать, что в дешевом пальто. Фуражка его блестящая на столе лежала. Смотрел он на окружающий мир, как будто пару кислых лимонов съел и в ближайшее время собирался продолжить эту практику.

В ресторане были и другие городовые. С гостями общались, кто не разбежался. Записывали показания, наверное.

Борис Дмитриевич рядом со мной встал.

— Рассказывай, — сказал он мне. — Без утайки. Что делал, что видел.

Медленно вдохнув, я начал рассказ.

— Столик убирал. Гости ушли, надо было тарелки забрать. Поворачиваюсь и вижу, этот господин, — говорил я спокойным ровным тоном, указав на парня с синяком. — Что-то в руке собрал. Испугался я до жути. Страшно эта штука выглядела. А он ещё возьми, закричи что-то угрожающее. Вроде шлюхой кого-то назвал...

— Шлюхой? — вскинул бровь городской и посмотрел на отца с сыном. — Продолжайте, юноша. Что было дальше?

— Так это, испугался я сильно, плохо запомнил, что было дальше, — опустил я взгляд в пол, изображая из себя саму невинность.

— Ты говори, сынок, — похлопал меня по плечу Борис Дмитриевич. — Как на духу.

— Я стул кинул. В голове только и мелькнуло, что эта страшная штука в руке человека в маске не должна гостям навредить.

Городовой хмыкнул, Горыныч помрачнел, а вот паренек гадко усмехнулся.

— Бо-рис Дмитриевич, — протянул он медленно. — А это кто такой? Представьте нам своего сотрудника.

Я взгляд не рискнул поднимать. Зачем им ярость показывать?

Если этот парень сидит в ресторане так спокойно, не связанный, не обезвреженный, ещё и вопросы задает наглым тоном, то ситуация не так очевидна, как кажется.

Ох, прогнил этот мир, если таких вот убийц сразу не вяжут и в темницу не бросают.

— Олег, это, — ответил Борис Дмитриевич. — И, если ты хочешь сказать, что врет он, так вон, — повёл он головой вокруг, — у нас почти тридцать свидетелей. Так и я своё слово скажу. Или ты его тоже сомнению подвергнуть хочешь?

— Сбавь пыл, — зашевелился Горыныч. — А ты, сын, помолчи. Продолжайте, юноша. Мы вас с интересом слушаем.

— Так нечего продолжать, — ответил я, сглотнув. — Стул кинул и попал. Шар, пылающий, взорвался, до девушки не долетел. А там меня волной накрыло, дальше и не понял, что произошло.

Парень бровь вскинул, хмыкнул, но промолчал. Как и я промолчал, что его Борис Дмитриевич тесаком вырубил.

Как бы так не вышло, что я своим вмешательством себе отправку на рудники обеспечил. Поэтому, чем меньше скажу, тем лучше. Пусть и претит мне это, аж внутри крутит, но сейчас не время и не место суд вершить. Я для собравшихся — никто. Растопчут и не заметят, порушив мне все планы. Чего допустить никак нельзя.

— Павел, — позвал городской помощника. — Отведи юношу в уголок и подробности выпроси. Кто такой, тоже узнай.

Я немного выдохнул. Не хотелось в этой компании находиться. Совсем не хотелось. Недавно размышлял, как с драчунами уличными разбираться. Силенок на которых не хватает. А сейчас вижу хищника куда крупнее. За себя я не боялся. А то, что дело помешают сделать, ещё как.

Вдруг мой лимит удачи исчерпался?

Под эти мысли настроение моё и портилось. Ещё городской душу вытряс.

— Как звать? — спросил он, усадив меня за стол и достав бланк.

— Олег.

— Полное имя.

— Олег Павлович Васильев, — назвал я настоящую фамилию и отчество.

— Документы нужны, — он отвлекся от записей и на меня посмотрел.

— Нет документов, — признался я. — Раньше кочевником был, до этого в приюте жил.

Паспорт беспризорникам выдавали в семнадцать лет, заодно выселяя. Олег до этого момента не дожил.

— Как нет? — посмотрел городской недобро. — Не порядок. Ты, получается, беспризорник?

Прозвучало так, что это я во всех бедах виноват.

— Почему же. Где жить, у меня есть. В ближайшие дни и к городovým хотел обратиться, паспорт получить. Уж не обессудьте, господин, но, когда в город приехал, меня работа и пропитание больше интересовали.

Наглая ложь, конечно. Никуда я идти не собирался. Не в ближайшие дни уж точно.

— В каком приюте жил?

— Не помню, господин. Меня туда в раннем возрасте отправили. Как-то так и вышло, что название не спрашивал.

— Город какой?

— Под Петербургом.

Он так и записал. А потом подробности стал вытягивать. Как на работу устроился, сколько работаю, где живу. До самого инцидента далеко не сразу добрались. Остальных гостей уже и отпустить успели. Раненых ещё раньше забрали, пока я в туалете в себя приходил.

Городовой работал вдумчиво и неспешно. Я прямо кожей от него опасность ощущал. Точнее, не от него, а от тех, кто ему приказ отдать может. Ситуацию ведь по-разному можно повернуть. Когда с одной стороны сирота, а с другой — уважаемый и влиятельный человек, справедливость и в сторону отойти может.

— Так что же это получается, — сказал мужчина. — Ты стулом в технику кинул, она взорвалась и из-за этого каплями людей накрыло? Получается, твоя вина в этом есть?

— Так если от одних капель такие крики были, что бы случилось, попади эта гадость целиком? — ответил я вопросом на вопрос.

— А вот это уже неизвестно, — сказал он строго.

Но дальше тему крутить не стал.

Меня в итоге отпустили. Но ещё раньше — парня того забрали городové. Это порадовало. А вот его отец мрачнее тучи ушёл. Не к добру это, ох не к добру. Там вскоре и весь ресторан от посторонних опустел. Персонал наружу вышел да оглядываться начал. Побитая посуда, разбросанная еда. На веранде всё ещё хуже было. Там точно часть досок менять придётся.

Борис Дмитриевич к себе в кабинет ушёл. Пусть он и проводил большую часть времени на кухне, но и свой уголок у хозяина заведения имелся. Петр с ним отправился. Минуты через две вернулся и меня утащил.

Сам я так и сидел за столиком, в углу, подальше от всех. Один из пунктов моего плана — найти союзников среди аристократов. Вот, познакомился сегодня с одним и его сыном. Если остальные не лучше, то этот пункт плана можно смело вычеркивать. И придётся мне

одному против армии мертвых сражаться. Потому что такие люди, они скорее человечество сами добьют, чем сделают что-то хорошее.

Было отчего приуныть.

Петр моё состояние проигнорировал, ничего не говоря, утащил с собой.

В кабинет, где я никогда не был, привел и у стола поставил. Борис Дмитриевич выглядел плохо. На людях ещё держался, а сейчас сдал. На лицо — признаки среднего отравления.

К бледности и синякам под глазами добавились ещё впалые щеки, испарина на лбу.

— Ну? — поторопил меня Петр.

— Что? — глянул я на него непонимающе.

— Очистить можешь?

— Это вы чего удумали? — недовольно проворчал «пациент».

— Всё нормально будет, — заверил его Петр.

Слова про то, что никому не надо рассказывать, Петя, кажется, мимо ушей пропустил. Впрочем, я сегодня так замазлся, что одной демонстрацией сил больше, одной меньше — хуже не будет.

Плюнув на всё, рукава замотал и стол обошёл. Борис Дмитриевич на меня с подозрением уставился. Когда я к нему руку протянул, перехватил. Я на него посмотрел и вывернулся. Ещё и по настороженно замершей кисти хлопнул.

— Не мешайте. Сделаю в лучшем виде, — сказал ему.

И — сделал.

Руку на грудь положил и потянул грязное Масло.

Заодно оценив его общее состояние.

Борис Дмитриевич — наглядное пособие по тому, что бывает с практиками, если они не владеют техниками очистки. Пусть я полноценную диагностику не провёл, но того, что уловил, хватило бы, чтобы всю его жизнь описать. Дрался не раз Борис Дмитриевич с применением сил. Масло в себя втягивал, грязь худо-бедно переваривал, и закончилось это тем, что дальше всё. Либо помирать, либо на покой уходить. Он и ушёл. А разбитый внутри организм — остался.

Даже странно. Деньги-то у него должны быть. Ресторан популярностью пользуется. Почему к целителям нормальным не обратился?

Вопросы-вопросы. Что за мир такой непонятный.

Как закончил, лицо мужчины разгладилось, щеки снова покраснели. Перенапрягся хозяин ресторана конкретно так. Да и возраст сказывается. Я как пару Капель чистой Крови ему закинул в сердце, так сразу расслабился и засопел.

Я Петру показал пальцем, чтобы не шумел. Обошёл стол. Сам покачнулся.

Очищение средней тяжести, блин... Я пока не готов к такому. Ещё и после короткого боя да собственной очистки. Но куда деваться? Если взялся помогать, то надо хорошо работу делать.

Петр моё состояние уловил и помог снова до туалета дойти. Я уже второй коркой грязного Масла за день покрылся. Жаль, что в ресторане нормальной ванной нет. Я бы не отказался.

— Петь, а Петь, — спросил я устало, когда топали домой. — А что это было?

— Лучше помолчи и последними деньками насладись, — ответил он.

С этими допросами, разбирательствами, наведением порядка в заведении и с лечением Бориса Дмитриевича ушли мы на час позже обычного. По улицам пустым добирались. Почти никого и не было. На завтра выходной дали, хоть это радовало.

Хозяин ресторана-то недолго проспал. Быстро на ноги встал да пошёл порядок наводить. Как в умах людей, так и в самом заведении.

— Всё настолько плохо? — спросил я.

— Более чем, — кивнул он, шагая да головой крутя. — Ты ведь главный свидетель, как я понял. А нет свидетеля, нет проблемы.

— Логично.

А ведь говорили мне, лучше держаться от столицы подальше. Зря не слушал.

* * *

Всего ничего Петра знаю, но подметил, что картошечка у него вместо успокоительного. Утром он её никогда до этого не делал. А сегодня нажарил большую сковородку. Ещё и половину запасов из холодильника достал. Сыра нарезал, колбасы, сала.

А я и не против стресс заесть. По утру произвел привычный набор действий да обдумал ситуацию. Как ни крутил её, не видел, что лучше мог сделать. Швырни стул на секунду раньше, того бы парня самого техникой накрыло. И — всё. Чтобы со мной этот Горыныч сделал? Поэтому лично для меня в таком раскладе ничего хорошего не было. С другой стороны, никто бы другой не пострадал. Так что надо было раньше стул швырнуть. Но я вообще удивился, что два раза куда надо попал. Не иначе, на адреналине выше головы прыгнул. На усиление от Крови как-то не получилось списать. Там этого усиления-то... Жалкие слезы.

Мог бы и вовсе не вмешиваться, но... Над этим и думать всерьез не стал. Были бы трупы. А это ещё хуже, чем прибить паскуду.

С остальным разбираться надо. Слишком много я не понимаю, чтобы выводы делать.

Петра я не трогал до момента, пока он половину своей тарелки не умял. Как доест, сразу вялым станет. А сейчас — идеально. Уже расслабился, но не слишком.

— Так что там со вчерашним? — спросил я, и это стало первой фразой за всё утро.

— Умеешь ты, Олежа, — сказал он мне, — вляпаться.

— Чем богаты, тем и рады. А если серьезно? Обрисуешь расклады?

— Горыныч, он же Давид Сергеевич Голыновский, человек известный, — медленно проговорил Петр, рассматривая подхваченную вилкой картошечку. — А также серьезный и противоречивый. Старший мастер школы Кипения.

— Что за название такое странное?

— У его предка спроси, — пожал плечами Петр. — Школе больше ста лет. Старшая.

— Это что-то значит?

— Это значит, что у неё и репутация высокая, и ученики прославиться успели, и мастера подтвержденные есть, и князь признал. Всего в Москве семнадцать старших школ. А остальных — больше двух сотен.

— О как, — покивал я.

Вопросов у меня только прибавилось. Я бы не отказался узнать, какая здесь градация рангов силы и как именно экзамены на мастера сдают, но успеется. Это отдельный разговор будет, а то Петр устанет и актуальное не расскажет.

— Ему и заводы принадлежат, и земля. Богатый и властный человек, — закончил мысль Петя.

— А ещё сильный, — припомнил я исходящую от него ауру. — Это я понял. Скажи мне, Петр, как так вышло, что его сынок на людей набросился? Это вообще нормально?

— Нет. Говорю же, Горыныч человек противоречивый — Петр вздохнул, закинул в рот новую порцию картошки, сальцем закусил да пояснил: — Только не вздумай об этом вслух на улице говорить. А то, ишь, нашёлся любитель важные вещи при всех обсуждать, — осуждающе посмотрел он на меня. — Про род Гольиновских всякие слухи ходят. Всяким разным занимаются. На расправу быстры. Неудобных устраняют, если надо.

— И что, всем плевать?

— Олежа, — посмотрел на меня Петя, будто ему сто лет. — Ты либо дурак, либо наивный дурак. Правила для бояр одни, для простого люда — другие. Князь силен, но не все силен, — сказал он шепотом. — Но только повтори это где-нибудь! Тут уже не рудниками, а Тихой улицей пахнет.

— Что за улица? — заинтересовался я.

— Точно дурак, — расстроился Петр. — И у стен есть уши. На Тихую, поверь, лучше не попадать. Там с такими смутьянами, кто язык не контролирует, разговор короткий.

— Понял, запомнил, — успокоил я его. — Так что с тем парнем? Ему с рук спустят?

— Не знаю, — насупился Петр. — Свидетелей много. Борис Дмитриевич тоже человек не последний. Гости у нас разные были. Кого-то запугают, кому-то денег сунут. Так и выйдет, что свидетелей не останется. Мой тебе совет, если на разговор позовут да рубли предложат — бери. Лучше деньги взять и живым остаться, чем с ними бодаться.

— Вот так просто? — удивился я.

— А ты хочешь сложно? — разозлился Петр. — Так в следующий раз, если откажешь, будь уверен, до дома не дойдешь. В реке труп найдут. Или я чего не знаю и у тебя покровители имеются? — спросил он с подозрением и надеждой.

— Сирота я.

— Тогда и забудь, что вчера случилось. Завтра в ресторан придём и сделаем то, что дядь Боря скажет.

— Ага, понял... То есть в Москве нормально, что один паскудник людей убивает.

— Не нормально. Не думаю, что он легко отделается. Отец ему и сам наверняка выскажет недовольство. Но тебе какое дело? Справедливости ищешь? Или поквитаться хочешь? Забыл, как от шпаны по лицу получал?

— Не-не, — выставил я руки перед собой. — Мне проблемы не нужны.

А вот то, насколько общество прогнило — интересно.

Тут ведь какое дело. Масло — это что? Это энергия с разных планов, перемешанная. Есть твердь — реальный, физический мир. Есть стихийный план, где все стихии обитают. Есть ментальный, отражение всех помыслов, чувств и эмоций живых существ. Другие планы всякие, о которых лучше мудрецы расскажут. Одно знаю точно. Масло не само по себе очищается. Его люди чистят. По всей вертикали общества. Чем меньше порядка, тем больше грязи. Если здесь норма в угоду своим амбициям и алчности действовать, то значит — эти люди слабы перед богом смерти. Следовательно, и мне труднее придётся.

Впрочем, я пока ни одной предпосылки не увидел, чтобы на какую-то помощь рассчитывать. О чем я старался не думать.

А то такое бремя на плечах лежит, что как бы не размазало.

— Хорошо, что не нужны, — сказал Петр. — Теперь и ты мне на вопросы ответь. Ты как так ловко Ивана подбил?

— Ивана?

— Сын Горыныча. Он ведь в маске пришёл? А ты его технику сбил. Потом ещё и тарелкой засветил по лицу, лицо заставил показать. Думается мне, он хотел напасть да сбежать. Никто бы и не знал. А так эта история наружу вылезла. Теперь ты его личный враг... — с каждым словом Петр выглядел всё более задумчивым, словно только сейчас всю серьезность осознал.

— Да как-то само вышло, — ответил я.

Личный враг, значит. Не было печали.

— Про то, где ты с техниками научился бороться да исцелять страшные ожоги, лучше не спрашивать, да? — спросил он как бы невзначай.

— Не понимаю, о чем ты.

Ответил я так, что сразу стало понятно — очень даже хорошо понимаю.

* * *

Аристарх Павлович вскрыл яйцо, желток растекся по рыбе, зелени и мягкой булочке.

— Подача у тебя, Боря, как всегда, отличная, — сказал он добродушно, принявшись за завтрак.

— Стараемся, Аристарх Павлович, держим марку.

— Жаль, что вы пока закрыты, — целитель обвёл взглядом ресторан и глянул, как строители на улице меняют доски на веранде. — Надо же, как оно вчера закрутилось.

— Я сам в шоке. Не думал, что молодой недоросль бойню устроит прилюдно. Совсем с ума сошёл.

— Так и есть. Сошёл, — тихо ответил Аристарх Павлович, — считай, это официальная версия. Меня вчера ночью из дома вытащили. По личному распоряжению князя, — поделился целитель. — Ещё Горыныч нервы потрепал.

— Угрожал? — понимающе кивнул Борис Дмитриевич.

Отношения у двух мужчин были приятельские. С тех пор как Борис в отставку ушёл, ресторан свой открыл, Аристарх Павлович стряпню распробовал и стал заказывать доставку на завтрак, обед и ужин, изредка сам заглядывая, так и стали приятельскими.

— Угрожал, взятку дать пытался. Совсем с реальностью дружить перестал, — возмутился Аристарх Павлович. — Его понять можно. Кто обрадуется, когда сынок такую свинью подложил? Князь не доволен очень. Лично взял дело под контроль.

— Это хорошо. У меня тут паренек отличился. Не хотелось бы, чтобы исчез.

— Этого обещать не могу, — спокойно ответил Аристарх Павлович. — Как князь решит, так и будет. Горыныч давно на выволочку нарывался, но сам знаешь.

— Да знаю, как не знать.

Москва пусть и большая, но все друг друга знали и слухи быстро распространялись.

— Ты мне вот что лучше скажи, — выставил Аристарх Павлович в сторону мужчины

вилку. — Кто девчонку и паренька лечил? Они единственные, кто под технику попали. Не жить им без вмешательства. Среди гостей целитель был?

— Целитель? — задумался Борис Дмитриевич.

Прокрутив в голове все события, но никакого целителя не вспомнил. Кроме одного. Совсем юного.

— Да, — продолжил говорить глава лечебницы. — Очень толковый. Кипяток этот отравленный вывел. Ты ведь должен был слышать про их техники. В тело проникают, убивают медленно, заставляют жертву мучиться. Полегли бы там, бригада не успела бы приехать.

— Так это... — Борис Дмитриевич не нашёлся, что сказать.

Он понял, что Аристарху Павловичу стало интересно, что это за коллега его в столь громком деле отметился. И понятно почему. Будь кто из известных, уже бы слухи разошлись. Но глава лечебницы ничего слышать не мог. Потому что не было никого известного. Но Петр попросил вчера молчать да об Олеге не распространяться.

Сам же Борис Дмитриевич, не иначе, из-за нервов, только сейчас всю картину в голове сложил. Олег, получается, технику отбил, в бой вступил, будто с подобным не раз сталкивался, а как противника вырубил, так за раненых взялся, быстро оценив ситуацию и определив, где его помощь нужна. Теперь понятно стало, почему он возле девушки и парня того задержался. Петр его ещё и прикрывал. Хозяин ресторана тогда этого не понял. Он вообще не сразу разобрался, что происходит. Сейчас же факты в голове сложились. А ведь парнишка ещё под атаку попал, но быстро оклемался. Сам себя исцелять умеет? Похоже на то. Потом ещё и с ним поработал. Как будто не юнец сопливый, а опытный полевой целитель.

— Знаю я этого целителя, как не знать, — принял решение мужчина. — Он ещё и со мной поработал. Вы ведь знаете, почему я в отставку ушёл. Организм всё, не выдерживает работы с Маслом. А вчера пришлось Вдохнуть, чтобы недоросля этого паскудного уложить.

— Да-а? — протянул Аристарх Павлович. — Кто же это такой постарался? Из моих никто не отметился. А другие... — целитель задумался.

— Сомневаюсь, что вы его знаете, — улыбнулся мужчина. — А давай, Аристарх Павлович, вы ко мне на днях зайдете, я вас лично с ним познакомлю.

— Кто-то из приезжих? Кто? — целителю хотелось получить ответ здесь и сейчас.

— Приходите и увидите. Ситуация не такая простая.

— Заинтриговал, голубчик, — ответил Аристарх Павлович. — Завтра? Нет, дела... Давай послезавтра.

— Договорились. А что там с потерпевшими, не расскажете?

— Если ты про девушку и парня, расскажу. По секрету, — улыбнулся Аристарх Павлович. — История глупая, как и все юношеские истории. Иван на почве ревности решил убить девицу Сокольниковых, которая ему отказала. Представляешь? Ещё и ухажера её прихлопнуть собрался. Тот из мелких бояр, как только девке голову вскружил.

— Сокольниковых? — задумался Борис Дмитриевич.

Род он этот знал. Не такие известные, как Гольновские, но тоже не последние люди. Совсем иначе дело выглядит теперь.

— Да, — покачал головой Аристарх Павлович. — Мне уже с утра привезли десяток пострадавших. С обеих сторон. Успели подраться.

— Лихо дело закручивается.

— А то. Так что жди новостей. Уверен, князь серчать будет. Всем хвосты накрутит.

— Это уж точно, — вздохнул Борис Дмитриевич.

— Ладно, Боря, завтраки у тебя выше всяких похвал, но идти пора. Работа не волк, в лес не убежит.

— Всего вам доброго, — улыбнулся мужчина.

Про себя подумав, что у не такого уж молодого целителя завтрак случился в час дня. Заработался, как обычно.

Не зря вчера жилы рвал и рисковал. Источник ещё на Каплю вырос. Капелька к капельке, глядишь, озерцо и соберется. Если не считать нависшей угрозы, то единственное, что омрачило мой настрой, — испачканная одежда. У меня ведь запасной нет. Хорошо ещё, что не порвал. Пришлось, вот же кошунство, Кровью грязь очищать. Для чего по новой силу набирать. А потом и так стирать, вручную. Хорошо ещё, что не порвал ничего.

Сам день прошёл — да никак. Я квелый ходил до самого вечера. Петр тоже не сказать, что энтузиазмом фонтанировал. Никуда не ходили, каждый своим занимался. Я вот на книжки насел, почитал, что о медицине местные светила пишут.

На следующий день, когда пришли, ресторан не узнать было. В хорошем смысле. Борис Дмитриевич подсуетился, всего за день веранду починили, сломанную мебель заменили, посуду новую завезли. Никаких следов не осталось. Я же, когда пришёл, получил свою минуту славы. Наши девушки из меня все подробности вознамерились вытрясти. А то, как я стул метнул, стало всеобщим достоянием. Оказалось, что сразу три официантки сей подвиг видели.

Век бы такой славы избегал, но что теперь поделать. Хоть про целительство не спрашивали, уже хорошо.

С Борисом Дмитриевичем отдельно переговорил. По поводу его очистки он ничего не сказал. А вот линию поведения — да, обрисовал. Как и говорил Петр. Если подкатит кто и взятку предложит, чтобы показания правильные дал, соглашаться, права не качать и сразу говорить, что ничего не запомнил, маску не сбивал, никаких Иванов не видел. На вопрос, а как же так, на меня рявкнули, чтобы гордыню в одно место засунул, как и мысли глупые.

Хозяин ресторана как в воду глядел. День прошёл, домой возвращались, машина у тротуара остановилась. Большая, черная, с окнами затонированными. С переднего места мужчина крупный вышел, дверь открыл и мне кивнул садиться.

Петр в ответ на молчаливый вопрос плечами пожал. Но сам никуда не ушёл, ждать остался.

— Олег Васильев? — спросил, не глядя, тот, кто на заднем сиденье меня ждал.

Я как внутрь залез, дверь захлопнул здоровяк с переднего места, но сама машина никуда не поехала.

— Он самый.

— Беспokoю вас по вчерашнему делу, — сказал мужчина прохладно. — По поводу того, какие показания вы дали.

— А какие надо было? — прямо спросил я.

Тут он на меня посмотрел. Улыбнулся одними губами.

— Правильный вопрос, молодой человек. Лица не видели. Ничего не запомнили. Маску не сбивали.

Прямо как Борис Дмитриевич говорил.

— Не понимаю, о чем вы. Какая маска, какое лицо? Не было такого, — послушно ответил я.

— Очень хорошо. Завтра к вам городской подойдет. Повторите ему сказанное. Он всё правильно запишет. Запомнили?

— Да.

— Тогда больше не задерживаю. А это, — достал он из кармана несколько десятирублевых купюр, — за понимание.

— Благодарю.

Да чтоб ты под землю провалился, урод. Но этого вслух говорить не стал.

Мне что Петр, что Борис Дмитриевич прямо сказали. Деньги надо брать. Даже если тошно. Так я буду выглядеть продажным, понятным и удобным для использования. А не принципиальным, которого об колена ломают и избавляются.

Тошно мне было самую малость. Своё положение я очень хорошо понимал. А сто рублей... Дали мне именно столько, в дело пуцу. Эффективность и целесообразность. Вот моё кредо.

Вышел из машины, думал, Петр вопросы задавать будет. Но нет. Промолчал. Своим видом показал, что спрашивать не хочет. На следующее утро к Борису Дмитриевичу заглянул. Рассказал, как разговор прошёл. Тот похвалил, сказал, что правильно сделал.

То, что правильно, не означало, что ситуация мне понравилась. А то, что не понравилась, не означало, что на личные вкусы надо ориентироваться.

На этом история не закончилась. Как и обещали, ещё городской явился. Борис Дмитриевич ему стол распорядился накрыть, завтраком накормил. Усатый мужчина, не представившись, меня подозвал да бланк положил. Я прочитал свои новые «показания». Подписал. После чего был милостиво отослан. Да уж, лихо здесь дела крутятся. У этого Горыныча, получается, связи и среди городских имеются. Творят бояре, что хотят, а князь позволяет. Учетом-с.

Думал, что отстанут от меня, но не тут-то было. Ресторан у Бориса Дмитриевича просторный был. Имелись там и закрытые от чужих глаз столы. Туда меня официантка и позвала в обед. За столом сидел сам Борис Дмитриевич, знакомый мне целитель и Петр. Последний посмотрел на меня смущенно.

— Кажется, я вас где-то видел, — окинул меня взглядом целитель.

— Это тот парень, которого я к вам приводил недавно, — пояснил Петр.

— Да? Ах вот оно что. Как интересно. Олег, так? — припомнил он меня. — Борис, ты же не хочешь сказать, что это и есть обещанный целитель?

Недолго моё инкогнито продержалось.

— Он самый, Аристарх Павлович, — ответил невозмутимо хозяин ресторана. — Уж в том, что меня хорошо почистили, могу ручаться. Сами видели, что на следующий день как огурчик был. Петр тоже к вам проверяться бегал. Не нашли ведь следов?

— Нет, — задумчиво ответил целитель, но тут опомнился. — То есть ты всё же хочешь сказать, что этот юноша, которому на вид лет пятнадцать, мастер-целитель? — с откровенной насмешкой переспросил он. — Хорошая шутка, но у меня на неё нет времени. Что за игры? — возмущился Аристарх Павлович недовольно.

— Какие шутки. Говорю как есть, — твердо ответил Борис Дмитриевич.

— Кхм... — прокашлялся мужчина. — Юноша, вы действительно очищали Бориса Дмитриевича и Петра? Действительно работали с пострадавшими девушкой и парнем?

— В меру своих сил, — ответил я, не зная, как себя вести. — Парня до конца очистить не успел. Сил уже не оставалось.

— Его техникой накрыло, — вставил Борис Дмитриевич, — Он сначала одну отбил, потом его разгоряченной волной накрыло, сами знаете, с каким эффектом. Так он, вместо того чтобы свалиться, ещё и с детишками поработал. Так ведь, Олег?

— Да-а, — ответил я неуверенно. — Но что-то детей не помню.

— Да молодые, ты понял, — отмахнулся Борис Дмитриевич.

— Хорошо, — всплеснул руками Аристарх Павлович. — Если это не дурацкий розыгрыш, что же вы делали, юноша? — посмотрел он на меня снисходительно. — Опишите в деталях свои действия.

Меня его тон не то чтобы выбесил, но раздражение заставил почувствовать.

Насмотрелся я на так называемых врачей в этом мире. Видел, как работают. Коновалы недоделанные. Умом-то понимал предубеждения этого мужчины, но всё равно задело его высокомерие.

Да и к тому же зачем этот разговор затеяли? Только одну причину вижу. Хотят мне помочь. Не сдать же? Кому, целителю? Желали бы зла, по-другому бы себя повели. А значит, надо не просто уесть этого Аристарха Павловича, но и интересы свои продвинуть.

— С какого момента, Аристарх Павлович? — спросил я, собираясь с мыслями. — За пострадавших я взялся в тот момент, когда Борис Дмитриевич любезно устранил главную угрозу... — на этих словах хозяин ресторана крикнул и ус подкрутил, усмехнувшись. — Если быть точным, я потратил около двадцати секунд на то, чтобы продохнуть и в чувство прийти. Как и было сказано, меня накрыло неконцентрированной волной разгоряченного Масла. Справившись с самыми негативными последствиями, я осмотрелся. Другие гости ресторана, на первый взгляд, серьезно не пострадали. Девушка же отключилась из-за болевого шока. Кожа на её плече была сильно обожжена. Капля Масла, что попала, продолжала дымиться. Я предположил, что, если эту гадость не убрать, она умрет. Скорая бригада не успеет приехать и оказать квалифицированную помощь. Я, как мог, убрал раскаленное Масло.

Говорил я четким, ровным тоном, как принято докладывать в армии. Вытянулся и будто действительно рапорт зачитывал. По мере речи снисходительность с лица Аристарха Павловича сошла, начал серьезно смотреть.

— Как же вы убрали Масло, юноша? — перебил он меня.

— Техникам не обучен. Да и сил бы на техники не хватило. Поэтому действовал на голом контроле. Если честно, тогда думать не было времени. Просто взял и сделал.

— Взял и сделал! — снова всплеснул руками мужчина. — Вы продолжайте, продолжайте. Очень увлекательный рассказ.

Не верит?

— Следующим шагом я постарался очистить организм. Помимо внешних повреждений присутствовали и внутренние. Полностью очистить не получилось, сил не хватило. Да и времени. Ещё ведь и парнем заняться надо было.

— А если бы времени было больше? — хмыкнул он.

— То провёл бы полную очистку, — ответил я, и глазом не моргнув.

— Похвальный талант, юноша! Продолжайте.

— Я исходил из того, что бригада скорой быстро не приедет, а значит, надо сделать так, чтобы пострадавшие продержались до оказания профессиональной помощи. С парнем поступил так же, как и с девушкой. Но отравление у него было куда серьезнее. Сделал, что мог.

— Это всё? — посмотрел целитель на меня исподлобья.

— Всё.

Так и хотелось сказать, доклад закончен, но промолчал.

— Логика в ваших рассуждениях есть, — покивал целитель. — Но без обид, Олег, не

верю. Вы слишком молоды, чтобы работать на таком уровне.

— Я готов за него поручиться, — вставил Петр.

— Петя, — посмотрел на него по-доброму мужчина. — Это твоя бабушка и родители были уважаемыми целителями. Ты, безусловно, кое-что в нашем ремесле понимаешь, но... — покрутил он рукой.

— Покажешь? — спросил Петр.

И до того, как я что-то ответил, сделал Вдох. Со всей щедростью Масло в себя втянул. Да так, что не только кожа заблестела, а и волосы.

— Ой идиот, — вздохнул я. — А ну от дивана отойди, запачкаешь!

— Петр! — возмутился и целитель. — Ты что творишь?! Иди сюда! — потянулся он к нему.

— Нет. Пусть Олег, — упрямо сказал Петр.

— Твоя бабка бы тебе ремня всыпала! Но и я за неё могу! — разозлился мужчина.

Но сам дальше не полез. Я же за дело взялся. Если не вмешиваться, Петру станет плохо минут через пять. Сначала-то Масло в дело идет. Тело усиливает, или на что там его направляют. В процессе лишнее распространяется по организму, в органы проникает. Там-то и начинаются проблемы.

— Расслабься, — сказал Петру.

У меня сейчас не хватит сил насильственно Масло из него вытащить. Это когда человеку плохо, он ослаб, тогда да, нет сопротивления, или оно легко преодолевается. А сейчас, когда он напряжен, булки от натуги свёл, тяжело пойдет.

Петр расслабился. Я ладонью его коснулся, потянулся Масло в себя. Внутри на части разделил. То, что почище, оставил, запас восполняя. Грязь же обратно выпустил, уплотнил и взглядом пошарил, куда скинуть. Борис Дмитриевич, неодобрительно на Петра посмотрев, мне тарелку использованную пододвинул.

Это правильно. В смысле про тарелку. Осадок проще отмыть от твердой поверхности, чем от тканевой или деревянной. А вот то, что Петр тут такие фокусы выкидывает, — это перебор, конечно. Скинутый шар по тарелке грязной лужей растекся, чуть за края не перебрался. Разве можно так, во время обеда-то?

— Большого идиотизма я не видел, — раздраженно сказал целитель, чем вызвал у меня ответное раздражение.

Которое я ему не преминул выразить.

— У меня не так много сил, чтобы нормально очистить такой объем Масла. Поэтому и приходится работать окольными путями, через себя.

Каждое действие отнимало драгоценные Капли силы. Потянуть Масло из Петра — Капля. Удержать его в воздухе, вне себя — ещё несколько Капель, в зависимости от того, сколько держать буду. Поэтому проще сразу в руку, в себя, чтобы затраты снизить.

— Нанося ущерб себе! — рывкнул мужчина.

— Нет никакого ущерба, — ответил я резко. — Уж о себе позаботиться могу.

Это и правда так. Всё, что внутрь меня попало, я в тисках контроля держал.

— Дурак, ещё и наглый, — откинулся целитель на спинку стула. — А ты, Петр, чем думал? Твоя бабка в гробу десять раз перевернулась! Стыдно должно быть! Не маленький уже! Вон какие щёки отрастил! Кулаки пудовые! А мозгов — нема!

— Зря вы так, Аристарх Павлович, — вмешался Борис Дмитриевич. — Мальчик хотел как лучше. За друга вступился. А тот сделал, как умеет.

— Тоже мне, умение, — фыркнул целитель, но тон сбавил.

— Я и вне себя могу. А ты, Петр, — не постеснялся я недовольство высказать, — мог не всё тело насыщать, а только руку. Ещё лучше — просто шар Масла собрать. А в идеале попросить меня сделать так...

Я выставил ладонь и создал над ней шар из чистой Крови.

Судя по тому, как округлились глаза Аристарха Павловича, я попал точно в цель. Объем шара не удивил, но вот его сияющей чистотой и идеальной формой — точно зацепил.

Впрочем, он быстро исправился, не демонстрируя столь выразительных реакций. Успокоился, на меня по-новому поглядел.

— Это уже лучше, — сказал он спокойно. — А для столь молодого юноши так и вовсе, хороший результат. Где учились?

— Нигде, сирота я. В приюте ничему не учат, уж такому — точно.

— Тогда как? — заинтересовался он.

— Как-то само вышло, — виновато и смущенно улыбнулся я.

Надеюсь, именно такие эмоции и вышли на лице. Пусть самородком считают.

— Чудеса, да и только, — покачал головой целитель, но было видно, что не поверил, — Так, значит, нигде не учились, письма поручительного от наставника нет, как и аттестата? Про аккредитацию молчу.

— Нет, ничего нет.

— Дела... — вздохнул он. — Что же, Борис, шоу удалось на славу. Удивил меня. Как и вы, юноша, удивили. Но к чему такие сложности?

— Так это, Аристарх Павлович, — подкрутил ус хозяин ресторана. — Парнишка хочет у вас в лечебнице работать.

— Помню-помню, — ответил мужчина. — У меня тоже уже про работу спрашивал. Но только и сам понимать должен, без образования и рекомендаций — никак нельзя ему целителем у нас быть. Работник он хоть хороший?

— Да. Исполнительный, нещепетильный.

— Это хорошо, это упрощает дело... — задумался Аристарх Павлович. — Но всё равно не могу взять.

Моя губа как раскаталась, так и закаталась обратно. И к чему тогда всё это было?

— Что вы, Олег, так сразу расстроились, — легко прочитал он меня. — Дослушайте сначала. Лечебнице Васильки покровительствует сам князь. У нас и его люди за исцелением приходят, — посмотрел он на меня серьезно. — А значит, с любого сотрудника спрос большой. Не могу я тебя, милок, на работу взять, после этой истории с Горынычем. Некрасивая она вышла. Если возьму, то как покровитель выступлю. Это, если забыть, что у тебя никаких документов нет и рекомендаций.

«Придется другое место искать», — тихо выругался я про себя.

— А когда сможете, Аристарх Павлович? — спросил Борис Дмитриевич.

— Через месяц и смогу, — ответил тот, внимательно следя за мной.

А я замер, переваривая сказанное. Неужто договоримся?

— За месяц страсти улягутся. Если снова в проблемы не влипнет, тогда можно и решить вопрос. К тому же, Борис, ты ведь его на работу взял? Взял. Договорились вы. А договор исполнять надо. Пусть отработывает то, что обещал. Хотя бы месяц. Там видно будет.

— Так и отлично, — улыбнулся Борис Дмитриевич. — Где я ещё такого хорошего работника найду? Который и посуду моет, и мусор выносит, и стульями боевые техники

сбивает.

— Да уж, да уж, — хмыкнул целитель. — Но ты, Олег, зря время не теряй. Подумай, что с образованием делать. Талант, может, и есть у тебя, но без знаний ничего он не стоит.

Я бы с тобой поспорил, дядя, но не буду.

* * *

Аристарх Павлович вышел из ресторана в большой задумчивости. Мужчина рассчитывал познакомиться с новой звездой целительства, а нашёл юнца.

Который демонстрировал то, что просто невозможно.

За десяток секунд справиться с легким отпавлением, вытянуть чужую силу, пропустить её через себя и через кожу вывести грязь — для этого требовалось и мастерство, и понимание, и высочайший контроль. Если талант есть, то лет за пять можно научиться. Но откуда у юнца такие навыки?

А то, что дальше продемонстрировал? Создать Масло настолько яркое и чистое. Будто не мальчишка, а мастер-целитель.

В то, что он ещё после боя двух людей спас, мужчина так до конца и не поверил. Причин отрицать это не было. Просто это невозможно, вот Аристарх Павлович и сомневался. Всю картину он восстановить смог. Уровень сил парня оценил. Талант, высокий контроль, навыки. Но объем Источника — удручающе низкий. О чем тот сам сказал.

Получается, будучи крайне ограниченным, он сначала под удар попал, себя в чувство привести смог, трезво оценил обстановку, принял верные решения и действовать начал. Двух людей от смерти спас. Аристарх Павлович хорошо понимал, что в этом случае, с его резервом, Олегу бы пришлось постоянно тянуть новые и новые порции Масла. Очищать их также внутри себя, восполнять силы, ещё и другим помогать.

Не-воз-мож-но.

Для опытного полевого целителя — да. Но у тех и резерв нормальный. Не надо так изощряться.

Если бы своими глазами не увидел, Аристарх Павлович бы никогда в этот феномен не поверил. Загадка, которая заняла ум мужчины, пока он шёл обратно, в лечебницу. Слишком много странностей.

Обучай кто парня всерьез, у того бы и резерв развился. Но резерва — нет. Тогда откуда навыки и высокий контроль? Про чистоту Масла совсем уж странно.

И что делать — неясно. На работу взять — нельзя. Но хочется. Если и правда талант. Только надо бы проверить как следует.

* * *

Как разговор закончился, Петр, этот парень, который был готов драться против десятка черепков, тупо сбежал от меня.

Что несколько сложно сделать в условиях ресторана, но он умудрился. Вернулся на своё место и принял такой вид, будто очень, ну просто в высшей степени занят готовкой и ничего другого для него не существует.

Борис Дмитриевич порядки навёл, проверил всех, чего натворили, пока занят был, да меня в кабинет позвал.

— На Петра не обижайся, — сказал он сходу.

— Я и не обижаюсь.

— Насчёт Аристарха Павловича тоже не переживай. В твоём случае то, что ты ему запомнился, уже хорошо. Такой талант грех упускать, — улыбнулся мужчина. — Ты не в курсе, наверное, но я раньше служил. Не в одном военном конфликте побывал. Отлично знаю, что нормальную очистку мало кто провести может, а ты справился, в своём-то возрасте. Поэтому шансы, какие-никакие, у тебя имеются. Вопрос в том, насколько долг путь к лечебнице, куда нацелился, выйдет. Поэтому подумай над тем, что сказали. Насчёт обучения и того, чтобы никуда не влипнуть.

— Спасибо за возможность, Борис Дмитриевич.

Он махнул рукой, и я ушёл. Работы и у меня накопилось. На Петра взгляд бросил, так он голову в плечи вжал.

Как сказал Аристарх Павлович, да уж. С одной стороны, я сам просил не рассказывать про мои способности, и Петр обещал не болтать, а с другой — его болтовня дала мне возможность. Пусть пока и сомнительную.

Про школу — это смешно. У меня нет денег и времени. Потратить несколько лет на то, чтобы пойти стандартным путем, слишком расточительно в моей ситуации. Про то, чтобы не влипнуть в неприятности — это я всецело за. Но то шпана пристаёт, то двинутые на голову сынки влиятельных людей бойню устраивают. И это я здесь всего вторую неделю! Ох, не зря кочевники подалее от столицы держались. В других городах как-то поспокойнее, теперь понимаю почему.

Оставшийся день пролетел без приключений. Вечером, когда уже шли, сказал Петру спасибо.

— Не обижаешься? — прищурился он.

— А должен? Если в лечебницу возьмут, считай, повезло мне очень. Этот Аристарх — важный человек?

— Он глава больницы, если ты не понял, — недоуменно посмотрел на меня Петр. — Остальное дома расскажу.

— У вас здесь что, на каждом углу те, кто по губам читать умеет? — я никак не мог понять паранойю Петра.

— Есть и такие, — угрюмо заявил он и больше ничего не сказал.

Однако.

Дома я его расспросил, откуда такая осторожность. Крайне неохотно Петя пояснил:

— Я как-то с парнями шёл. Болтали о всяком. Вот и доболтались. На следующий день нас жестоко отметелили.

— То есть всё же есть, кто тебя побить способен? — подметил я.

— Конечно, — удивился он. — Я обычный повар, а не мастер старшей школы.

— Повар или Повар?

— Это и должность, и прозвище.

— А что там с Аристархом?

— Аристархом Павловичем, — поправил меня Петр, помешивая чай.

Сразу говорить он не захотел и заварил нам чай. На ночь глядя.

— Как скажешь, — послушно ответил я. — Реально уважаемый человек?

— Да. Учился у моей бабушки. Талантливый очень. Пожалуй, что лучший целитель в городе. Со своими взглядами на то, как надо лечить.

— Это какими?

— Его позиция — квалифицированной помощи достоин каждый, даже если у него нет денег. Но ты не думай, что он слишком добрый. Строгий дядька. Если возьмет к себе, уж постарайся не облажаться.

— Да уж постараюсь.

— Только это... — Петр смутился.

— Что? — напрягся я, ожидая услышать что-то плохое.

— Завтра на рынок надо. За продуктами.

— Ох-ох.

Судя по тону, мы на войну отправляется, а не за продуктами.

Накрученный Петром, на рынок я шёл и правда как на войну. Постоянно нападения ожидал. На всех нервно смотрел.

Казалась, любая потасовка планы нарушить может. Но прошли мост, и нас никто не встретил. Дошли до рынка — и снова никто не встретил. Закупились там, обратно пошли — и опять никто не пристал.

А вот когда к мосту вернулись, там проблемы ждали.

Но не нас. Четверка парней держала пятого, перевалив его через перила. Так, что ноги над мостом болтались кверху, а верхняя часть — над водой. Здесь невысоко, метров пять до воды, не убьется, если скинут. Водичка холодная, конечно, не лето ещё, но тоже переживет.

— Обойдем или вмешаемся? — спросил я Петра.

Волнения как-то сразу ушли. Пока неприятностей ждал — накручивал себя. А как увидел эти самые неприятности, так выдохнул и расслабился. В чужую драку лезть не хотелось совсем, поэтому и спросил у Петра, что делать будем.

— Так, а что, четверо на одного уже нормально? — подколот он меня неожиданно.

— Да ты сам меня так накрутил, что я уже ни в чем не уверен.

— Шучу, шучу. Тут я сам, не мешай.

— Знаю я, как ты сам, — пристроил я авоськи рядом, чтобы друг на друга опирались.

Продукты были не только для Петра, но и для ресторана. Поэтому мы утром и не на работе. Выполняем важное поручение. Оказывается, не все продукты привозят сразу к ресторану. Кое-что Петр сам ходит покупает. И, должен признать, подходит он к этому очень тщательно, знает всех нужных людей на рынке, а его самого встречают как родного.

Я это к тому, что, если продукты сопрут или растопчут, ресторан подставим, а не только собственные желудки.

Петр ничего говорить не стал, вперед ушёл. Я — за ним. А там и нас заметили.

— Повар! — крикнул один из парней.

Второй обернулся, взгляд бросил и от группы своей отошёл. Если я и понимаю что-то в шпане уличной, то именно он главный в четверке.

— Не вмешивайся, — потребовал этот парень, когда Петру уже считанные метры оставались.

— Игорька отпустите, — притормозил Петя. — Тогда и вмешиваться не буду. А если скинете, так следом отправлю.

— Больно ты дерзкий для одиночки, — сказал парень и...

Тот, кто на перилах балансировал, как-то хитро вывернулся и ногой засветил одному из тех, кто держал его. Ещё и согнулся правильно — парня вперед, на мост качнуло. Тут и Петр среагировал. Вперед прыгнул и схватил главаря. Просто схватил за руки, чтобы придержать. А тот голосу разума не внял, вырвался и Петра ударил. Даже попал кулаком по лицу. Сразу же оплеуху получив ответную.

Там и я в драку бросился. Много на себя не взял, задался целью хотя бы одного задержать.

И задержал. Почти... Если не вдаваться в подробности.

Игорек дюже ловким оказался. Ногами размахался, против троих сразу драться полез. Одного в мою сторону и откинул. Здорового лба, который споткнулся, ну и упал на меня. Так

и легли оба на мост. Я ещё и внизу отказался.

С нежитью в партере как-то не приходилось бороться. Но дело-то моё нехитрое — задержать. Вот я и вцепился в парня, мешая ему встать. Он руку мне в ответ вывернул да кулаком по голове треснул. Хорошо, что я эту самую голову укрепил перед этим, теми крохами Крови, что накопил.

Повезло ещё, что он от меня сразу отстал. Вокруг шум поднялся, но я как-то основные события пропустил. Когда поднялся, бой уже и закончился. К чести сбежавших, продукты они не тронули и даже не пнули.

— Что это у тебя за друг веселый? — спросил Игорек у Петра.

— Ты лучше скажи, что здесь забыл, Игорь, — как-то угрожающе произнес парень.

— Проблемы у меня, Петя, проблемы, — перестал он лыбиться. — Поговорим?

Ну да, что же ещё. Нет бы прийти, что-то хорошее рассказать. А то проблемы сразу. Как будто их и без Игорька мало.

Но это я так. После удара по голове ворчу. Опять меня валяют все, кто захочет.

— Вечером приходи, — ответил Петр. — Лови, — кинул он ключи от дома. — Тебе ведь скрыться надо?

— Не помешает, — благодарно кивнул парень.

— Тогда до вечера. А у нас — работа. Пошли, Олежа. Продукты только заберем.

— А твой друг с разбитым носом пойдет? Вот дядь Боря обрадуется.

Петр на меня покосился и смутился. Как-то пропустил он, что мне по лицу пролетело.

— Платочек дать? — предложил Игорек, разулыбавшись.

Петр платок выхватил и мне передал. Сам же за авоськой сходил, продукты забрал. На этом встреча и закончилась.

Оказывается, у Пети всё же есть друзья. Проблемные.

Прям как я.

* * *

Я тихо порадовался, когда спокойно до ресторана дошли. Там в туалет забежал и кое-как себя в порядок привёл. То, что ещё мог выдать. Нос-то я себе подлечил, понятное дело.

А дальше пролетел обычный рабочий день. Ничего не напоминало о случившейся трагедии. Людей как обычно было. Дурная слава если кого и отпугнула, то на их место нашлись желающие.

Замечу, что сотрудники питались тем же, что здесь готовили. Разве что себе никто еду не украшал, за редким исключением, когда повара хотели отличиться или готовили что-то новое, давая коллективу попробовать и оценить. Поэтому я точно знал, что готовка здесь отличная. Сам я, наблюдая за тем, как готовят, не уставал удивляться, что с едой творить можно.

Петр по сложившейся традиции ничего про этого Игорька рассказывать не стал. Обмолвился только, что давний знакомый.

Я же словил странное состояние, граничащее с безумием, из-за того, что проблемы новые намечаются. Это когда Олег жив был, а я в виде то ли духа, то ли призрака в нём существовал, чувства приглушены были. И, казалось бы, всё сто раз для себя решил и обдумал, но нет. Сейчас с новой силой осознание навалилось, какая ноша на мне лежит. Я не

воин сейчас, не солдат, не целитель, а так, зародыш человека, щуплый мальчишка. Любая мелочь, случайная драка, блажь аристократа или ещё что способны как убить, так и сломать все планы.

И — всё.

Тот факт, что все мои люди, все те, кто мне дорог, страдают в брюхе бога смерти, и это тянется уже второй десяток лет, подобно бетонной плите лежал на моих плечах, подавляя и лишая воли.

Поэтому хорошо, что никто меня не трогал, не приходили городовые, или ещё какие проблемы не случились за рабочий день. Я действовал машинально, а сам переваривал накатившее состояние апатии. Ещё и ненависть ощутил к этому Игорю. Неожиданно он предстал для меня как посланник хаоса, та самая мелочь, которая способна разрушить то, к чему я стремлюсь. Да и весь его мир разрушить. Сомневаюсь, что это человечество будет готово, когда армия мертвых начнет своё шествие.

Ненависть глупая, конечно. Я это и сам понимал. Но с такой силой накатила, что едва её поборол. Приступ малодушия только к вечеру закончился. Успокоился. Пусть у меня есть только глупая надежда да призрачные шансы, ну и что с того? Что в моей жизни изменилось? Да я последние десять лет своей прошлой жизни с этим ощущением безысходности мирился. Сражение за сражением, потери за потерями, одни сданные земли за другими. И ничего, не сдавался. До конца бился. Так и сейчас буду. А получится или нет — так нечего об этом думать. Надо сосредоточиться на том, что сейчас доступно.

На этой мысли окончательно и успокоился. Поэтому, когда домой уже вернулись, Игоря я абсолютно нормально воспринимал. В конце концов, у Петра меня никто не держит, в чужие проблемы ввязаться не заставляет. Сам заинтересован в том, чтобы здесь оставаться. И, на минуточку, именно знакомство с Петром меня в нужную сторону подтолкнуло.

Всё как обычно. Жизнь в одном месте даёт, в другом забираем. На том и держимся.

Когда пришли, Игорек, развалившись, беззаботно дрых на том самом диване, на котором я ночевал. Петр мимо прошёл, пнул его и на кухню отправился. Готов спорить, что чай заварит.

— А-а? — подскочил Игорек. — А, это вы... Твой дружок тоже здесь? — окинул меня сонным взглядом парень. — Так слухи не врут, с тобой живет?

— Со мной, — донеслось с кухни.

— Ага... — покивал парень. — Так ты кто такой будешь? — посмотрел он на меня недоуменно-скептически. — То, как в драку смело полез, конечно, выглядело очень достойно. Стремление — выше всяких похвал. Реализация только подкачала, — откровенно насмеялся он надо мной.

— Это хотя бы не меня кверху ногами подвесили, — ответил я спокойно, на кухню прошёл и там за стол сел.

— Верно подмечено! — воскликнул парень и за мной последовал.

Уставился на меня, изучая. Так и сидели, пока Петр чай не приготовил. Вместе с баранками.

— Что у тебя случилось? — сразу спросил он.

— Чего сразу о делах? — Игорек схватил чашку и баранку. — Как сам поживаешь? Сколько не виделись? Полгода?

— Около того, — совсем не дружелюбно ответил Петр. — Давай по делу. Это ты полдня дрых, а кое-кто работал.

Не знаю, что он там сказать хочет, но выглядел Игорь специфически. Кажется, таких людей называют альбиносами. Там, на мосту, я как-то подробности не разглядел, а сейчас возможность представилась. Волосы у него почти белые, блондинистые. Как и брови. Что выглядело дико и непривычно. Глаза сине-серые. При этом видно, что парень тренирован. Спал он в одной майке и брюках, рубашка на спинке дивана валялась, поэтому я рассмотрел и обхват плеч, и мускулистые, жилистые руки.

Только вот как целитель скажу, что со здоровьем у него проблемы большие. Кожа серая, пятна грязно-маслянистые видны на коже. Вены темные, выраженные, с кровью проблемы. Выглядит как плешивый кот, который вот-вот сдохнет.

— Если по делу, то... Деньги нужны, — улыбнулся он как нашкодивший котенок. — Рублей пятьсот. Найдется?

— Зачем тебе? — с подозрением спросил Петр.

— А то не видишь, — дернул губой Игорек.

То ли раздраженно, то ли ему просить не нравилось.

— Кое-что вижу. Но ты давай нормально рассказывай. Как до жизни такой докатился.

— Ничего нового не расскажу. Сестра моя подросла.

— И? — не понял Петр.

— За полгода в красивую девушку превратилась, вот что, — махнул рукой Игорь и с яростью укусил сушку, дальше рассказывая с набитым ртом. — Ею один из черепков и заинтересовался. Так она и начала хвостом крутить. То с одним, то с другим погуляет. Совсем мозгов нет.

— Чем закончилось?

— Ещё не закончилось, — опустил Игорек взгляд. — Я с черепками смахнулся жестко. Потом с центровыми. Потом снова с черепками. Ну и это, перегнул, предел перешёл. Самс не проходит, надо к целителю идти на полную очистку, а ты сам знаешь, сколько это стоит.

— Так в лечебницу зайди, там всем помогают.

— На общих процедурах. И то по очереди. А на серьезную очистку очередь, знаешь, какая? На месяц вперед и постоянно сдвигается.

— Игорь, Игорь, — покачал головой Петр. — Нет у меня пяти сотен.

При этом он на меня задумчиво посмотрел.

— Да и не решит это твоих проблем, так? Снова драться будешь.

— Не решит. Но что мне? Подыхать? Ладно, зря пришёл. — откровенно расстроился Игорек.

— Да погоди ты. Олежа, чего думаешь?

— А сколько очистка у целителя стоит? — спросил я.

— Так это смотря какая и к кому обратиться хочешь, — ответил Игорь. — От десяти рублей за малую у младшего целителя. Если что серьезнее, то от сотки. Но и на платные процедуры очередь есть. Если побыстрее нужно, то цены растут, как на дрожжах.

— А конкретнее? — мне стало интересно.

— От ситуации много зависит, — ответил на этот раз Петр, — Игорь, тебе конкретную сумму назвали?

— Девятьсот, — взгрустнул он. — Это с восстановлением. Говорят, уже внутренние органы страдают. А так пятьсот, чтобы только очистку провести.

— Ого, — оценил я суммы, — Петр, а ты сколько получаешь в месяц?

— Сотку, — ответил он. — Как начинающий повар. Через пару лет могут и двести

получать. Хорошие деньги.

«Да уж, да уж», — вспомнил я присказку Аристарха Павловича.

Мы сегодня продуктов шесть авосек набрали на одиннадцать рублей. И это не простой картошечки, а самого лучшего. На десятку, будучи кочевником, неделю свободно питались вчетвером. Без изысков, но всё же. Но это цены на еду. Она дешевая. Что другое купить, одежду качественную — цены уже куда выше. Учитывая, что очистка для того, кто не умеет сам чиститься, нужна в идеале после каждого применения сил, то...

То даже не знаю, что сказать.

— А сколько всего целителей в лечебнице очистку делать умеет?

Парни переглянулись, и Петр плечами пожал.

— Больше десяти точно. Не знаю, какой там сейчас состав.

— Эм... А в городе сколько целителей? — опешил я от столь низких цифр.

— Так в других местах точно платить надо. И не факт, что нормально сделают, — ответил Игорек.

— При чем цены в других больницах выше обычно, — вставил Петр.

«Да как они тут выживают?!» — искренне удивился я.

С такой любовью к дракам, да таким малым количеством доступных целителей, ещё и со столь высокими ценами на очистку... Либо я чего-то не понимаю, либо это человечество должно было давно закончиться.

— Так что? — поторопил меня Петр.

— Что-что? Игорь, ты нужную сумму найти сможешь?

— Вряд ли, — честно сказал он.

— Значит, тебя ничего хорошего в любом случае не ждет и скоро ты сдохнешь?

— Чего сразу сдохну, — насупил парень.

— У тебя белки желтые — верный признак того, что с печенью проблемы. Сыпь на коже. — указал я на его руку. — Об этом же говорит. Вены вздутые — значит, и с кровью проблемы. После драки ты дюже тяжело дышал — легким тоже досталось. Дня три-четыре ещё протянешь. Потом совсем плохо станет.

— Петя... — протянул Игорек. — А это вообще что за черт? Чего он так уверенно мне приговор выписывает?

— Помолчи, Игорь, — ответил Петр. — И слушай, что умные люди говорят.

— Вижу сопляка, которого плевком зашибить можно. Умных людей не вижу.

— У него ещё и с глазами проблема, — покосился на меня Петр.

— Да и с мозгом. На лицо явное снижение умственной деятельности...

— Что вы несете, ироды?! — возмутился Игорек.

— Так что? — посмотрел на меня Петр серьезно, проигнорировав вопрос.

— Я тебе не полноценный целитель, — ответил ему. — У меня тупо сил не хватит его в норму привести... за раз. Неделю возиться придётся. А может, и две. Это во-первых. А, во-вторых, ты готов за него поручиться? Вдруг он болтать будет. А мне славы хватило уже. Не хочу, чтобы те же черепки всерьез взялись и принудили на них работать.

— Игорек, — посмотрел на парня Петр. — Ты своё приёмник, как закрывать, когда надо, помнишь?

— Помнить-то помню, но что-то не секу, о чем вы тут говорите, — посмотрел он на нас с подозрением.

— О деле, — невозмутимо ответил Петр. — Ты всё слышал. Две недели на лечение.

Жить у меня будешь. Олег тобой займется, но без гарантий. Предложения лучше нет.

— Вот так раз — и возьмется, — хмыкнул парень. — Он мне что, массаж плеч сделает? Здоровья пожелает?

— Он умеет, — серьезно ответил Петр. — Его сам Аристарх Павлович отметил. Через месяц к себе в лечебницу пригласил. Олежа и меня чистил. Я потом проверился. Сработал на отлично.

— Да гонишь же... — не поверил парень.

— Раздевайся, — сказал ему. — А ты, Петр, водички ему сообрази, помоги, раз уж сам предложил.

— Эй, эй, — возмутился Игорек. — Я пока согласия не давал.

— Да? — посмотрел я на него. — Как хочешь. Я тогда спать. А то завтра на работу.

— Так вы серьезно, что ли? — нервно спросил Игорек.

Ему явно не понравилось, что его незнакомый юнец собрался чистить.

— Серьезнее некуда. Олеже должен будешь. Сам решишь, как отблагодарить. По итогу работы.

— Слушай... — посмотрел я на него. — Я тебя знать не знаю, но вижу, что скоро ты сам копыта отбросишь. Поэтому, если идеи лучше нет, раздевайся уже. Хотя можешь и так, но одежду запачкаешь.

— Тебя он тоже заставлял раздеваться? — покоился Игорь на Петра.

— Да, — покраснел тот.

— Какие вы все нежные... — закатил я глаза.

В итоге Игорек всё же разделся. Его тоже в ванну засунули. Петр воды принес. Я сказал горе-пациенту весь кувшин выхлебать.

А дальше меня ждали пара неприятных часов.

Когда тебе надо вырыть большую яму, сложность задачи зависит от того, какой инструмент имеется. Видел я в этом мире строительную технику — она как высшие техники. Работает быстро и качественно. Яму за пару минут делает. Если же в руках только лопата — то это как базовые техники. Рабочий инструмент, яму осият, но придётся повозиться, попотеть.

У меня же были только руки. Связанные за спиной. А яма — большая-пребольшая.

Тот случай, когда у пациента всё настолько плохо, что потяни в одном месте — остальное посыплется. Поэтому я сначала долго сканировал организм, на одной чувствительности, без диагностических техник. Составлял общую картину. Выделял самые пострадавшие места. Где осело грязное Масло, как эти участки связаны друг с другом. После чего начал аккуратно тянуть то, что можно было вытянуть, не напрягая слишком всю систему.

Нормальный бы целитель с этим справился разом, за минуту. Мне же пришлось изворачиваться.

Игорьку сразу поплохело, но это нормально. Система пришла в движение, вот и замутило парня. Но ничего, справился с первой частью плана. Семнадцать циклов очищения сделал. И это только чтобы свободные излишки убрать! Дальше требовалось заняться внутренними органами, более детальной чисткой, поиском старых залежей.

Я об этом вслух не говорил, но мне с Игорьком очень повезло. Проблемный пациент, нуждающийся в помощи. В моем случае идеальный вариант, чтобы развить способности. Не будет Источник никогда сам по себе расти. Для этого надо практиковать. В данном случае

— волю целителя. Если идти по пути сражений, то там воля солдата или воина. Бывает воля мага, стихийного повелителя и прочих направлений. Мне бы ещё обеты дать целительские, тогда отдача будет куда выше, но пока в лечебницу не устроюсь, не увижу, какие там порядки, спешить не буду. А то поклянусь помогать всем подряд, а меня поставят обслуживать только богатых клиентов. После этого только уходить. Иначе такой откат схвачу, что способности исчезнут.

— На сегодня всё, — сказал я бледному Игорьку, как закончил с первым этапом.

— Как он? — спросил Петр, который все два часа рядом стоял и не уходил.

— Для начала сойдет. Хуже ему становиться не будет. Завтра динамику посмотрю, тогда более точный прогноз дам.

Дальше я объяснять, что и как собираюсь делать, не стал. Незачем им подробности знать. Может, и успокоят парней, но у Петра точно вопросы появятся. Потому что одно дело талант, а другое — умение разбираться в этапах лечения в запущенных случаях. Это никаким талантом объяснить нельзя.

Впрочем, он и так задумается, как это так, я делаю работу, которую в девятьсот рублей оценили.

Закончили во втором часу ночи. Игорька холодной водой лично обливал. Не злорадства ради... Не только ради него, но ещё и для дела. Требовалось организм встряхнуть. Как закончил, руки помыл и спать пошёл. До дивана добрался, упал и отрубился сразу. Даже раздеться сил не осталось.

* * *

Утро меня порадовало тем, что Источник увеличился до четырнадцати единиц. Капелька к капельке, глядишь, и до высот доберусь. Игоря тоже осмотрел. Выглядел он куда лучше, что сам и подтвердил. Ещё и взгляды в мою сторону задумчивые стал бросать. Задался вопросом, кто я такой и откуда взялся.

— Может, тебе выходной нужен сегодня? — спросил Петр.

— Нет, — качнул головой. — Что я за работник такой, если пропадать начну?

— Тоже верно. Тогда идем.

Игорь дома остался, а я на улице не удержался, с вопросами полез.

— Петя, я вчера посчитал и понял, что в городе давно жители должны закончиться.

— Это чего это? — не понял он моего захода.

— Так сам сказал — целителей всего десяток. Как вы выживаете? Ладно обычные люди, у них Вдох и случаются, то несерьезные и редко. Но что ты, что Игорь, что другие парни, которые к нам лезли, — у всех ведь проблемы имеются.

Петр задумался и ответил далеко не сразу. Миновали двор, свернули, прошли по улице, и там он уже заговорил.

— Я понял, про что ты. Но всё куда сложнее, чем кажется.

— Без обид, Петя, но мне ваши порядки пока лютой дикостью кажутся. Просвети, что за сложности и как дела обстоят?

— Да плохо обстоят, — ответил он сердито. — Игорь всё верно сказал, да не всю картину обрисовал. Тех целителей, которые хорошую очистку сделать могут... Ну, они есть. Их никак не десяток. Пара сотен точно наберется. Только вот большинство из них сидит у

аристократов, — сделал он голос тише и подозрительно огляделся, не слушает ли кто.

Люди на улице были, но конкретно на этой — всего ничего. Впереди женщина молодая шла, на каблуках. Спешила куда-то. Ей явно не до нас было. Сзади пара мужчин о чем-то громко разговаривали. Тоже не слушали.

— Пара сотен в столице? — уточнил я.

— Да не. На землях русских, — поправился он. — В городе, может, человек пятьдесят. Я точно не знаю. Но общих больниц у нас не так много. В каждой есть один-два целителя. Остальные тоже на аристократов работают. Либо личные нужды обслуживают, либо в частных больницах трудятся.

— Это все целители или только те, кто очистку сделать могут?

— Да что ты прицепился, — начал злиться он. — Не знаю я точно. Не знаю!

— Тише, тише, а то услышат.

Он посмотрел на меня столь выразительным взглядом, что я не удержался и засмеялся.

— Шутки шутками, — сказал я, — но всё же?

— Обычных целителей больше, чем тех, кто очистку делать умеет, — нехотя ответил он. — А что касается твоего вопроса... Так плохо всё. Те, что подрались любят, терпят, сколько могут. В очереди встают. Если серьезное что случится, так и в долги влезть могут.

— Зачем тогда драться и так подставляться?

— Как иначе? — не понял меня Петр.

Миллионом разных способов. Дальше мы перешли на более оживленную улицу, и Петр замолчал, игнорируя меня. Обиделся на шуточку.

* * *

Ещё один день прошёл без происшествий. Хотя вчерашний таким назвать нельзя. Драка всё же случилась.

Ночной марафон и работа на кухне мой запас сил подточили. Когда вернулись, тело неповоротливое стало, отдыхать просилось. Но — нельзя. Игорек день отлежался, проспал по большей части, это для него сейчас нормально, но ему похуже стало. Тоже закономерно. У организма все силы уходят на то, чтобы купировать проблему, и пока тело не очистишь, так и будет вялым.

На этот раз и проще, и сложнее было. Так долго его изучать не потребовалось. Организм уже знакомый, в нем не сильно что-то поменялось.

— Как я? — спросил меня Игорек, когда закончили.

В этот раз помощь Петра была не нужна, спать его отправил. Тот сопротивлялся, пришлось настоять, чтобы глаза не мозолил.

— Ты — дурак, — честно ответил я.

— Чего? — дернулся он. — Чего дурак сразу? Я про здоровье спрашиваю!

— Не, дружок, — сказал я ему. — Если твоя цель умереть к двадцати годам, то ты очень умный и целеустремленный парень. А если подольше прожить хочешь, то дурак, ещё какой.

— А ты, смотрю, умный. Только вот скажи, что мне делать надо было?

— Масла меньше впитывать.

— Как будто выбор есть, — скривился Игорь. — Когда тебя вдесятером метелят, как ни крути, здоровым из боя не выйдешь.

— А ты не пробовал... Ну, не знаю... — сделал я вид, что не разбираюсь в теме и спрашиваю наугад. — Не тянуть настолько грязное Масло?

— Шутишь? — удивился он. — У меня мастеров из старших школ в родственниках нет, чтобы секреты подобных трюков знать.

Ещё один факт в копилку знаний об этом мире. Парень, который умеет Вдыхать большие объемы Масла, не считает для себя возможным научиться техникам очистки. При этом допускает, что мастера ими владеют.

— Мойся, спать ложись, — сказал ему.

Сегодня я сразу со всеми органами по чуть-чуть порадовал, чтобы общую нагрузку снизить. Завтра повторю, и, думаю, дальше организм сам включится, помогать начнет. Главное, дать ему продохнуть.

— Олег, — позвал Игорь, когда я уже вышел из ванны. — А ты кто вообще такой? Откуда умения?

— Слышал фразу, меньше знаешь, крепче спишь? А про договор наш помнишь? Там, где про меня болтать не надо?

— Нем как рыба, — кивнул парень серьезно. — Но ты подумай. Талант у тебя есть. Только слух пусти, мигом очередь из парней выстроится. Многим очистка нужна.

— Нет, — резко ответил я. — Мне пока популярность не нужна. Усек? — надавил я на него.

— Усек, усек, — замахал он руками. — Ты это, иди, я тут помоюсь.

Выйдя, прикрыл дверь да спать отправился. А то в голове уже шумит да в глазах двоится.

* * *

Демьян дождался, когда Аристарх Павлович покинет лечебницу, и заглянул к нему в кабинет, где с бумагами работала молодая Тамара.

— Демьян? — повернулся та и улыбнулась.

— Здравствуй, Тamarочка, — улыбнулся он своей лучшей улыбкой. — А я к тебе не с пустыми руками.

Девушка сразу покраснела. Она работала секретарем и надеялась найти в лечебнице мужа. Все старшие целители давно были женаты, в связи с чем поиск шёл среди молодых дарований. Демьян в этом плане был женихом интересным. Симпатичный, обаятельный, талантливый, из хорошей семьи.

О том, что семья его бедна и вся в долгах из-за того, что тратилась на учителей и обучение единственного отпрыска в надежде, что тот сделает карьеру целителя, она не знала. Иначе бы с такой охотой в юного красавца не влюбилась.

Сам же Демьян, прекрасно видя все мысли девушки и её симпатию к нему, пользовался тем, что она работает секретарем самого Аристарха Павловича. А также тем, что она та ещё сплетница и всегда знает последние слухи.

Пройдя через помещение, юноша подошёл к столу и достал из кармана небольшую коробочку конфет.

— Заграничные? — оценила и удивилась девушка.

— Для тебя — самое лучшее, — улыбнулся парень.

О том, что он берет конфеты у знакомого, которому оказывает небольшие услуги целителя, парень говорить не собирался.

— Как приятно, — сказала Тамара.

Некоторое время Демьян потратил на то, чтобы заболтать девушку и сказать ей несколько комплиментов, после чего перешёл к главному.

— Слушай, а что на днях-то было? — спросил он, имея в виду то, что приходили люди князя и суета поднялась знатная.

— Ой, там такое, такое! — глаза Тамары загорелись, и она вывалила все новости.

Совсем уж душой она не была, поэтому Аристарх Павлович не знал, что на него работает та ещё болтушка.

В нужных местах Демьян распахивал глаза, удивлялся, охал и задавал уточняющие вопросы. А как узнал новости, Тамара выдала ему новую горячую сплетню.

— Аристарх Павлович-то это... решил себе нового ученика взять.

— Серьезно? — сделал стойку парень.

Весь план Демьяна по налаживанию жизни строился на том, чтобы попасть в ученики к Аристарху Павловичу. Это была гарантия, что, во-первых, кредиторы перестанут давить и можно будет договориться на очередную отсрочку. И, во-вторых, что стоимость его услуг резко вырастет после обучения.

— А то, — вздернула носик Тамара, прекрасно видя, как в этой новости заинтересован парень. — Просил меня подготовить документ обо всех молодых целителях, что у нас работают. Направил запрос и в другие больницы. Таланты ищет. Я там тебя отметила.

— С меня цветы, — мигом сориентировался парень, подумав, что одежду в этом месяце снова не получится обновить.

— Если цветы, тогда ещё кое-чем скажу... — шепнула она. — Ходят слухи, что талант уже нашёлся... Знаешь где? В ресторане!

— Это как? — не понял Демьян.

— Когда к нам пострадавших привезли, после того случая... Ты понял... Мне Танька обмолвилась, что какой-то целитель уже поработал с девчонкой Сокольниковых. Да и с ухажером её. Спас от смерти. Потом Аристарх Павлович в ресторан тот пошёл, где всё случилось. А ты сам знаешь, он просто так никуда не ходит. У меня подруга в том ресторане есть, Светка, шепнула мне, что он с их посудомойщиком общался. Тем самым, который нападение этого безумца отбил...

Девушка болтала и болтала, выдавая всё больше деталей о том, какую разведработу провела, а Демьян внутри холодел. И так пробиться в личные ученики будет крайне сложно, а тут ещё один неизвестный кандидат откуда ни возьмись нарисовался.

— Он ещё у Петра живет, того самого, внука Авдотье Игоревны. Как бы так не вышло что посудомойщика в ученики возьмут. Вот это новость будет! — пошутила Тамара в конце.

Не заметив, насколько это напрягло парня.

Три дня пролетели без всяких происшествий. У меня в голове словно счётчик появился, который отсчитывал, сколько до конца месяца осталось.

Но глупо было бы ожидать, что та история нападения больше никак не даст о себе знать. Когда одна из официанток сообщила, что меня просят к столику дальнему подойти, внутри что-то ухнуло.

— А кто просит? — отреагировал Петр, который здесь же был.

— Господин Сокольников, — ответила девушка.

— Хм... — нахмурился Петр. — Иди, как тут не пойти.

Это он уже мне сказал. Я руки о полотенце вытер, волосы пригладил, фартук снял да пошёл, куда звали. Девушка меня до самого столика проводила. Я за ним уже важные беседы вел, когда с целителем общался.

Сидел мужчина один и от Горыныча разительно отличался. Если тот мощный и подтянутый был, но этот — пухлый и с заметным, выпирающим животом. Только взгляд мне его не понравился. Очень уж цепкий, взвешивающий.

— Звали, господин? — замер я возле стола.

— Олег Васильев? — посмотрел он на меня. — Присаживайтесь, юноша, — улыбнулся мужчина.

Цепкость из глаз ушла, спряталась на глубине. Вперед вылезла профессиональная маска дружелюбия.

Я присел. Напрягся, не зная, как себя вести. Это вообще кто?

— Чем обязан? — спросил прямо.

— Недавно в этом ресторане инцидент произошёл, — улыбка ушла, и мужчина перешёл на обычный тон. — Пострадала моя дочь. Мне шепнули, что жизнь ей спас один юноша. Поэтому я здесь.

Да уж, да уж. Сказать такое мог только Аристарх Павлович. Сплетник целительский.

— Не совсем понимаю... — осторожно ответил я.

Действительно не понимая, чего от меня хотят. То ли бить собираются, то ли спасибо сказать.

— Признаюсь, — ответил Сокольников, который даже не представился. — Я удивился, когда узнал, что посудомойщик талант имеет. Ещё и сирота, который из приюта сбежал. Откуда такие умения?

— Ничего такого я не сделал. Убрал то, что девушку убивало. Ей плохо было, вот я и...

Надеюсь, он купится на моё смущение.

— Непростая ситуация, — покачал он головой. — С одной стороны, знаю я, что неосторожное вмешательство и повредить может. С другой — сам Аристарх Павлович отметил, что вмешательство было необходимым, целесообразным и эффективным. А как его слову не поверить, да? — улыбнулся Сокольников одними губами. — К тому же победителей не судят.

— Господин, к чему этот разговор? — постарался я не показать раздражения.

Нервировал меня этот тип.

— О, юноша, — развеселился он. — Вы меня не так поняли. Я пришёл поблагодарить за спасение дочери. По разумению или случайно, но вы ей спасли жизнь. Юленька отдельную

благодарность передавала, но лично встретиться не может, сами понимаете.

— Я сделал то, что должен был. Помог тому, кто нуждался, — ответил я нейтрально, когда он замолчал.

— Качество, отлично подходящее для целителя, — поощряюще улыбнулся он. — Не расскажете, Олег, откуда у вас такие умения?

— Жизнь заставит, и не так раскорячишься, — улыбнулся и я.

Прозвучало грубо, даже вызывающе, но мужчина заострять внимание на этом не стал, понимающе кивнул. А что мне ещё ему сказать? Что в другом мире искусство целительское постигал?

— Это уж точно. А не хочешь ко мне на службу, Олег? — резко перешёл он на ты.

Так-то боярину не с руки выкать простолюдину. Это он так уважение и благодарность выказать хотел, как понимаю. Выказал — и хватит. Пора вербовать добычу.

— К сожалению, — вздохнул я, — не могу ответить согласием. Людям помогать хочу. В лечебнице Аристарха Павловича работать.

— Работать у него и правда престижно. Но куда выгоднее аристократу служить. Если и правда талант имеется, ни в чем нуждаться не будешь.

— Понимаете... — опустил я взгляд, призывая на службу весь актерский талант. — Мои родители в аварии погибли. Не успели доктора к ним приехать, помощь оказать. Вот тогда и решил, что сам целителем стану. Вдруг кого от сиротской участи уберегу.

Фактически это правда. Когда мои родные родители погибли, я тоже в целители не просто так подался. Жизни спасти хотел.

— Похвально, похвально, — улыбнулся он, прекрасно поняв, что я съехать хочу. — Тогда, если мастерство подтвердишь, готов в частном порядке твоими услугами воспользоваться. Людей у меня много, нужда в толковом целителе всегда есть.

— Если это не мешает работе в лечебнице, не вижу препятствий, — ответил я.

— Вот и славно. Но это не всё, что хотел сказать. Держи.

Из-за стола было не видно, но на диванчике рядом с мужчиной лежала папка, которую он и достал. Открыл, взял, что хотел, и передо мной положил.

— Это моя тебе благодарность.

Я взял книжицу, на которой золочеными буквами было выведено «Паспорт». Удивленно вскинул брови.

— Разумеется, я навёл справки о том, кто моей дочке помог, — пояснил мужчина. — Узнал, что документов у тебя нет. Про приют тоже выяснил. Этим и воспользоваться могли, сам понимаешь кто. Теперь не воспользуются. Всё официально сделано.

— Благодарю, — только и сказал я, заглянув внутрь.

И правда, все мои данные записаны. Даже фотография есть, из приюта, старая, четырнадцати лет. Помню, Олега фотографировали, было дело.

— Ещё кое-что. Узнал я, что у твоих родителей квартира была под Петербургом. Сейчас там твоя тётка живет. Написала отказ от тебя и взять к себе не захотела. Квартиру не по праву захватила... Если хочешь...

— Нет, — поспешно ответил я. — Повезет, сам себя всем обеспечу. А раз отказалась от меня, то и видеться с ней не хочу.

Делать мне нечего, как за квартиры с какими-то тетками, про которых впервые слышу, воевать.

— Как знаешь, — спокойно кивнул он. — Тогда, — мужчина достал из внутреннего

кармана пиджака визитку, — если проблемы возникнут, смело обращайся. Помогу.

— Спасибо, господин, — взял я визитку.

— Это я тебя должен благодарить, — добродушно улыбнулся он.

На этом беседа закончилась. Растерянный, я ушёл обратно на кухню.

* * *

Надо что-то делать с телом. Живу себе и чувствую, реакции — не мои.

Что мне этот Сокольников? Разговор нормально прошёл, никто не угрожал почти. Но как отошёл от него, на кухне уже пробрало. Не меня, тело. Причем с запозданием, будто оно только и ждало, чтобы выплеснуть всё. Руки задрожали, спина мгновенно взмокла, сердце заухало. Тук-тук-тук — стучало бешено.

Сделал простую дыхательную практику. В себя пришёл. Мысли в порядок привёл. Жизнь в ресторане продолжалась, никому до меня дела нет, разве что кроме Петра, который пару внимательных взглядов бросил. Работа окончательно помогла в себя прийти.

Прокрутил в голове ещё раз сказанное и совсем успокоился. По факту, мне сделали хорошее предложение. Уйти под руку аристократу, работать на него. В практике, уверен, буду обеспечен. С обучением тоже вопрос решат. Как с деньгами, жильем и прочими мелочами, от которых никуда не деться и время отбирают. Свободу ограничат, это да. Минус. Но минус до тех пор, пока я слаб. А как в силу войду, так варианты появятся. Или через этого Сокольникова дела начать свои вести, или уйти от него. С целителем никто ссориться не захочет, особенно с сильным.

Неплохой план, оставлю его запасным. На то три причины. Я уже вроде как договор с Аристархом Павловичем заключил. А договоры, любые, надо исполнять и соблюдать. Это и для репутации полезно, и для внутренней гармонии. Что, в свою очередь, Масло очищать помогает. Вторая причина — сколько всего от кочевников слышал, но каждый соглашался с тем, что лечебница Васильки — лучшая. И целители там самые сильные работают. А я, как ни крути, всё же полевой целитель, обучение полностью не закончил. Поэтому поучиться у признанных мастеров будет не лишним. Глядишь, чему полезному научусь. Третья же причина — информация. Знаю я, что в этой лечебнице много кто лечится. Аристократы, их люди, военные. Идеальное место, чтобы связями обзавестись да информацию собрать. Зуб даю, нежить свои дела проворачивает там, где война случается.

Так что планы не меняются, но то, что появился запасной вариант, — радует.

Вечером обсудил с Петром произошедшее. Он сказал, что повезло и что про Сокольников особо ничего не знает, поэтому совета дать не может.

— Могу поспрашивать, — предложил Петр.

Улица по пути домой пустой оказалась, и, о чудо, он не стал разговор откладывать.

— Да не надо. Пока не надо.

— А что, жизнь под рукой аристократа — сытная.

— Я сначала в лечебницу.

— Высоко метишь?

— Как пойдет.

Петр хмыкнул и больше ничего говорить не стал.

Дарвин, по прозвищу Лютый, сидел на заднем сиденье джипа и с беспристрастным лицом наблюдал за тем, как мимо проносятся пейзажи.

Если бы кто-то посмотрел на него, никогда бы не подумал, что этот парень с интеллигентным лицом носит такое прозвище. Волосы были аккуратно подстрижены, глаза умные, на лице — очки.

Наконец машина въехала на территорию загородного особняка.

— Выходи, — сказал мужчина из охраны, которому было велено доставить Дарвина к господину.

— Вы так любезны, — улыбнулся парень.

Ничего не ответив, охранник провёл его внутрь дома, в зимний сад, где его ждал не кто иной, как Иван Давыдович Голыновский. Одет он был по-простому, в брюки свободного кроя да кофту. Сидел на диване, раскинув руки и забросив ногу на ногу.

— Лютый, — сказал он. — Рад видеть в моем доме.

Дарвин не стал поправлять юношу в том, что дом не его, а отца, и говорить, что стать главой семьи ему не светит. Не после того скандала, который учудил этот псих.

— Ты немногословен, — заметил Иван, не дождавшись ответа. — Работа есть. Возьмешься?

— Если по оплате договоримся, — спокойно ответил Дарвин.

— Конечно-конечно, — расплылся в улыбке Иван. — Дело простое. Про случившееся ты наверняка в курсе. Но про то, что мне помешал какой-то недоумок-посудомойщик, наверное, не слышал. Хочу, чтобы ему ноги и руки переломали. Убивать не надо. Пусть страдает.

— А конкретнее? Что за посудомойщик?

— Волосы русые, мелкий такой, щуплый. Живет... — Иван сделал паузу. — У хорошо знакомого тебе Повара. Адрес-то помнишь? Найти сможешь?

— Дело громкое, а значит, риски выше, — невозмутимо ответил Лютый.

— Намекаешь, что твой гонорар надо увеличить? — понимающе улыбнулся Иван и полез в карман. — Здесь тысяча. Ещё три получишь, когда сделаешь.

— Получу от кого? Ходят слухи, что тебя в ссылку отправляют.

— Отправят или нет не твое дело! — разозлился Иван.

— Не моё. А оплата — моя. Хочу всю сумму вперед.

— Да ты совсем оборзел, — разозлился Иван.

Что Дарвин проигнорировал.

— Хорошо! — не выдержал Иван и снова полез в карман. — Вот ещё тысяча! Остальное тебе передадут мои люди! По факту подтверждения исполнения заказа!

— Договорились, — забрал Дарвин деньги. — Сломать руки, ноги, оставить в живых.

— Только так ломай, чтобы он уже не восстановился. С душой к делу подойди, — усмехнулся Иван.

Дарвин кивнул и отправился на выход.

С Игорьком закончил через неделю. Думал на две растянется, но нет. Быстрее вышло. Заодно добавил Петра и узнал, как местные до сих пор не померли все. Своеобразным путем они пошли, конечно. Без нормальных, доступных техник очистки, работая с грязным Маслом и уж точно не чистой Кровью, они... адаптировались. Часть поглощаемых сил уходила на укрепление тела.

У того же Игорька ноги особо крепкие были. Что пересекалось с его любовью драться именно ногами. Научил кто или бессознательно тело укреплял, я спрашивать не стал. Молча сделал выводы. Когда «предел» обратно перешёл, тело само исцеляться стало. И вот среди наших я такого не видел. В смысле, чтобы так быстро организм сам чистился.

Хорошее качество и так сразу не скажешь, что лучше. Собственная адаптация или более развитое в моральном и духовном плане общество, где адепты в принципе не сталкиваются с грязным Маслом в таких количествах. Так-то адаптация штука полезная, но это как принимать яд, чтобы выработать иммунитет. Пожалуй, в здешних условиях — единственный выход.

С «пределом» тоже интересно у них тут. Официальный термин, считай. Пределом называли то, сколько адепт способен Масла в себя принять и «переварить».

Только вот, кажется, люди не учитывали, что после каждого использования Масла осадки остаются. Сами они уже не выводятся. Что я и наблюдал у Игоря. Настоящие залежи парень к своему возрасту накопил.

Что касается Игорька, я над ним немного пошутил. Без вреда и с серьезным лицом, но не удержался. Самое смачное напоследок оставил.

— Что, дружок, — сказал я ему утром, после завтрака, — финальная процедура?

— Что-то у тебя взгляд подозрительный, — прищурился Игорь.

— Так это, кишечник у нас последним остался. Прочистит тебя сегодня, в самом буквальном смысле, основательно. Поэтому ты побольше водички пей.

— Шутишь? — поерзал на стуле Игорь.

— Нет. Вставай давай. Иди сюда, — поманил я его.

Там и правда мало работы осталось. Как основную массу проблем расчистил, так молодой организм сам чиститься стал. Последний бастион «масляных отложений» остался как раз в кишечнике. Из-за чего Игорь постоянно со вздутым животом ходил. Настолько к этому привык, что и внимания не обращал. Ничего, сегодня ощутит легкость в полной мере.

У меня за эту неделю Источник до двадцати Капель вырос. Для полноценной техники нужно хотя бы пятьдесят. Но тут какое дело... Это как из ведра черпать. Из него ведь и забрать можно, и долить. Не бесконечно, разумеется. Когда Вдох делаешь, приходится самому чистить, отделять, много грязи выводить обратно, скидывать куда-то. Грубо говоря, мне, чтобы двадцать Капель чистой Крови получить, нужно все шестьдесят Капель грязного Масла через себя пропустить и вывести излишки. Это нагружает организм, отнимает силы. Хорошо, что тело уже привыкло немного.

Где-то за двадцать минут управился. Создал полноценную, пусть и самую простую технику очищения. Силой в пятьдесят Капель. Для чего Источник три раза наполнить пришлось. Сам взмок весь, но оно того стоило. Петру на домашний телефон позвонил кто-то, он сказал, что отлучится, поэтому сам картину не застал. Игорек же заскучать успел, так и стоял все двадцать минут.

А потом... Как говорится, дно прорвало. В смысле Игорьку. Живот скрутило, и парень в туалет убежал. Я ему графин воды набрал, кружку прихватил да отнёс.

— Всё пей. Потом ещё принесу. Так легче будет.

— Уйди! — взмолился Игорек.

Я и ушёл. Под звуки рулад.

* * *

Этим утром за завтраком Петр наблюдал за Олегом и Игорьком, думая о том, откуда такие умения у случайного знакомого.

Когда живешь в семье целителей, невольно разбираешься, что к чему. Те навыки, которые демонстрировал Олег, выходили за рамки всех возможных талантов. Но лезть в чужие дела Петр не собирался. Придёт время, сам всё расскажет или нет.

Олег подшутил над Игорьком, обрадовал его последней процедурой. Петр хмыкнул и отвлекся от разговора, когда телефон зазвонил. Звонили сюда крайне редко, поэтому парень удивился. Встал, подошёл и взял трубку.

— Через десять минут во двор спускайся, разговор есть, — услышал он хорошо знакомый голос.

Положив трубку, Петр нахмурился. Этот голос ничего хорошего не предвещал.

Когда-то давно трое парней... Петр, Игорь и Дарвин, собирались вместе, чтобы хорошенько подраться. Получалось у них настолько отлично, что их троица быстро завоевала уважение и начала подминать под себя район. Закончилось это плохо. Народ собрался и отметелил их так, что без серьезной помощи целителей было не выкарабкаться. Хорошо, что бабушка тогда помогла, всех троих вытащила. Только требовала с Петра завязать с непотребством. Он и завязал. Уход был воспринят, как предательство.

С тех пор Петр не общался ни с Игорем, ни с Дарвином. А тут разом двое появились. Почти в одно время.

Накинув пальто, Петр спустился во двор. Его старый друг уже сидел в беседке. Почти такой же, как и раньше... С короткими волосами, в очках... Только из-под кофты, на груди, ближе к шеи, виднелась татуировка — рога торчали. А ниже, под одеждой, и череп был. Петр его не видел, но догадался, что там.

Мясо у черепков никаких опознавательных знаков не носило. Сержантам позволялось надевать одежду с черепами. Офицерам — набивать татуировки. Петр подошёл, уставился на друга. Тот смотрел на него без эмоций, холодными глазами.

— Смотрю, ты времени не терял, — первым заговорил Петр.

— Как-то само закрутилось, — одними губами улыбнулся Дарвин. — Я к тебе по делу.

— Конечно, как иначе, — хмыкнул Петр. — Так говори тогда, раз по делу.

— Переходи ко мне, вступай в Черепа.

— Ты знаешь мой ответ.

— А ты ещё не всё услышал.

— А стоит ли слушать?

— Думаю, тебе это интересно будет... Я заказ взял. На Олега.

Петр помрачнел. Дело принимало совсем уж дурной оборот.

— Попросили сломать ему руки и ноги. Так, чтобы не восстановился. Оплату я взял, так что... — развёл Дарвин руками, — если пойдешь под мою руку, оплату верну и выплачу неустойку. Между прочим, двадцать тысяч рублей. Вот сколько за тебя готов заплатить.

Цени.

— Зачем? Зачем ты взял заказ? — обреченно спросил Петр.

— Это моя работа, — пожал плечами Дарвин. — Соглашайся. У Черепов не так уж плохо. Сержантом станешь. Я тебя кое-каким трюкам научу, чтобы копыта не отбросил. Да-да, Петя, у них есть техники очищения, которые они передают офицерам.

— У меня есть время подумать?

— Тут есть над чем размышлять? — наклонил голову Дарвин.

— Дай мне месяц.

— Шутишь? Три дня, не больше. Дальше... — развёл он руками, — не обессудь. Игорьку привет передавай. Знаю, что у тебя гостит, прячется. Пусть тоже приходит, возьму к себе.

Встав, Дарвин оправил пальто и ушёл.

Петр вернулся мрачнее тучи. Я как раз закончил себя в порядок приводить, а тут он появился, лица нет.

— Случилось чего? — спросил я.

— Нет, — слишком резко ответил он.

— Ага, так я и поверил.

Петр бросил на меня острый взгляд и... пошёл на кухню чистить картошку. Это после завтрака сразу.

— Точно что-то случилось, — прошёл я за ним следом. — Всё настолько плохо, что пора бежать из города?

— А знаешь, — повернулся он ко мне, — так и сделай. Тебе лучше сбежать из города.

— Ты серьезно? — волнение передалось и мне.

— Более чем.

— Так в чем дело? Нормально объяснишь?

— Нет, — мотнул он головой. — Мне надо подумать. И где Игорек?

— В туалете. Чистится.

Вздыхнув и выдохнув, я отошёл от Петра. Хотелось подойти и пнуть его. Развёл таинственность на пустом месте, накрутил интриги.

Ладно, сам подумаю. Ему кто-то позвонил. Он отходил и отсутствовал минут тридцать. Вернулся злой, как черт, мрачный, как туча. Говорит, что мне нужно валить из города. Угроза касается только лично меня? Или его тоже? Если меня, один вариант напрашивается — Горыныч и его сынок. Они угрожали Петру, сказали, чтобы тот перестал со мной дружбу водить? Возможно.

Получается, я хорошего человека подставил. Что же... У этого есть простое решение.

Своих денег, из тех, которые мне кочевники оставили, у меня было сорок два рубля. Ещё сто я получил в качестве взятки, но десять потратил на продукты, когда на рынок ходили. Не хотел нахлебником сидеть. Семьдесят был должен Петру, но пока не отдавал. Сходил до своей котомки, быстро собрал немногие вещи, купюры отсчитал. Семьдесят рублей на стол положил.

— Игорь, — постучал я в туалет. — Ты там как?

— Да иди ты! — донеслось из-за двери.

— Значит, нормально. Если проблемы возникнут или осложнения, найдешь меня в ресторане через Петра.

— А ты куда? — раздался удивленный голос.

— Сам пока не знаю. Удачи тебе там с чисткой, — пошутил я и отправился на выход.

Петр то ли услышал, то ли ещё как почувствовал, но в коридоре быстрее меня оказался, руки на груди сложил и уставился на меня недобро.

— Куда собрался?

— На улицу.

— С вещами?

— Ага.

— Зачем?

— Свежим воздухом подышать. Деньги на столе, если что.

— Какие деньги? — нахмурился он ещё сильнее.

— Долг. За ботинки. Забыл?

— Какой долг, Олежа?! Ты куда намылился?!

Мне показалось, Петр меня сейчас треснет.

— Ты чего завелся? — посмотрел я на него недоуменно. — Я тебе и так проблем доставил. Хватит. За гостеприимство — спасибо. Дальше сам как-нибудь.

— Ты из города уезжаешь?

— Нет, конечно. Мои планы не изменились. Так что завтра в ресторане увидимся.

Петр прикрыл глаза, помассировал виски.

— Что у вас здесь происходит? — выбрался из туалета Игорек, придерживая руками живот. — Что за драма?

— Забей, — сказал ему.

— На что забить-то? Отвечайте быстрее, а то, если меня прочистит прямо здесь, сами виноваты будете, — поторопил он нас.

Я уставился на Петра и бровь вскинул. Тот уперся, не собираясь уходить с прохода.

— Ну? — поторопил Игорек. — Да вашу же мать! — не выдержал он и убежал в туалет, откуда раздался характерный звук. — Олег, мой позор на твоей совести!

— Зато живот вздуться не будет! Слабость исчезнет, пищу нормально переваривать начнешь! — ответил я ему. — Петр, отойди. Ты и так для меня слишком много сделал.

— Какой у тебя план? — спросил он, поджав губы, будто, какой план я ни предложу, в нем не найдется смысла.

— Жилье я себе как-нибудь найду. Деньги есть, на первое время хватит. Месяц продержусь, а там видно будет. Тем более в ресторане кормят.

Дверь туалета открылась и оттуда высунул голову Игорек.

— Петя, я тебя заклинаю, поясни мне, что за тема? И ты этого демона не удерживай. А то он тебе тоже чистку организует, будешь знать.

— Дарвин заходил, — ответил Петр.

— Оу... — выдал Игорек.

Подавшись назад, он на туалет уселся. Дверь за ним закрылась. Наступила тишина.

— Что за Дарвин?

Дверь снова открылась.

— Олег, ты лучше пойдешь сидеть, выдохни. Петруша тебе чаю заварит, успокаивающего. А я как выйду, так и поговорим нормально. Долго меня чистить-то будет?

— Ещё минут двадцать, — прикинул я. — Петр, зачем усложнять? Я уже понял, что проблемы намечаются. Разберусь как-нибудь.

— Не разберешься.

— С чего ты взял? — удивился я.

Я через столько опасных ситуаций прошёл, что удивить меня чем-то новым крайне сложно.

— С того, — проворчал он, — впрочем... Если ты настаиваешь... Отошёл он в сторону.

Я прошёл мимо него и взялся за ботинки.

— Если уйдешь, в лечебницу не попадешь, — предупредил Петр.

— Чего это? — распрямылся я.

— Не дадут.

— Кто?

— Дарвин.

— Да кто этот Дарвин?

— Эй! — донеслось из туалета. — Что же вы за люди такие! Сделайте чай, я уже почти всё! Между прочим, это неловко с ватерклозета вас подслушивать!

— С каким пор ты такие умные слова знаешь? — раздраженно бросил Петр. — Идем, — это он уже мне. — Дождемся этого засранца.

— Сам ты засранец!

Петр на кухню ушёл. Подумав, я вернул ботинок на место. Уйти успею, но сначала хотелось бы прояснить, как именно мне в лечебницу попасть помешают. Не пустить туда — это уже серьезная угроза.

Наш Повар, не иначе как чтобы нервы успокоить, продолжил картошку чистить.

Я же за стол сел и прикинул расклады. На улице остаться не боялся. Москва — город большой и богатый. Не я один сюда приехал, судьбу получше искать. Половина официанток наших неместные. Также приехали с других городов. Кто-то на учебу зарабатывает, кто-то жениха ищет. Успел я пообщаться с девушками, узнал, как они вопрос с жильем решают. В общаге снимают или комнаты отдельные. Не такой уж сложный вопрос, были бы деньги.

В крайнем случае через того же Петра или Игорька смогу предложить свои услуги целителя. Понял уже, что очищение здесь востребовано. По пять рублей с человека, утром и вечером, до и после работы в ресторане, и получится хорошая добавка, которая должна будет решить вопрос с деньгами. А когда в лечебницу устроюсь, подниму цену. Или не подниму, как пойдет. В любом случае с этой стороны не всё так плохо.

Другой вопрос — безопасность.

Нет, я благодарен Олегу, что он мне тело предоставил, пусть и не по своей воле. Да и в принципе благодарен всем и каждому за то, что мне случай представился. Но как же раздражает физическая слабость. Год назад, когда только контроль перехватил, всё ещё хуже было. Я занимался, как мог, исправлял проблемы со здоровьем, но... Было ноль, стало чуть-чуть, вот и весь прогресс. Сейчас дела бодрее обстоят. Масло, и тем более чистая Кровь — то есть высшая степень Масла, много чего может. Исцелять, стихиями управлять, с телом работать. Укрепить его, усилить, изменить. Будь у меня Источник хотя бы на две сотни Капель, я бы месяца за три и в росте прибавил сантиметров десять и мяса нарастил. Но чего нет, того нет. Поэтому мне сейчас важно Источник развить, тогда большую часть трудностей решу.

Только проблемы не заставили себя ждать. Очевидно, что Петр говорил про какую-то физическую расправу. Проще говоря, бить меня собираются, надежно и качественно. Не в подвале же запереть. Кому я сдался-то, чтобы сил много тратить? А вот инвалидом сделать, уверен, вполне в стиле этого ублюдочного Ивана, сына Горыныча. Если он девчонку юную прикончить на людях хотел, то и со мной поквитаться не постесняется.

Теперь вопрос, как именно он это сделать попытается. И снова ответ известен. Это как-то связано с неизвестным мне Дарвином. Которого парни знают и, надеюсь, меня скоро просветят.

Если этот Дарвин какой-нибудь мастер — мне хана. Без всяких но. Тут и правда надо задуматься, чтобы из города уехать. Если же это кто-то уровня тех же черепков, то есть обычной шпаны — тогда открываются варианты.

На крайний случай я могу сделать почти то же самое, что и с Игорьком. Пропустить через себя поток энергии, подготовить технику да ударить посильнее. Единственное — мне

на подготовку время понадобится, а если внезапно нападут, то худо придётся.

А нет, стоп. Что-то я слишком оптимистичен. Из-за обычной шпаны Петр бы так не завёлся. Значит, это кто-то посильнее. Но и не настоящий же мастер. Как-то это глупо, на мелкого меня такие силы задействовать. Получается, кто-то средней силы, достаточно влиятельный, чтобы заткнуть Петра, и чтобы я сам отбиться никак не смог.

Да уж, да уж.

И что делать?

По новой перебрал доступные варианты. Все они упирались в две загвоздки. Первая — дефицит времени. Если принести обеты и найти новых пациентов, смогу развить Источник. Подниму Источник, смогу использовать техники в бою. Да и тело укрепить смогу. Вторая — я не умею драться против людей.

Что понял далеко не сразу, а анализируя последние стычки. Дело не в слабости тела, а в том, что вся моя подготовка и навыки сводились к противостоянию нежити. Не скажу, что это прямо сильно отличается, но отличия были. К тому же я привык драться с мечом. Врукопашную против нежити? Такие глупцы долго не жили.

Можно зайти с другой стороны. Действовать как целитель. В принципе, это возможно, но, опять же, нужна будет подготовка перед поединком. А если противников будет несколько? Мне тупо не хватит сил.

Так я и просидел, в задумчивости, ища выход из ситуации, пока Игореk осваивал новые грани телесной свободы, а Петр картошку жарил — на этот раз драники сделал. О том, что завтракали меньше часа назад, он, кажется, и не подумал. Ну и пусть. Мне всё равно массу набирать надо.

Игореk из ватерклозета вылез бледным, но с пустым животом, из-за чего выглядел резко похудевшим. Упал на стул, заинтересованно посмотрел на драники, на меня взгляд перевел.

— А мне есть-то можно?

— Немного. Лучше жидкости какой. Супчик или просто воды. Но если пару штук съешь, хуже не будет.

Я не поленился, встал и проверил, что там с Игорьком.

— Считай, полностью здоров, — сказал ему.

— За неделю уложился, — посмотрел на меня Игореk. — Быстро ты. А говорил — две.

— Твой организм и сам часть проблемы решил, когда ему помогли. Поэтому быстрее вышло.

То, что у меня Источник вырос, тоже роль сыграло.

— Раз уж все в сборе, — сказал я. — Что за Дарвин?

— Как тебе сказать, — покосился Игореk на Петра. — Это наш друг.

— Друг? — удивился я. — Тогда в чем проблема?

— В том, что дружба закончилась, — ответил Петр. — При не самых приятных... — запнулся он, — обстоятельствах.

— После чего Дарвин ушёл к черепкам, — продолжил мысль Игорьь.

— Стал там офицером, — кивнул Петр. — Ты знал? — это он уже Игорю.

— Доходили слухи. Его Лютым прозвали. Говорят, реально суров. Чего хотел-то?

— Сказал, что взял заказ, — ответил Петр, не смотря нам в глаза и сверля взглядом драник. — На Олега. Руки-ноги переломать.

— О как, — откинулся на спинку стула Игорьь. — Это серьезно.

Как я и думал, проблемы не самые простые намечаются.

— Иван подослал? — спросил я.

— Наверное, — коротко ответил Петр и взялся за драник.

Ел он его как врага.

— Так, а к тебе зачем пришёл? — спросил Игорь.

— Предупредил. По старой дружбе, — ответил парень, отрывая от драника куски.

— Не загоняй. К себе звал?

— Да... — нехотя признал Петр. — Тебе привет передавал. Сказал, тоже взять готов.

— Что это значит? — не понял я. — Если ты присоединишься к черепкам, он откажется от заказа?

— Да, — коротко ответил Петр.

— Так в этом же нет смысла, — удивился я.

— Почему это? — бросил на меня взгляд парень.

— Не он, так другой. Или что, Иван нового исполнителя не найдет?

— Не знаю, — задумался Петр.

— Найдет. Единственное, что изменится — время, — ответил Игорек. — Думаю, у этого Ивана сейчас проблемы большие. Узнает он не сразу, пока найдет новых исполнителей, пока то, пока сё... Недели две точно выиграешь. Не знаю, чем это поможет.

— Время — это хорошо. А поможет тем, что Петру не надо к черепкам, — ответил я.

— Олег, ты не понимаешь всю серьезность, — сказал Петя проникновенно.

— Да брось ты, — самоуверенно отмахнулся Игорек. — Нам всего лишь надо побить Дарвина и прочистить ему мозги, а то совсем по кривой пошёл.

— Как ты это собрался делать? — с сарказмом спросил Петр.

— Вдвоем мы с тобой его уделаем, — уверенно заявил Игорек. — Без обид, Олег, но ты совсем слабак, — посмотрел он на меня скептически.

— Могу тебе вторую чистку организовать. Хочешь? — спросил я угрюмо.

— Лучше не мне, а черепкам. Сможешь? — заинтересовался он.

— Хватит, — попросил Петр. — Дарвин сильнее стал. Сказал, что освоил техники очищения. Ещё какие-то трюки наверняка выучил. Вдвоем мы с тобой его не потянем. Я полгода уже нормально не дрался. А ты сам?

— Ему в ближайшую неделю драться не рекомендуется, — вставил я. — Иначе так легко не отделается.

— Да ладно... — возмутился Игорек. — Прямо совсем нельзя?

— Масло тянуть, как ты это делаешь, нельзя.

— А по-другому можно?

— Если чистое, то да, — задумался я.

— Ага, сейчас за полчаса под драники освоим техники очищения, которых не знаем, и будем сразу чистое Масло тянуть... — с новой порцией сарказма произнес Петр.

— Опять ты драматизируешь, — вздохнул Игорек.

— Ладно, и правда хватит, — встал я из-за стола.

— Куда собрался? — вскинулся Игорь.

— Решать насущные проблемы, — ответил ему.

— Сядь, — сказал Петр.

— А ты чего раскомандовался? — глянул я на него. — Я тебе не слуга, приказы исполнять не подписывался. С проблемой сам как-нибудь разберусь. Или вы с чего-то решили, что на вас трудности скину?

Прояснив свою позицию, отправился на выход.

— Ты где такое чудо откопал? — услышал удивленные голос Игоря. — Эй, гордый! Ты не слышал, что Петя сказал? Тебе руки-ноги переломают. С гарантией! — выскочил он следом за мной в коридор.

— Это мы ещё посмотрим. — ответил я, обуваясь.

— А что тут смотреть...

Он схватил меня за шкурку, поднял и швырнул обратно, себе за спину. Отчего я и распластался на полу, отбив себе локоть. Поднялся медленно, как сказали бы местные, злой как черт.

Игорек смотрел без тени вызова, с какой-то грустью. Демонстрация понятна. Дал почувствовать себя слабым.

Бесит.

Встав, я шар Масла в руке собрал, подшагнул и собирался Игорю в грудь ударить. Но тот руку перехватил, не позволил. Шар расплескался, его кисть обхватывая. Он её моментально от меня отдернул. Ну и получил по лицу.

Когда я говорил, что не умею драться против людей, имел в виду, что профессионально этому не обучен. Но уж простой удар в челюсть выдать могу. Что и продемонстрировал. Ещё инстинктивно руку Маслом усилил. Чиститься придётся, но разберусь как-нибудь.

Игорек назад качнулся, о мой второй ботинок споткнулся и спиной в дверь врезался.

— Идиоты! — рявкнул у меня из-за спины Петр. — Квартиру мне ещё разнесите!

— Да, квартира — это святое... — ответил Игорек из позиции лежа. — Идем в наше место. Оказывается, этот дрыщ фокусы всякие знает.

— Ребят, без обид... — сказал я устало, сосредоточившись на очистке и последствиях. — Но давайте без сцен. Мне ещё жильё искать.

— Успокойся, — сказал Петр. — Успеешь ещё жильё найти. Вместе проблему решать будем. Игорек же дело говорит. Потренироваться надо. А будешь спорить, я тебя сковородкой по голове огрею и запру. Весь месяц здесь просидишь, утрутся черепки.

— Что же вы прицепились-то так... — закатил я глаза.

— Смирись, — хохотнул Игорек. — Никуда от нас не денешься.

У всех дисциплин, которые были связаны с Кровью и с которыми я был знаком, имелась своя система рангов. Если брать целителей, то они отличались, во-первых, по направлениям, а во-вторых, по уровню мастерства и силе. Это два отдельных аспекта, которые сплетались между собой.

Самый базовый ранг — прислужник. От слова прислуживать, то есть помогать в работе. Ещё не целитель, скорее начинающий, ничего не умеющий. Прислужник становился полноценным учеником, когда развивал Источник до сотни Капель. Замечу, что у меня контроль куда выше, чем у начинающего, поэтому на эту сотню он сделает в десять, а то и в двадцать раз меньше, чем я. На практике это означало, что сотни хватало на какие-то базовые манипуляции.

Достигнув сотни, прислужник также приносил свой первый обет или клятву. Что помогало ему повысить чистоту Крови, которую он притягивал.

С двух сотен начинался старший ученик. С трех — целитель. То есть полноценный специалист. Но объем — это малая часть того, что оценивали в ходе экзаменов. Помимо теоретической подготовки, это ещё уровень контроля, владение базовыми техниками, ну и чистота Крови.

Вспомнил я об этом из-за короткой стычки с Игорем, когда врезал ему.

Сколько себе голову ломал, как из ситуации выкрутиться, а очевидного, пусть и сомнительного решения, не увидел.

Дело в том, что в моем мире, что целители, что маги стихий, что воины, старались использовать максимально чистую Кровь. У того были свои причины. Чистая кровь отлично исцеляет, с ней проще работать, она не сопротивляется. При работе со стихиями создает меньше помех, а значит, меньше шансов, что техника выйдет из-под контроля и убьет тебя. В случае воинов — всё то же самое, но ещё кое-что имелось. Мы ведь против нежити воевали. А против них чистая Кровь — отличное средство. Грязное же Масло... Да никто с ним сознательно работать не будет. Это тупо противоестественно. Зачем тратить дополнительные силы на то, что вредно и неэффективно? Обычным Маслом крайне сложно кого-то вылечить. Усиливает оно тоже так себе. Точнее, может, и усиливает, судя по тому, что демонстрируют местные. Но при этом также отравляет. Да и против нежити грязь почти бесполезна.

Стоит ли удивляться, что со своим опытом и давно сформировавшимися убеждениями я в принципе не рассматривал использование Масла?

Когда же Игоря атаковал, там само вышло. Я на рефлексх действовал и, видимо, не до конца себя в новом теле осознал. Хотел иначе ударить, аккуратно, а вместо этого атака Маслом получилась.

Стыд и позор. Сначала поставить парня на ноги, неделю убить, чтобы очистить от грязи, а потом этой грязью обжечь.

Но ладно. Ругать себя не собираюсь. Просто сделал мысленную пометку, что рефлексы серьезно отстают от тела и с этим надо что-то делать. Собственно, с этой целью, потренироваться, парни и вывели меня на улицу.

Пока шли, помимо воспоминаний и самобичеваний, я обдумывал идею использовать Масло как есть, без очистки. Это бы значительно упростило дело, потому что именно

очистка отнимала больше всего сил и времени. Упростило бы в короткой перспективе. А в дальней... Даже не знаю.

Если бы я был в прошлом своем теле, это бы точно сказалось. Во-первых, для меня прежнего, всерьез атаковать людей — это нарушение половины данных обетов. И силы бы лишился, и помереть мог. Обет — это не шутки. Только вот завязывались они на Источник. Который не только энергетическую основу имел, но и физическую привязку к телу. Поэтому мой прежний Источник остался в прежнем теле. В этом же новый, который никакую каркасную структуру из обетов и клятв не имеет.

Пока что не умеет.

Будь всё так просто, возможно, проблема с Лютым действительно решалась бы куда легче. Но было у меня подозрение, что прошлые обеты продолжали действовать для моей души. В этих материях я уже не разбирался. Тут мудрецы, которые прошлые жизни помнили, нужны или жрецы. Сомневаюсь, что найду в этом мире ответы. Поэтому опираться остаётся сугубо на свои ощущения.

Которые отчетливо говорили, что прежним клятвам лучше продолжать следовать. То есть защищать род людской, а не сражаться с отдельными его представителями. А это разом ограничивает большую часть моих действий.

С другой стороны, в текущей ситуации я не мог позволить себе большую щепетильность. Если меня поломают и тем более убьют... Нет, этого надо избежать. Возможно, не любой ценой, но около того. Поэтому идею использовать Масло я сразу не отмел.

Совсем уж задачу оно мне не упростит. Рефлекс нет. Тело нетренировано. Есть риск повредить Источник. У Игоря его нет, кстати. Совсем он не обучен. Поэтому страдало только тело. Если же повредить Источник, то всё, на этом моя борьба закончится. Тоже риск, который надо учитывать.

Под своим «местом» парни имели в виду ближайший узкий переулок между домами. Находился он в паре домов от того места, где жил Петр, долго идти не пришлось. Стены здесь глухие, без окон, ширина между зданиями — как раз хватит, чтобы одна машина проехала. Также здесь стояли мусорные баки. Сильно не воняло, уже хорошо. Но главная особенность этого места не в его злачности, а в том, что посторонних глаз нет. Со стороны улицы при желании прохожие разглядят, чем занимаемся, да и со стороны двора тоже выйти кто-то может, но мы это сразу заметим.

— Давно здесь не были, — полной грудью вздохнул Игорек. — А вон как повернулось.

— Ну и зачем мы сюда пришли? — со скепсисом глянул я на парней.

Нет, идея потренироваться мне понравилась, даже очень. Но что-то подсказывает, что наши представления о тренировках различаются. Скорее это будет попытка выведать, что я умею.

— Для начала было бы неплохо, если расскажешь, кто ты такой, — выставил в мою сторону указательный палец Игорек. — А то я этого совсем не понимаю.

Ну, я же говорил.

— Мне нечего тебе сказать.

— А вот этого не надо, — покачал он головой. — Не делай из нас дураков.

А вот это уже наглость.

— Напомни, в какой это момент я к тебе в друзья набиваться начал?

Игорек открыл рот, да так и застыл, уставившись на меня.

— Не надо, Олег, — вмешался Петр. — Игорь хочет сказать, что было бы неплохо рассказать, кто и что умеет, чтобы придумать, как дать отпор Дарвину.

— Может, он бастард какой? — ожил Игорек. — Без обид, — выставил он ладони в мою сторону. — Но мало того, что целитель, так ещё и техники знаешь.

— Это где ты техники видел в моем исполнении?

— Так, а чем ты меня приложил? Шар создал, потом в кляксу его превратил, руку мне опшарил! Я испугался, между прочим!

— Рука же не отвалилась.

— А мог сделать так, чтобы отвалилась? — оживился он.

В теории — да. Если отбросить все принципы, отказаться от пути целителя и встать на путь... мясника.

— Ладно, не отвечай. По глазам вижу, — усмехнулся Игорек. — Так что, получается, нас трое, Дарвин один. Олег его чем-нибудь убойным приложит, и всё, проблема решена.

— Нет, — ответил я.

— Что значит твоё нет? — спросил Игорь.

— Нет — это значит нет, — устало повторил я, не совсем понимая, к чему этот разговор.

Не могу же я парням объяснить все нюансы жизни целителей, проблемы моего развития, причины слабости. А если и могу, то не вижу в этом смысла. Что поменяется? Ничего.

— Какой ты сложный, — осуждающе сказал Игорь. — Петр, а ты чего молчишь? Нашлись два партизана, два одиночества. У нас есть три дня. Дарвин, скорее всего, приведет две-три группы. Это десять-пятнадцать человек. Нас трое. Я с Петром беру на себя Лютого, а ты, Олег, всех остальных.

Не удержавшись, я рассмеялся. Нервно.

— Смешной ты, Игорь, — сказал ему. — Сам видел, как я дерусь.

— Если ты Масло умеешь использовать — это уже полпобеды, — уверенно заявил он. — Мы в полную силу драться будем. Ты же потом подлатаешь нас?

— Он всегда такой? — посмотрел я на Петра.

— Это ещё ничего. Обычно куда хуже, — ответил он без улыбки.

На что Игорек скривил лицо и закатил глаза.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда объясните мне, чего я не понимаю.

— Всего? — спросил я и сам же ответил: — Не понимаешь того, что я не могу использовать целительское мастерство против людей. А как боец я откровенно слаб. Что ты и сам прекрасно видишь. Петру тоже драться не стоит. Он бабушке обещание давал завязать. Сейчас же ты ему предлагаешь снова влезть во всё это, вместо того чтобы жить нормальной жизнью. А что касается тебя — уже забыл, что в ближайшую неделю к Маслу лучше не прикасаться? Нет, если хочешь, чтобы какой-то из внутренних органов отказал, обращайся, конечно. Но тогда сразу готовь несколько тысяч рублей, чтобы команду целителей нанять. Один я тебя не вытащу.

Или вытащу, но об этом говорить не буду.

— Так то сегодня. А через три дня я буду куда крепче, — оптимистично заявил он.

Не унывает человек. Прямо даже завидно.

— Я буду драться, — что-то для себя решил Петр и обрадовал нас своим решением.

— Два дурака — это сила, — настала моя очередь глаза закатывать.

Я не настолько наивный моралист, чтобы благородно отказаться от помощи парней. Точнее, мне и эта идея претит, использовать для решения своих проблем подростков. Но здесь есть и другая причина.

И слепой заметит, что прямо сейчас Петра раздирают противоречия. Вон какой-то напряженный, взгляд то и дело пустым становится, думает о чем-то сосредоточенно.

С одной стороны, он любит подраться и сама ситуация требует от него взяться за старое. С другой — обещание бабушке, которое для него важно. С третьей — желание помочь мне и моральная дилемма. Если победить не получится, он уйдет к черепкам, чтобы защитить малознакомого ему парня. Я не дурак, вижу, что он думает об этом, и, если мы ничего не придумаем, так и поступит. Что, как мне кажется, окончательно его сломает. У черепков ему уже не просто драться придётся. Не просто нарушить обещание бабушке, чтобы защищать себя и друзей. Нет, ему придётся заниматься всеми теми гадостями, которыми занимаются черепки.

О какой внутренней гармонии здесь речь?

Для моего плана мне очень нужны люди. Мне и всё общество в идеале нужно изменить, подготовить. Но как я это сделаю, если буду толкать хороших парней в пучину грязи? Как внутренней, так и касающейся Масла.

Оно ведь как работает... Чем меньше гармонии внутри, тем большую дрянь притягиваешь. А та, в свою очередь, не только здоровье убивает, но и характер меняет. Уверен, это ещё одна из причин, почему здесь так подраться любят. Замкнутый круг получается. Распробовал Масло, какую силу оно даёт. Драться начинаешь, самоутверждаться. А то, как наркотик, толкает дальше и дальше в драки лезть.

Вот и получается, что воспользоваться помощью Петра — это вынести ему приговор. Чего я себе позволить не могу.

— Чего обзываешься? — обиделся Игорь, но обиды его надолго не хватило. — Лучше давайте думать, что делать будем. Слушай, а ты сможешь переломы исцелить? — пришла ему в голову очередная идея. — Потерпишь немного. Исцелишься. Черепки отстанут, а ты как новенький.

— Смотря, как ломать будут. Обычный перелом — восстановить смогу. А если и руки, и ноги... — покачал я головой. — Да ещё сложные переломы... Нет, лучше до этого не доводить.

Это мягко говоря. Боли я не боюсь, но с текущим уровнем силы есть риск, что и правда себя вытащить не смогу. Срастутся кости не так, и всё, никакого воина из меня не получится. Значит, весь план провалится. Нет, нельзя этого допускать.

— Плохо, — снова задумался Игорь. — Что остаётся... Попросить кого о помощи? — глянул он на Петра. — Борис Дмитриевич?

— А что он сделает? — спросил Петр.

— Он бывший гвардеец. Много чего сделать может.

— Поговорю с ним, — задумался Петр.

— Да как-то это слишком, — засомневался я.

— Отработаешь потом, — отмахнулся Петр. — Поверь, много кто захочет, чтобы им был должен будущий целитель.

Ну, как вариант. Долг перед Борис Дмитриевичем — приемлемая цена за разрешение конфликта.

— Также можно кого-то ещё привлечь, — продолжал генерировать идеи Игорек. —

Готов расплатиться очисткой с другими парнями?

— Хочешь сравнить группировки? — посмотрел на него Петр. — Олег не хочет дар светить.

— Насколько не хочешь? — глянул на меня Игорь. — Я знаю нескольких ребят, у которых туго с деньгами и которые любят подраться, а к черепкам у всех личные счёты есть. Можно так всё закрутить... Особенно если потом их восстановишь.

Я задумался. Идея торговать даром вот так, чтобы за меня дрались, не понравилась. Как-то это низко. Но и моё положение не простое, думаю, смогу через этот принцип переступить.

— Можно подумать, — нехотя сказал я. — Только ты уверен, что это не вызовет новых проблем? А то дармовыми услугами многие захотят воспользоваться.

— Проблемы точно будут, — сказал Петр. — Если просекут, что ты свободный, толковый целитель, без покровителя, за тебя настоящая бойня развернется. И твоего мнения о том, чего хочешь, спрашивать не будут.

— Ты драматизируешь, — не согласился Игорек.

— Я бы оставил этот вариант на самый крайний случай. Да и уверен ты, что пацаны поведутся на сомнительное предложение от неизвестно какого парня, который якобы что-то в исцелении шарит? Ещё и услуги предлагает, чтобы против Лютого выступили. Думаю, как слухи пойдут... А они точно пойдут, и Дарвин гарантированно узнает, он сам лично Олега заберет. Черепкам такой специалист тоже нужен.

— Тогда этот вариант отменяется, — забеспокоился я.

Петр ведь прав. С чего уличным пацанам верить, что какой-то сопляк им сделает лучше, а не хуже? Нет причин.

— В любом случае, — Игорек вытянул руку, вывернул ладони и хрустнул пальцами, — пора из тебя, Олежа, сделать мужчину.

— Если ты про любовь между двумя мужчинами, то я предпочитаю женщин, — ответил парню.

Петр заржал. Игорь ошарашенно раскрыл рот и залился краской.

— Ты что такое несешь?! — прошипел он.

— Игорек, я о тебе чего-то не знаю? — с невинным видом спросил Петр. — Надоело влипнуть в неприятности из-за девчонок, так на парней переключился?

— Я про драки, идиоты! — вознес он мольбу к небесам, ну, или просто накричал на нас.

— Угу, — сделал я вид, что совсем ему не верю.

Петр от этого рассмеялся пуще прежнего. Впервые вижу, чтобы он так ржал. Может, нервное, но, кажется, эта шуточка в отношении Игорька была особенно хороша. И что там насчёт неприятностей из-за девчонок? Не похож Игорь на тех, кого называли «обласканными вниманием».

— Ладно, хорош, — сказал я. — Хватит время терять. Что ты там про драки сказать пытался?

— Ты драться не умеешь, — с осуждением, всё ещё красный, ответил Игорь. — Предлагаю тебя научить. Но для этого ты должен рассказать, что умеешь. А мы с Петром подумаем, как это использовать.

Я покосился на Петра, глянул на небо — сегодня оно было необычайно синее, без единого облачка, снова посмотрел на Игоря.

Предложение-то дельное. Это и способ узнать, что могут парни, и возможность

потренироваться в обычных драках против людей. Одними отжиманиями сыт не будешь. Нужны спарринги. Да и Масло использовать, не такая уж дурная идея. Надо приучать это тело удерживать его в бою.

— Давай, — согласился я, взвесив все за и против.

— Так что ты умеешь? — расплылся в лукавой улыбке Игорь.

— Вот же прицепился... — цыкнул Петр.

И именно в этот момент в наш переулок зашли незнакомые парни, перегородив выход. У главного из них была футболка с черепом.

Три дня, говорите? Кажется, кто-то решил не ждать.

Как говорят, беда не приходит одна.

Хорошая новость заключалась в том, что появилось всего пятеро парней. Со стороны улицы. Плохая же — ещё пятеро зашли с другой стороны, со двора.

Во мне опять ненависть заклокотала. Какие-то уроды, не понимая, что на кону, собираются помешать. И ведь бесполезно объяснять. Не поймут, решат, что псих, ещё и посмеются.

Взяв эмоции под контроль, я прикинул, что делать. Переулок узкий, путь нам перегородили основательно. Если втроем навалимся, должны пробиться и выскочить на улицу. Но это надо было заранее согласовать, а какое у нас командное слаживание? Никакого.

Сосредоточившись на проблемы, я как-то упустил из виду, что зажавшие нас смотрят вовсе не на меня.

— Игорь! — крикнул предводитель черепков. — Долго ты от нас бегал!

Игорь? Не понял.

— Игорь? — покосился на парня Петр. — Не хочешь объясниться?

Я тоже на него покосился. Игорек выглядел смущенным. Не испуганным, а именно смущенным. Голову в плечи вжал, как будто его застукали за чем-то постыдным, руками развёл, улыбнулся виновато.

— Здорова, Повар, — махнул рукой черепок.

— Антон, — сдержанно кивнул Петр. — Славик, а ты чего тут? — посмотрел он на другую пятерку. — У тебя тоже претензии к Игорьку?

Только сейчас я заметил, что у этой пятерки нет никакой символики, связанной с черепами. Да и выглядели они несколько иначе.

— Ещё какие! — заявил Славик. — Он с моей сестрой гулял!

— И с моей! — добавил Антон.

Что, простите?

В этот момент я испытал довольно смешанные чувства. Которые сначала прыгнул на отметку «Сейчас меня будут убивать, всё пропало», а затем переместились «Убивать будут не меня, и какого черта здесь происходит?!».

— А вы с его сестрой не гуляли? — с подозрением спросил Петр.

— Было дело, — не смутился Антон, — но сугубо на взаимных симпатиях!

— Это ты там не придумывай! — крикнул Слава с другой стороны. — Симпатии не такие уж большие были!

— Кто бы говорил! — крикнул черепок. — Тебя она тоже продинамила!

Чего-чего? Я не верил, что слышу этот бред. Что за страсти кипят на улицах этого безумного города?

— Если вы все, — повысил голос Петр. — С сестрами друг друга гуляли, к Игорьку какие претензии?

— Так этот мертвец! — заявил Антон. — Не только гулял, но и повалить успел! Одновременно двоих! В смысле, по очереди!

— Мудила! — крикнул ему Слава. — Ты чего о моей сестре треплешься, урод?! О своей болтай, а мою не позорь!

— Да про неё весь город знает! — ответил Антон. — Короче, Повар! Они узнали о том, что он сразу с двумя гуляет. Обиделись на него. Сильно обиделись. Так он их двоих кинул. Теперь своё получит! Ещё разок!

— Игорь... — протянул недобро Петр. — Ты несколько другое рассказывал...

— Да почти так и говорил!

Петр подшагнул и парню подзатыльник выписал.

— Почти?! — рявкнул Петр. — Кобель пережаренный! Опять из-за баб влип! Ещё и соврал! Сестру он защищал, благородный какой!

— Так и защищал! — возмутился Игорек. — Кто знает этих неудачников! Им девка не дала, обиду затаили!

— Да ты совсем охренел! — опешил Антон. — Повар, ты меня знаешь. Я девок никогда не обижал. Тем более всяких дур, хвостом вертящих! Больно надо!

— Да ты сам охренел! — пошёл в атаку Игорек. — Чего на сестру мою гонишь?!

Я совсем перестал понимать, что происходит. На смертельный бой настроился, а приехал цирк.

— Что за балаган, — не остался в стороне и Слава. — Петр, свали отсюда, дай мы сами с ним разберемся.

— Так... — начал закипать Петр. — У меня есть идея получше. Вы сами нахрен отсюда валите, а я сам с Игорем поговорю.

— Петя, ты чего... — подал голос Игорек.

— Помолчи! — шикнул на него Петя. — Короче, уходите, — это он уже собравшимся. — Не до вас сейчас. Потом своего Игорька найдете.

— Чего это я их стал?! — снова возмутился Игорь.

— Мы и так долго ждали, — не согласился Антон.

— Сейчас порешаем ублюдка, — зло заявил Славик. — А ты, Повар, раз свалил с улиц, так и вали! Иди у плиты стой, а не в разборки вмешивайся!

— Как же вы меня все достали... — устало покачал головой Петр. — То одно, то другое... Ну, давайте, — похрустел он шеей. — Налетайте. Кто первый отхватить хочет?

Петр совсем не мелочился, Вдох сделал. Кулаки сжал, те заблестели от выступившего Масла. Это и шпана заметила. По их лицам разглядел, как пыл поумерили. Но не до конца. На нас надвинулись, драться приготовились.

Сейчас бы драка и вспыхнула, но тут со стороны улицы к нам два городских заглянули. Черепки, что ближе к ним стояли, сразу в стороны разошлись, поближе к стенам, всем видом показывая, что они самые мирные создания.

— Так-так-так, — протянул усатый мужчина, похлопывая дубинкой по ладони. — Это что за безобразия?

— Никакого безобразия, господин городской, — ответил Антон. — С друзьями встретились, болтаем тихо-мирно о своем.

— Да? — не поверил мужчина. — А похоже, что драться собираетесь. Что, оформляться пойдете? Посидите в кутузке пару суток за хулиганство. С занесением в личное дело.

— Так это... — смутился Антон. — Мы же ничего не делали. Сами посмотрите, где драка-то?

— А почему люди жалуются, что ругались здесь? — прищурился городской.

— Ветер, наверное, какая ругань, — улыбнулся черепок. — Сами слышите, как гудит здесь.

— Если ветер... То ладно, — усмехнулся мужчина, — считаю до трех, и чтоб...

Черепки понятливо свалили. Парни с другой стороны тоже испарились. Одни мы втроем остались.

— День добрый, Константин Романович, — с уважением сказал Петр.

— И тебе привет, Петр. Как поживаешь? Опять за старое взялся?

— Да нет... — отмахнулся парень. — Сами приперлись. Спасибо, что помогли.

— Смотри мне, — погрузил городской. — Бабушке своей обещание давал, светлая ей память. Вот и держи обещание. Работа у тебя хорошая есть. Талант поварской. Не занимайся глупостями, Петя.

— Стараюсь, Константин Романович, — вздохнул парень. — Но сами знаете, как оно бывает.

— Так лучше старайся, значит! А то всю жизнь испортишь себе. Сложное, что ли, дело.

Закончив с наставлениями, мужчина бросил острый взгляд на Игорька, явно зная эту личность, на меня поглядел, изучающе, да ушёл. Я облегченно выдохнул.

Безумный, безумный город. Надо было в места потише ехать. Почти год с кочевниками ходил, так они куда скучнее живут.

— Игорек... — протянул недобро Петр. — Тебе голову когда открутить? Сейчас, или дать подышать перед смертью?

— Лучше картошечкой накорми. Без картошечки здесь никак, — не растерялся парень.

— Да, без картошечки здесь никак... Вот приду, пожарю, а тебе не дам. Точнее, дам. Сквородкой по голове. Горячей, чугунной.

— Чего ты злой такой. С кем не бывает? Увлёкся малец...

— Малец? — разозлился Петр. — Да я тебя!

Парень замахнулся, но Игорек увернулся и выскочил из подворотни.

Вот и потренировались. Только время впустую потратили.

* * *

Своё я с парней всё же стряс. В качестве компенсации за потраченные нервы и время. Воспользовался тем, что Игорек себя виноватым чувствовал и мечтал о том, чтобы тому сменить. Вот и расспросил его, что он сам умеет, учился ли в школе какой да как там дела обстоят.

Рассказ вышел... неоднозначным. В отличие от Петра, Игорь оказался тем ещё болтуном, многие детали вывалил. Мне же оставалось уточнять, чтобы составить общую картину.

И первое, что я попытался прояснить, — это культурный вопрос. Как здесь в целом к дракам относятся. Точнее, я уже знал, как именно. На себе не раз проверил. Но мне хотелось докопаться до причин.

— Игорь, а ты давно заниматься начал? В смысле, физическим развитием.

— Так с малых лет, — удивился он вопросу. — Как иначе?

— И что, все этим занимаются?

— Конечно. Откуда ты такой дремучий-то взялся, что не знаешь этого? — окинул он меня скептическим взглядом.

Для человека, который обманул друга с целью занять у него денег... В итоге получил

помощь целителя, так и не сознавшись после... Он выглядел даже самоуверенным.

Петр его пропесочил, но до рукоприкладства так и не дошло. У меня даже впечатление сложилось, что Петя не особо удивлен выходкой Игорька. А как на кухню ушёл да угроза миновала, так залетный наш плечи и расправил.

Сам я продышался, пока обратно шли, успокоился — тело-то опять вразнос пошло. Стоило угрозе миновать, как накрыла реакция. Но это уже, считай, дело привычное. Что касается моего отношения к ситуации, то раздражение тоже быстро ушло. Я просто сделал мысленную пометку, что Игорь — человек ненадежный, способный врать другу, а также подставить. Пусть и не специально, но всё же. Значит, важных дел с ним лучше не вести, дружбу близкую тоже не водить.

А вот использовать и информацию получить от этого болтуна — самое то.

— Не обо мне речь. Так, значит, занятия есть и в школах?

— Школах или школах?

Внутри я поморщился. Как-то местные не придумали ничего лучше, как разделять общественные школы, где люди получали базовое образование и школы боевых искусств, интонацией. Сейчас первое слово «школах» Игорек произнес пренебрежительно, будто оно ничего не значит. А второе — уважительно. Нетрудно догадаться, к чему он относился с большим пиететом.

— В общеобразовательных школах. Там есть какие-то занятия, или тебя куда-то специально отдавали?

— В школах есть физкультура, — пожал Игорек плечами. — Но это считай, что ничего. Если хочешь углубленно заниматься, то это в школу боевых искусств надо идти...

— А методам очистки и технике безопасности в обращении с Маслом не учат?

— Шутишь? — откровенно опешил он от моего вопроса.

Да уж, да уж. В моем мире это было обязательным предметом для всех. Потому что Вдох может случиться с каждым. И даже если в случае Крови это имеет свои риски, то что уж говорить про Масло? Удивительная беспечность местных.

— Какие шутки, — ответил я. — Ты же в курсе, что я в приюте жил. Там вообще ничему не учили. Поэтому и вопросы такие.

На самом деле я уже кое-что знал. В частности, про общие школы. Они тоже между собой отличались. Какие-то общедоступные — туда любая семья ребенка отдать может. Они обычно приписывались к конкретному району. Остальные — разной степени доступности. Были школы для потомственных военных. Дети гвардейцев и армейцев там учились. Были боярские — там уже кто во что горазд. Одни школы для аристократов создавали, а другие — чтобы людей себе на предприятия готовить. Последний тип школ — это гильдейские. Самая известная гильдия — сельского хозяйства. Именно они отвечали за производство пищи. И, видимо, хорошо своё дело делали, раз еда настолько дешёвая.

Об этом я ещё кочевников спрашивал, когда пытался лучше разобраться, что это за мир такой.

— Да я уже видел, как тебя ничему не учили, — хмыкнул Игорек. — Подумаешь, работаешь, как опытный целитель. Слушай, а что за приют? Дай адресок, тоже хочу так ничему не учиться.

— Если хочешь, мог бы в целительскую школу поступить.

— Ой, не, — замахал руками парень, — видел я, как Петр пытался. Ну его.

— А он пытался? — заинтересовался я.

— Да, но таланта не хватило. Как по мне, раз интереса нет, то и таланта не появится.

Вот так легко Игорек выдал личную информацию про своего вроде как друга. Можно списать на то, что он записал меня в «свои», но... Да нет, не получится здесь никак оправдать длинный язык Игорька.

Ещё одна мысленная пометка про него. То, что помог ему не жалею, но теперь стоит исходить из того, что он об этом обязательно всему городу проболтается. Если уж молчун Петр язык за зубами не удержал, пусть и ради благих мотивов, то что уж говорить об этом болтуне?

— А сам ты при какой школе учился?

— При торговой гильдии, — легко ответил парень. — Отец у меня — юрист. А вот мать и её родственники — магазин держат. Зубрить законы мне не хотелось, поэтому туда и пристроили.

— И что, там только физкультура была?

— Так а зачем торговому сословию больше? — удивился парень.

— Но ты этим не ограничился и...

— И пошёл в школу на Красильников. Вместе с Петром и Дарвином ходили. Там и познакомились, собственно, — легко выдал он очередной факт.

— А многие в школы боевых искусств ходят?

— Многие, — покивал парень. — Армию-то никому не избежать. Если только откупиться, но это дорого и мало кто захочет. Позор ведь.

— В армию? — про это я ничего не знал.

— В восемнадцать лет забирают. Два года службы, — пояснил Игорь. — Если планируешь работать на государственной службе, то три.

— О как, — удивился я.

Мне шестнадцать по паспорту. Получается, через два года я столкнусь с этой проблемой.

— Ты, как я понял, в целители метишь, — заметил мою озадаченность Игорь. — У них своя служба. Тоже в армии, но если уметь что-то будешь, а ты уже умеешь, то, считай, как пельмень в масле кататься будешь.

— Пельмени не трогай! — донеслось с кухни.

Слух у Петра отличный. Значит, и остальную часть разговора слышал.

— А обычному люди зачем драться учиться? Точнее, при чем здесь армия? — спросил я.

— Так это... Что ты за мужчина, если драться не умеешь? Это и подготовка, в армии проще будет. И возможность какие-то способности открыть. Если откроешь и освоишь что, то такие перспективы открываются — каждый захочет.

— Что за перспективы?

— В той же армии остаться. Если заметят тебя, то и обучат хорошо. Или к боярам на службу пойти.

— И в каждом случае — воевать?

— Сначала — да. Тот же Борис Дмитриевич отслужил, на пенсию вышел рано. Ресторан на выплаты открыт. Считай, семейное дело появилось. Плохо, что ли? Уважаемый человек, связи есть, дело доходное.

Только здоровья маловато. Да и сколько людей через такой отсев проходят? Единицы.

Но ладно, так хотя бы понятнее стало. Не просто безумие, а обоснованное

экономически.

Возможно, это даже сыграет мне на пользу. Если здесь всё мужское население через армию проходит, имеет боевой опыт, значит, и в военных делах они разбираются куда лучше, чем разбирались в моем мире. Если совместить эти наработки с моими, возможно, в этом заключается мой шанс.

— Так что там со школами? — вернулся я к начальной теме. — Ходит туда много кто, так? И что, у многих талант пробуждается? Как его открывает?

— Ты прямо как младенец, Олег, — с подозрением глянул на меня Игорь. — Как будто совсем ничего не знаешь. При этом чудеса всякие показываешь.

— Какой есть. Просто ты так говоришь, что в школу боевых искусств ходить обязательно для любого, кто мужчиной называться хочет. Вот мне и интересно, что и как.

— Ну, тебе действительно не помешает научиться драться, — сказал Игорь. — В неприятности-то ты влипнуть умеешь, а постоять за себя не очень.

В этот момент я довольно сильно напрягся. Если бы он знал, через что я прошёл... Не как напрягся, так и расслабился. Не этому мальчишке мне что-то доказывать.

— Вот я и думаю насчёт школы, — ответил спокойно. — Туда любой желающий прийти может?

— Туда — это куда? В какую школу? Они ведь разные. Для аристократов, для военных, просто для «своих», — выделил он последнее слово. — Есть популярные школы, там конкурс. Есть менее популярные, там за занятие плати да занимайся.

— А много платить надо?

— Смотря, какая школа. В самых дешевых — рублей десять-двадцать в месяц. В нормальных — от сорока начинается.

— Неплохие деньги, — удивился я.

— Если себя проявить, могут снизить плату. У нашей троицы так и было. Денег-то никто не давал на это, — усмехнулся воспоминаниям Игорь. — Приходилось выкладываться, чтобы оплату снизить.

— Как же вы платили, если денег никто не давал? — поймал я Игоря на несоответствии.

— Давали, — донеслось с кухни. — Просто не так много, как хотелось. А Игорь так вообще своим говорил, что скидку ему не делают, а разницу на девок спускал.

— Тшш... — вжал Игорек голову в плечи. — Каюсь, каюсь, но кто не без греха?

В этот момент моё мнение о нем ещё ниже упало. Зачем врать в мелочах? Сначала в мелочах, потом в крупных делах.

Если бы не моё желание выяснить подробности, прямо бы ему сказал, что он трепло.

— Чему в школах-то учат?

— Драться, — ответил парень и, видя моё недовольство, поспешил уйти от прошлой темы, дав развернутый ответ. — Общие, укрепляющие тренировки. В здоровом теле здоровый дух. Нас медитациям учили. Надо Масло вокруг почувствовать и как бы через кожу вдохнуть.

— А дальше что?

— В смысле? — не понял он.

— Вдохнул, дальше что? Как Масло использовали?

— Так это... — почесал он себе макушку. — Это всё.

— Как всё? — на этот раз уже я не понял.

— В прямом, — пожал Игорек плечами, — кто же детей серьезным техникам учить будет?

— А в чем тогда смысл школ, если вас ничему не учили? — я всё больше запутывался в местных порядках.

— Как это в чем, — удивился Игорь. — Говорю же, нас тренировали, драться учили. Ну и Масло использовать тоже.

— То есть техники всё же были... — мне захотелось его треснуть.

— Да какие техники? — отмахнулся он. — Втягиваешь Масло, удерживаешь, сильнее становишься. Учишься это в драке использовать. Предел свой отодвигаешь, организм закаляешь.

— Погоди, погоди... То есть вы несколько лет учились тупо втягивать в себя Масло, а использовали его как попало?

— Да кто ты вообще такой?! — возмутился парень. — Говоришь так, будто это ерунда какая! Так давай, расскажи тогда, как надо!

А может, и правда рассказать?

— Легко, — ответил я, решив посмотреть его реакцию на некоторые откровения. — Что такое Масло? Это энергия, так?

— Допустим, — нехотя согласился Игорь.

Я сделал Вдох, втянул Масло и сразу же вывел его над ладонью, собрав в маленький шар размером с мандарин.

— Вот это, — кивнул я, — Масло. То есть энергия.

— Ты прикалываешься? Как ты это сделал? Вот как! — он так разволновался, что вскочил со стула.

— Что тут у вас? — вышел с кухни Петр.

— Посмотри! — выставил в мою сторону палец Игорек. — Он Маслом манипулирует так непринужденно, будто так и надо!

— А что в этом такого? — сделал я вид, что не понимаю происходящего.

— Он же целитель... — неуверенно произнес Петр.

— Когда он целителем стать успел? — резонно спросил Игорек. — Сколько тебе лет? — это уже мне. — Шестнадцать? Семнадцать? Тебя в младенчестве учить начали?

Нет, в прошлой жизни.

— А ты так не можешь, что ли? — спросил я, прекрасно зная ответ.

Уже понял, какой тут подход к ученикам. По принципу, кто выживет, в того и будут вкладываться. Людоедская практика. Учат детей делать Вдохи и смотрят, кто лучше адаптируется. Глядишь, и талант какой проявится.

Мракобесы.

— Не могу. Научишь? — как бы невзначай спросил Игорь.

Такого плута, как ты? Очень сомневаюсь.

— Чему тут учить... — проворчал я для вида. — Ты умеешь контролировать, сколько силы втягиваешь?

— Более-менее, — ответил он.

Даже этого не умеет.

— А ты? — покосился я на Петра.

— Немного умею, — неопределенно ответил он.

— А куда-то в тело направлять?

— У меня в ноги выходит, — ответил Игорь.

— Умею, — ответил Петр, когда на него взгляд перевёл, — в оружие тоже могу. У меня это неплохо получается.

— Тогда в чем проблема создать вот такой шар? — указал я на шарик, который продолжал удерживать. — В этом же нет ничего сложного.

— Как ты этому научился? — потребовал ответа Игорь.

— Я такие создавал просто для развлечения, когда делать нечего было, — соврал я, и глазом не моргнув.

— Для развлечения... — неверяще повторил Игорь. — Петя, покажешь ему?

— У меня плов, — ответил тот и ушёл на кухню.

Вопреки словам Игоря, на обед, уже второй за день, Петр пообещал плов приготовить. Картошечку то в виде драников уже ели сегодня.

— Ты совсем Маслом вне тела управлять не можешь? — спросил я у Игоря.

— Никогда не пробовал. Всем ведь известно, что дистанционные техники — это уровень мастера, — ответил он печально.

— Значит, я мастер, — улыбнулся я парню.

— Признайся, что ты тайный принц из заморских земель. Тогда это вернет мою самооценку на место.

— Нет. Я сирота. Родители у меня самые обычные были. Жил в приюте, сбежал оттуда, ходил почти год с кочевниками.

— Тогда среди них ты точно повстречал высшего мастера на пенсии, — мрачно усмехнулся Игорь.

— Ага. Десятками их встречал. Ведь именно такие люди любят пахать на самой черновой работе, спать, где придётся, и путешествовать поездами, украдкой пробираясь в грузовые вагоны.

— Прямо так и было, да? — оживился он. — Но от темы-то не уходи! — забеспокоился сразу же парень. — Сможешь меня так же научить?

— Даже не знаю.

— В смысле? Тебе что, сложно?

— Да тут такое дело...

— Какое?!

Мне показалось, он меня сейчас за грудки схватит.

— Я тебя чуть больше недели знаю, а ты уже два раза соврал, — припечатал я его. — Ладно мне, мы не знакомы с тобой. Но Петр же вроде твой друг. А ты врал, чтобы денег у него выпросить. С чего мне такого балабола учить?

За несколько секунд лицо Игоря претерпело серьезные метаморфозы. Сначала он выглядел как ребенок, который выпрашивает конфетку. Когда я начал говорить и назвал его лжецом, он насупился, брови свёл недоуменно. Словно в его голове не помещался тот факт, что я, который только что нормально с ним общался, так взял и наехал. Когда же про обман друга добавил, он дрогнул. Что тут же сменилось агрессией. Кулаки сжал, зло на меня посмотрел. Только вот, обычно такие вещи говорят из ненависти или обиды. Во мне же ничего такого не было.

Нет, серьезно, обижаться на подростка? При этом собираясь убить бога смерти, который уже пожрал как минимум один мир, убив миллионы, а то и миллиарды людей? Это было настолько несопоставимо, что даже описать сложно.

Вот на это безразличие и спокойствие, Игорек и натолкнулся. Не увидев во мне ни желания задеть, ни агрессии, ни страха в ответ на его воинственный вид.

Сдулся весь, замолчал, обратно на стул сел.

На меня посмотрел. Порывался что-то сказать, но рот как открыл, так и закрыл.

— Что, — вышел из кухни Петр, — приласкали тебя, балабола?

— Да иди ты. Сначала так уверенно заявляет, что Маслом манипулировать проще простого, а потом наезжает.

— Наезжаю? — сделал я вид, что удивился. — Ты так и не понял сути моих слов. Дело не в личной неприязни или моём нежелании. Просто тебя учить — пустая трата времени. Контроль над Маслом на двух вещах стоит. На навыке, для чего надо просто тренироваться, и на внутренней гармонии. А какая у тебя гармония внутри? Ложь на лжи.

— Да какой ты умный, — фыркнул Игорь. — Личная гармония — большей глупости я не слышал.

Вот и проверил реакцию. Что сказать, Игорь пока к дальнейшим откровениям не готов.

Игорь на меня обиделся. Молчал всё время, пока Петр на стол не накрыл. Ел тоже молча.

В принципе, закономерный результат. Не его обида, а реакция в целом. Если вспомнить того же Горыныча, который вроде как считается сильным адептом, при этом был далек от высоких идеалов, то... такие люди противоречат сказанному мною.

Над чем и мне самому надо подумать. Потому что, как бы мне это ни претило, подобные люди ставят под вопрос мои представления о том, как надо. Вдруг Горыныч или ему подобные — куда более сильные адепты, чем были у нас в мире? Да, они работают не с чистой Кровью, а с грязным Маслом. Но как-то же справляются. Этот Гольновский не выглядел больным человеком. Наоборот. Здоровый, крепкий, сильный. Как он смог этого добиться, взаимодействуя только с грязным с Маслом? Хороший вопрос, на который я не знал ответа.

Ответа не знал, но сомнения у меня были. Если подумать, Масло хорошо должно подходить для убийства... других людей. А против нежити, это я точно знаю, наоборот, оно плохо работает. Поэтому как бы не вышло так, что, даже если местные адепты сильнее тех, что были в моем мире, против именно нежити они не спасут.

Если так, то это скорее отдельная проблема, чем преимущество. Заточенные под убийство себе подобных адепты окажутся бесполезны против нежити, зато всячески будут мешаться.

Задумавшись, я пропустил, когда с Игорем очередная метаморфоза случилась. Как-то он умудрился в короткий срок от обиды перейти к новой волне энтузиазма. Причем с таким видом, будто и не было этой неприятной части разговора.

— Олег, а если ты реально шарить, так возьми меня в ученики, — выдал он.

— А? — всё ещё думая о своем, я не сразу понял, что он сказал. — Ученики?

— Да, — сказал парень.

— Это что ещё за новая идея? — удивился Петр.

— Так а что тебя удивляет? — посмотрел на него Игорек. — Уверен, Олег нам и десятой части своих навыков не показал. Разве тебе самому не интересно поучиться?

— Тебе ведь уже сказали... — начал было Петр, но его перебили.

— Ну, эту часть про внутреннюю гармонию мы опустим. — Игорек легко нашёл решение для себя. — Что там про тренировки?

— Если ты забыл, то у нас тут проблема есть поважнее, — напомнил Петр.

Проблемы аппетит ему не портили, это уж точно. На часах двенадцать дня, а едим уже третий раз. И не перекусываем, а основательно едим. Всегда бы так.

— Так я об этом и толкую, — не сдавался Игорь. — Новые трюки нам не помешают.

— Это да, — нехотя согласился Петр.

— Вот я и спрашиваю. Может, ты что более прикладное расскажешь? — посмотрел он на меня.

Ясно с ним всё. Вместо того чтобы воспринять мои слова серьезно, он их обесценил для себя. Решил думать, что я так шучу или подкалываю его.

Но идея-то здравая в целом. Если бы не целый ряд нюансов. Как быстро обучить плохо обученных парней, да так, чтобы они полноценно какие-то трюки освоили, — это из разряда

глупых и наивных мечтаний.

Если уж на то пошло, то нам лучше, раз вместе драться решили, над боевым слаживанием поработать. Только если я им прямо об этом скажу, это совсем уж палевно будет. Надо как-то попроще завернуть.

— Так мы уже собирались потренироваться, — ответил Игорю. — Напомнить, чем это закончилось?

— Игорек снова обосрался, — грубовато сказал Петя, с недовольством покосившись на парня.

— Да ладно вам, чего сразу начинаете. Тебе бы, Петя, тоже девушку не помешало найти.

— Сам как-нибудь разберусь, — насупился парень.

Какое-то время сидели молча. Игорь, видимо, решил дальше Петра не раздражать. Сам же Петр вскоре оттаял и вопрос мне задал.

— Олег, а ты ведь, говоря про внутреннюю гармонию, не пошутил над Игорем, всерьез сказал?

Было бы лучше, спроси он потом это наедине. Без Игорька. Который в моих глазах совсем доверие растерял.

Впрочем, кое-что я ответить могу. Даже особо не боясь засветиться. Много уже показал, поэтому, если под это дело кое-какие секреты выдам, то из образа не выйду.

— Петя, вот скажи мне, — посмотрел я на него, — в какой дом лучше гостей приводить, где порядок или где беспорядок? А на кухне какой лучше готовить? Где порядок или беспорядок?

— Так понятно, какой ответ, — хмыкнул парень.

— Хорошо. А вот представь, что кто-то ресторан открыл, но человек он жадный. Продукты подешевле покупает. Если пропали они, то не выкидывает, а специями посыпает побольше. Всё время смухлевать пытается. Вкусная еда у него будет?

— Может, и вкусная, — вставил Игорь, — если ловкий.

— Ну, — глянул я на него, — с твоими ценностями всё понятно. Обмануть не так уж и зорно, да, Игорь?

Игорь огрызнуться хотел, но снова на мой взгляд напоролся. Разозлился уже на это, задумался о чем-то.

— Я тебя понял, — сказал Петр, — моя бабка то же самое говорила. Порядок должен быть везде. На работе, дома, на кухне, в мыслях — везде. Слово держать надо, людям помогать. Мне про это миллион раз говорили.

— Твоя бабушка сильной целительницей была?

— Одной из сильнейших, — с нотками гордости ответил парень.

Я не удивлен. Петя сейчас простыми словами описал идеалы служения.

— Ну так, — развёл я руками.

Мол, сам мои слова подтверждаешь. Точнее, не сам, а через бабушку, которая авторитет.

— Это всё хорошо, но конкретика есть какая-то? Прием хитрый? — спросил Игорь.

Чес слово, мне его стукнуть захотелось.

— Тебе лишь бы что-нибудь хитрое, — осуждающе сказал Петр.

— Так нет времени на долгие расшаркивания.

— Это да, — согласился Петр и поник.

Есть он закончил и тарелку в сторону отодвинул.

— Прикладное... — сделал я вид, что задумался, — могу вам сказать и прикладное. Не

против, если по тебе пройду, Петя?

— Давай... — неуверенно ответил он.

— Для начала попробуй внутри себя определиться. Ради чего живешь, ради чего драться собираешься. К правде внутренней прислушайтесь. Голос внутренний ведь никогда не обманешь. Вот взять тебя... — указал я на Петра, — очевидно же, что ты между разными желаниями мечешься. Это как картошка и рис в одном блюде. Вроде есть можно, но кто так делает?

— Ну у тебя и сравнения, конечно, — развеселился Игорь.

Понравилось ему, что не по нему проходятся.

— Так и что с этим делать? — спросил Петр вроде спокойно, но видно, что напрягся, кулаки сжал, но спрятал их под столом.

— Говорю же, определиться. Ты либо вообще не дерись, либо реши, ради чего драться будешь. Ради амбиций своих, в угоду злости. Я ведь видел, как ты заводишься, когда к драке дело идет. Упиваешься тем, что побить кого-то можешь.

— Это да, Петя любит других укладывать, — сдал его Игорь.

На его слова я только вздохнул устало и проигнорировал этого... ребенка.

— Твоя бабушка ведь не Масло грязное притягивала, так? — я точно знал, что это так, никогда не видел бабушку Петра. — Что-то куда более чистое. Так, если помыслы чисты, чему удивляться?

Чтобы мои слова не прошли в пустую... Если на Игоре я уже крест поставил, то Петр не выглядел безнадежным... Я создал над ладонью шар Крови, чистый и светящийся.

Два парня синхронно вперед подались.

— У бабушки как-то так же было, — сказал Петя. — Но у неё шестьдесят лет практики за плечами. А у тебя? Каким идеалам ты следуешь, что настолько чист?

— Чист — не чист, — передразнил Игорь. — Для целителя это хорошо, не спорю. Но как в драке поможет?

Хороший вопрос.

— На, Петя, — протянул я парню шар чистой энергии. — Втяни в себя и попробуй эту силу на вкус. Постарайся ощутить различия.

С некоторым сомнением Петр сделал, что просили. Кровь легко внутрь него скользнула. Лицо парня разгладилось. Он глаза прикрыл и замер так.

— Ты его усыпил, что ли? — спросил Игорь, у которого «приемник» никогда не замолкал, кажется.

— Помолчи, — сказал ему. — Молчание — золото. Слышал?

— За треп тоже платят, — подмигнул он мне.

Петр глаза открыл, кулак выставил, тот засветился немного. По взгляду его понял, что он оценил и то, что управлять Кровью куда легче, и организм она не травмирует. При этом также усиливает и защищает.

Вот пусть и думает теперь. Размышляет.

— Вы там потренироваться хотели, — напомнил я. — Если с разговорами закончили, то в этом по-прежнему есть смысл.

— Да, было бы неплохо, — согласился Петя, задумчиво смотря на меня.

На этот раз заниматься пошши во двор, где Петр жил. Далеко уходить не стали.

Про саму тренировку и сказать нечего. Я ожидал большего. Как-то забыл, что, если кто-то умеет драться, это вовсе не означает, что он способен этому учить.

Тренеры из Петра с Игорем были откровенно ужасные. Да и сами они бойцы так себе. На улице кулаками махать — хватало. Но я-то привык другими категориями мыслить. Чтобы оценить чьи-то способности и в условиях ограниченного времени чему-то полезному научить — это надо и талант иметь, и опыт приличный. Чего у парней не было.

Поэтому вся «тренировка» свелась к тому, что потолкались, кулаками помахали, подвигались. В принципе, уже хорошо. Мне надо было учиться своё тело чувствовать, грамотно двигаться. Так я хотя бы со своей неуклюжестью лучше познакомился.

Может, и правда в школу записаться какую? Так и сделаю, если выживу, не стану калекой и устроюсь в лечебницу. Сразу, как на новом месте обживусь, займусь вопросом.

Через пару часов тренировки Игорь сказал, что у него дела, и свалил. Мы же с Петром и дом вернулись. Тема, что я сваливаю, как-то притихла.

Напрягать парня и дальше мне не хотелось, поэтому решил для себя, что завтра официанток поспрашиваю на тему общаги. Они точно знают, где устроиться можно.

Игорь вернулся часа через три, уже под самый вечер. Ему Петр дверь открыл.

— Наш учитель дома? Не сбежал? — донеслось из коридора.

— Здесь он.

— Я с подарками! — крикнул парень. — Олежа, дуй сюда, мерить будем!

Что за подарки ещё? Я бы от меча не отказался, но что-то сомневаюсь, что речь о нем идет.

Заинтригованный и озадаченный, я вышел к ним. Игорь как раз разуться успел. Петр же держал в руках... подарки.

Да уж, да уж.

— Примерь! — радостно потребовал Игорек.

— Это что?

— Пальто.

— Да я вижу, что пальто.

— Ты меня на ноги поставил. А у моих магазин одежды, говорил же. Я им рассказал, что одного человека отблагодарить надо, они мне и помогли подобрать. Ходишь как оборванец, не дело этого. Ты уважаемый целитель, соответствовать надо.

Я посмотрел на пальто, на Петра, на пакеты в его руках, на Игоря и... подумал, что нет смысла спорить, парень абсолютно прав. Хочешь, чтобы к тебе нормально относились, озаботься хотя бы приличной одеждой.

Только вот пусть я в одежде особо и не разбираюсь, но прекрасно вижу — то, что он принес, рублей двести стоит, а то и триста. Так ведь ещё и в пакетах что-то есть. А значит, цена и до всех пяти сотен дойти может.

Это что-то Игорек быстро извлек на свет. Брюки, рубашка и кепка. Рубашка — белая, а остальное — серого оттенка, подобранные в одном стиле.

— Давай-давай, — насел на меня Игорек. — Раздевайся, — это он уже мстительно добавил.

Пришлось изображать из себя куклу и влезать в одежду. Что сказать, глаз у него меткий, размеры идеально подошли. Мне одежда тоже понравилась. Сразу другим человеком выглядеть стал.

— Прямо как студент, — довольно заявил Игорь.

— Это же рублей четыреста стоит, а то и пятьсот, — заметил я.

— А лечение мне встало бы под тысячу, — возразил он. — К тому же мне, как члену семьи, это куда дешевле обошлось. Ещё и в долг дали. Так что не парься, по миру не пойду. Трудом отработаю. Всё по чести, — откровенно заявил он. — Только это, тебе теперь никак нельзя Лютому проиграть. А то жалко обновки-то будет.

— Это да, — согласился с ним Петр. — Теперь приличным человеком выглядишь.

Мои возражения, что это слишком дорогой подарок, никто слушать не стал.

Может, и зря. Отказываться-то я не стал. Мне и правда хорошая одежда не помешает. А вот то, что Игорь в долг у родных, пусть и товаром, а не деньгами взял, откровенно напрягло. Вовсе не из-за того, что сам парень в долги влез. Точнее, из-за этого. По причине того, что я сомневался — рассчитается ли он. Если отдаст, то никаких вопросов. А если нет, получается, это не он подарок сделал, а его родные. Я их не знаю, но в любом случае напрягать чью-то семью не хотелось.

Тем более выглядело это так, будто Игорек готов делать широкие жесты, совсем не думая о том, что будет завтра. Одним днем парень живет.

* * *

На следующее утро, когда вышли на работу, увидели по пути черепков. Они издевательски помахали нам, но подходить не стали. Пошли следом.

— Присматривают, чтобы не сбежал, — пояснил Петр. — Ты под колпаком. Вчера надо было уходить.

— Не переживай ты так. Разберусь, — ответил я спокойно.

— Не разберешься, а разберемся, — поправил он меня.

На работе утро началось как обычно. Я выкроил минуту, поспрашивал девчонок на тему общепития. Мне обрисовали картину, куда податься и сколько это будет стоить. В принципе, потяну худо-бедно. Только вот добираться до ресторана станет не так удобно.

А вот вторая часть дня прошла совсем не так, как я ожидал. Борис Дмитриевич подозвал к себе на кухню.

— Иди сюда, Олег. Здесь пока работы для тебя нет, зато надо кое-что другое сделать. Берешь вот это, — указал он на подготовленную еду «на вынос». — Дуешь в Васильки, напрямик к Аристарху Павловичу. Это для него обед. Человек он занятой, но покушать любит вкусно, мы ему иногда доставляем.

О том, что доставляют не только ему, я был в курсе. В ресторане двое мальчишек подрабатывали. На кухне они показывались мельком. Приходили через черный вход, забирали подготовленную еду да убегали, получая за доставку свою копейку.

Почему отправить решили меня, а не их — показалось подозрительным. Тем более к целителю надо идти. А я что, не против. Взял и пошёл. Ещё и переоделся быстро, так-то в майке работал, на кухне жарко и запачкаться проще простого, а сейчас рубаху подаренную надел. Штаны и ботинки с рынка были, но ничего страшного. Брюки ещё свежие. Пальто тоже при мне — не удержался и сегодня в нем отправился на работу.

Дорогу я знал, добрался быстро и без происшествий. Черепков или других

надсмотрщиков не заметил.

Это хорошо. Значит, они не так плотно за мной следят.

Зашёл в лечебницу, там в регистратуре спросил, куда еду нести, у меня спросили фамилию, глянули паспорт и отправили в нужном направлении. А без паспорта бы не пустили? Всё возможно. Повезло мне с ним. Аристарха Павловича встретил по пути. Он рассекал просторы своей лечебницы в белом медицинском халате.

— Олег? — узнал он меня и остановился.

— Я к вам с доставкой, Аристарх Павлович.

— Это ты вовремя, Олег, вовремя... — сказал он задумчиво. — Демьян! — позвал мужчину кого-то за моей спиной. — Отнеси доставку в мой кабинет, сделай одолжение старику.

— Как можно, Аристарх Павлович, — появился молодой парень в поле моего зрения. — Вам ещё до старика много-много лет.

— Если бы, — улыбнулся мужчина.

Коробки у меня забрали и унесли в сторону кабинета.

— Идем за мной, — сказал целитель.

Замечу, что по лечебнице я шатался, сдав пальто, накинув белый халат и надев бахилы. Порядок — это всегда хорошо. Особенно в таком месте.

Я всякого ожидал, но не того, что меня проведут в палату, где лежало человек двадцать больных. Кабинет мужчины находился на пятом, последнем, этаже. Мы же спустились обратно, на первый. Там прошли в дальнее крыло не такого уж маленького корпуса, где и заглянули в нужную дверь. Приглядевшись, понял, что это шпана. У одного даже футболка с черепом виднелась. Все здесь черепки или нет, я так сходу определить не смог.

— Доставили их полчаса назад, — пояснил Аристарх Павлович. — После уличной драки, как можно догадаться. Скажи, как бы ты ими занялся?

— Занялся, как кто? — уточнил я на всякий случай.

— Целитель, — с некоторой долей иронии улыбнулся мужчина.

Очень хорошо. Раз привёл меня сюда, значит, я его всё же заинтересовал. Сам факт того, что меня сюда направили, указывал на это, но сейчас я получил подтверждение. Нужно собраться и проявить себя с лучшей стороны.

— Исходя из того, что никто их не осматривал, сортировку по срочности не проводил, конкретного приказа от старшего врача или целителя не поступало, и мне надо работать с нуля, опираясь только на себя?

Аристарх Павлович поощрительно кивнул.

В этот момент я отчетливо понял, что у меня есть два пути. Показать немного, никак не выделиться и плыть по течению. Второй вариант — показать максимум, засветить свои способности и знания перед Аристархом Павловичем и незнакомым парнями, среди которых черепки, взявшие на меня заказ. К чему это приведет, к каким проблемам, я спрогнозировать так сразу не мог.

Но это, определенно, был шанс, который упускать никак нельзя. А риск... В моей ситуации он неизбежен. Мне ещё не раз придётся рисковать, идя по краю, чтобы добиться своей главной цели.

— Тогда... — набрал я побольше воздуха в грудь и заговорил, четко выговаривая слова, — я бы ориентировался на внешние признаки. Не знаю, сколько точно прошло времени с момента, как они получили отравление, но у некоторых, — обвёл я взглядом

лежащих на койках парней, — помимо физических повреждений, которые они, скорее всего, получили в ходе драки, признаки поражения внутренних органов уже проявились.

— Кто из них, по-твоему, в самом плохом состоянии? — спросил Аристарх.

— Если судить по внешним признакам, то вон тот парень, — указал я как раз на того черепка, с характерной футболкой. — Взгляд мутный, он плохо понимает, где находится. Дыхание тяжелое, затруднено. На коже видны трупные пятна. Покрылся испариной. Ставлю на то, что там проблемы с легкими из-за отравления Маслом. Возможно, ещё что-то.

Аристарх Павлович подошёл к парню, приложил ладонь к его груди и... дыхание черепка выровнялось, он перестал тяжело дышать, успокоился, расслабился и уснул.

Вот оно, мастерство. Я тоже так смогу через годик, если обеспечу нормальные условия для развития.

— Ты прав, — кивнул мне целитель, — этот был самый тяжелый. Кто-то из вас, — обратился он к пострадавшим. — Хочет получить лечение от внештатного ученика, под моим присмотром, вне очереди?

Разом лес рук поднялся.

— Выбирай любого.

А ты, Аристарх Павлович, не мелочишься. Прижал меня так прижал.

Бравировать я не стал. Выбрал средний по сложности вариант. Чтобы и себя показать, и не надорваться, и не обосраться. Я всё же не полноценный целитель сейчас. К тому же сделать надо быстро, а не как с Игорьком, когда время и подумать было, и диагностику полноценную провести. Сомневаюсь, что Аристарх Павлович меня час ждать будет.

— А мы? — спросил один из парней, когда я его соседа выбрал.

— До всех очередь дойдет, — ответил Аристарх Павлович. — Олег, общей чистки будет достаточно.

— Как скажете.

Это хорошо, что одна лишь чистка. Исцеление, заживление ран — а парень выглядел побитым, с фингалами и потеками крови на теле, всё это куда сложнее для меня сейчас.

Ничего нового я не увидел. Уже хорошо знакомая картина. Кто-то перенапрягся, Вдыхая грязное Масло. Предел у парня неплохой был, никакого серьезного отравления не началось. Я убрал лишнее, Аристарх Павлович молча указал скидывать грязь в утку, которую сам же рядом со мной и поставил. Откуда он её достал, я пропустил — сосредоточился на пациенте.

Минут за семь управился. Мог бы и быстрее, но спешить тоже нельзя. Сверх меры, имею в виду. Поэтому поработал я с ним основательно. Заметил и старые залежи, но трогать их не стал. Это уже совсем другой уровень. Надо всё же придержать некоторые козыри.

Как закончил, целитель сам подошёл и проверил парня. Удовлетворённо кивнул. Ещё что-то с ним сделал, общие раны исцеляя.

— Остальное само пройдет, — сказал он пострадавшему. — Молодые люди, вами скоро займутся, как штатный целитель освободится. А ты, Олег, иди за мной. Поговорим.

Я вздохнул и поплёлся за ним. Доставил обед, ага, как же. Сейчас крутить меня будут.

К сожалению или к счастью, в прошлой жизни у меня не было опыта плетения интриг и решения сложных, так сказать, социальных вопросов. Когда на улице оказался — занимался всяким разным, но много добрых людей на тот момент ещё оставалось. Если сравнивать с жизнью кочевников, то это небо и земля. Не такие уж тяжелые вызовы тогда передо мной стояли. Когда в целители пошёл, там тоже никаких сложностей не было. В прислужники брали всех желающих. Тем более времена смутные уже начались, целительская помощь много кому была нужна. Дополнительная, пусть и детская, пара рук лишней не оказалась. С обучением тоже никаких проблем — в рамках своего ранга ты получал всё необходимое. Главное, интерес и старательность проявляй. Когда в армию попал, там общее дело делали. Многие кого-то из близких потеряли. Видели ужасы, которые нежить творила. Какие там интриги? Нет, конфликты в коллективе были, но... Всё же люди моего мира из другого теста были слеплены.

Здесь же я сначала наблюдал, как за счёт Олега самоутверждались несколько лет. Потом сбежал и к кочевникам подался — насмотрелся, как за их счёт, да и за счёт их здоровья зачастую, другие люди нажиться и проблемы свои порешать хотели. Сейчас вот в столицу прибыл и столкнулся с такими страстями, что диву давался. То безумные аристократы, то шпана, которая себя гробит.

Аристарх Павлович тоже тот ещё фрукт.

Приходилось напрягать мозги, чтобы просчитать его, выбрать оптимальный следующий шаг. При этом я по-прежнему не знал многих социальных нюансов, которые бы помогли избежать беды.

Сначала целитель мне говорил, что нет, в лечебницу никак взять нельзя. Теперь выдергивает через Бориса Дмитриевича и приводит к пациентам, чтобы получить ещё одно подтверждение того, что я что-то могу.

Зачем, если меня не собираются брать? А если собираются, то как же все те слова, что нет, без образования и рекомендаций никак нельзя? Или собираются, но как-то неофициально? Не самая глупая версия, учитывая, что я уже в курсе про то, какой здесь превышающий предложение спрос на чистку организма от Масла.

В общем, пока шёл за мужчиной, мне было о чем подумать. Жаль, времени почти не дали.

Аристарх Павлович провёл меня в свой кабинет. Тот у него просторным оказался, из нескольких комнат. В первой, проходной, миловидная девушка сидела, а второе помещение, побольше, было рабочим местом целителя. Куда мы и зашли.

— Что же, голубчик, — уселся мужчина в кресло и уставился на меня задумчиво. — Рассказывайте.

Его снисходительный тон мне не понравился. Но я одернул себя, уже в который раз напомнив, что он сейчас видит шуплого подростка, а не равного коллегу.

— Что рассказывать, Аристарх Павлович? — постарался я сделать лицо невинным.

— Для начала расскажите... — покосился он на коробки с едой, которые, пока нас не было, успели запах распространить, — про в взаимосвязь поражения внутренних органов и внешних признаков. Как, не диагностируя пациента, определить, что у него не так.

Я отметил, что он обращается ко мне подчеркнуто на вы. Прохладно, я бы сказал. Тоже

что-то значит?

Касаемо вопроса, он не самый страшный. Я уже продемонстрировал, что кое-что в этом понимаю. Сейчас целитель хочет оценить, насколько далеко простираются эти знания.

Прокашлявшись, я начал отвечать.

Аристарх Павлович слушал молча, никак не перебивая. А я... А что я. Рассказал ему основные признаки, которые, в теории, я мог изучить где-то самостоятельно.

— К сожалению, мне не хватает более обширных знаний, да и наработанной практики, чтобы диагностировать точно, — закончил я свою речь.

— Думаете, практика поможет? — спросил он.

Думаю? Точно знаю.

— Предположу... — запнулся я, подбирая слова, чтобы лишнего не ляпнуть, — что по тому же оттенку глаз или кожи можно определить... Да считай, что всё. Степень загрязнения, его продолжительность, пострадали ли внутренние органы и... — я снова запнулся, не уверенный, что это стоит озвучивать. — Какой именно разновидностью Масла был поражен человек.

— А это имеет значение? — снова без эмоций спросил он.

Так что у меня стало закрадывалось подозрение, что чушь несусь.

— В случае легкого заражения — нет.

— А в случае тяжелого?

Вот же черт хитрый. Так он меня своими вопросами быстро раскрутит.

— А в случае тяжелого, допускаю, это будет иметь значение.

— Только допускаете?

Нет, точно знаю. Могу даже на практике показать.

— Я замечал, что моя сила по-разному реагирует на разные типы чужого Масла.

Ну, вот и всё. Сейчас он задаст очередной вопрос и окончательно загонит меня в тупик.

Дело в том, что целители трансформировали Кровь под определенные задачи. Для чего, во-первых, надо знать об этих трансформациях, а во-вторых, уметь их делать. К примеру, с энергией с плана огня проще работать охлажденной Кровью, с противовоспалительным эффектом.

Но откуда я это могу знать? Да и знает ли сам целитель? Вдруг он про типы трансформации не знает?

Прошла где-то минута. Аристарх Павлович молчал. На этот раз реакция тела ждать себя не заставила. Вся моя спина взмокла. Так, что пошевелиться неприятно — мокрая рубашка сразу натягивалась. Так я и стоял, замерев и размеренно дыша, чтобы не выдавать беспокойства.

— В целом, придаться не к чему, — вынес мне оценку целитель. — Но откуда у вас, Олег, такие познания?

Как же это неприятно, когда в животе что-то ухает вниз и делает кульбит. При этом я точно осознавал — это не совсем мои реакции. Сам же я умудрялся сохранять ясность мысли, обдумывая линию поведения и подмечая те скупые реакции мужчины, которые он выдавал.

Теперь начиналась самая сложная часть разговора. Опытные целители — это ведь не про одно лишь исцеление больных. Это ещё и про усиление себя. Улучшить зрение, чтобы в деталях мельчайшие подробности замечать. Улучшить нюх — запах тоже многое рассказать

способен. Улучшить... Ближайший термин, который я смог найти в этом языке — эхолокация. Только вместо звука — колебания Крови. На моем языке эта способность называлась «единение» и «чувствование». Когда направляешь в пациента собственную Кровь и ловишь отклик, по малейшим колебаниям понимая, что там у него внутри.

Здесь и сейчас это означало, что Аристарх Павлович должен читать меня как открытую книгу. Хорошо, что этот момент я продумал и подготовился.

Заранее настроившись, я в мыслях переключился между своими жизнями и, замешивая воспоминания этой с воспоминаниями прошлой, принялся отвечать.

— Как вы знаете, я сирота. В приюте совсем невыносимо было, поэтому — сбежал. Случайно попал к кочевникам. Там разный народ встречался, не все из них пропащие. Так и получилось, что... — я замялся, отыгрывая роль, — вы, наверное, в курсе, что кочевникам приходится с самой черной работой сталкиваться. А там всякого нахвататься можно. Так я в себе дар и обнаружил. И себе помочь хотел, и стариков, которые меня под крыло взяли, лечить приходилось. А то как на скотобойню какую-нибудь зайдем, хоть помирай, — выдал я часть правды этого мира. — Потом мне на пути человек повстречался. Старый... Говорил, что врачом и целителем работал, но дар утратил. Всякое мне рассказывал. Не сильно много, всё же кочевники на месте не сидят. Дальше я сам пробовал, кое-что получалось, — закончил мысль.

Повисла тишина. Мужчина сидел подобно статуе. Только глаза и двигались, меня изучая.

— Дар пробудился, советом помогли, сам пробовал, — подытожил Аристарх Павлович. — Либо ты, Олег, — перешёл он резко на ты, — нагло мне врешь, либо настоящий гений.

Сказал он это добродушно, и я выдохнул, изображая смущение. Кажется, легенда сработала. Тем более, считай, так оно и было. Просто в другой жизни. И люди помогали советом, и мудрецов всяких слушал, и сам до многого дошёл. Война — это ведь такая штука, там ты либо учишься быстро, либо умираешь. Сам умираешь и других спасти не успеваешь.

— В ученики возьмете? — прямо спросил я.

— Это подумать надо, — не дал он прямого ответа. — Через три недели решим. Завтра тоже еду приноси. А пока — свободен.

Попрощавшись, я вышел из кабинета. Минуты через две, когда за территорию лечебницы вышел, накрыло с двойной силой. Ладони вспотели, воздуха перестало хватать. На лавку ближайшую присел да отдышался. Дал мозгам и сердцу охладиться. Произошедшее в голове прокрутил. Пожалуй, что хорошо прошло. Этот дядька явно ко мне присматривается. Надо бы узнать у Петра, какие порядки в больнице, какая иерархия, что за экзамены. А главное — что нужно знать, чтобы себя показать с хорошей стороны

С одной стороны, хорошо, что план ускорился. С другой — собери я больше информации о том, как жизнь целителей устроена, что они могут, а что нет — сегодня бы куда лучше разговор провёл. Но, может, и к лучшему оно. Все мои волнения должны вписываться в образ юнца. Глядишь, Аристарх Павлович лишнего не подумает.

С этими мыслями обратно в ресторан и отправился.

Демьян после рабочего дня подкараулил Тамару и решил составить ей пару по пути до метро. Та и рада была. Завязался разговор и юноше даже усилий не пришлось прикладывать, чтобы узнать свежие сплетни.

— Представляешь, сегодня кто-то новенький к нам приходил, — щебетала девушка. — Его Аристарх Павлович лично привечал! Ты должен был видеть этого парня, он из ресторана еду принес. Помнишь?

— Молодой такой, — покивал Демьян.

— Молодой да талантливый! Я потом спросила, представляешь, он очистку провёл! На тех бандитах, которых сегодня полную палату привезли!

— Прямо так и очистку? — не поверил Демьян.

— Да точно тебе говорю! — уверенно заявила девушка. — Его потом Аристарх Павлович лично опрашивал. В медицине этот парень кое-что понимает. А знаешь, что самое интересное? — перешла девушка на шёпот, когда они к спуску в метро подошли. — Он сирота! Кочевник! Только представь себе, считай, на улице всему учился! Как такое возможно?

— Не представляю, — честно ответил Демьян.

Странного парня он и сам заметил. Потом выяснил, что тот и правда очищение провёл. Так что сейчас Тамара в этом вопросе ничего нового не сказала, лишь подтвердила слух.

Новость про то, что парень учился где-то на улицах, развеселила Демьяна. Он даже выдохнул, перестав опасаться конкурента. Что за глупость? Медицину на улицах не выучить, так не бывает. Но следующие слова Тамары заставили его снова напрячься.

— Аристарх Павлович попросил меня подготовить список литературы для младшего целителя. Ещё и пару книг взять из нашей библиотеки. Чтобы завтра вручить этому парню.

— Он опять придёт? — спросил Демьян.

— Да, Аристарх Павлович уже распорядился, чтобы я насчёт ежедневных обедов договорилась с Борисом Дмитриевич. Как бы так не вышло, что этого паренька в личные ученики возьмут... — стрельнула девушка глазками в потенциального жениха. — Очень уж Аристарх Павлович был доволен...

На самом деле девушка никакого довольства не заметила. Быстро отобедав, целитель ушёл к пациентам. Но Тамаре хотелось посмотреть реакцию Демьяна, который и сам метил в личные ученики, вот и придумала.

— Личный ученик с улицы, — сказал он удивленно-презрительно. — Наша больница этого не переживет! Целительство — дело благородное!

Тамара на это только посмеялась.

* * *

Борис Дмитриевич хмуро посмотрел на Петра, который выложил ему историю, в которую они влипли.

— Озадачил ты меня, Петр. Заказ — это серьезно у черепков. Знаешь их правила?

— Если заказ не выполнили, платят неустойку, — мрачно смотря в пол, ответил Петр. — Цена вопроса двадцать тысяч рублей.

— За эти деньги новый ресторан можно открыть. Откуда у Дарвина такая сумма, чтобы

выплатить её, если к ним пойдешь?

— Он офицер черепков, — ответил неуверенно Петя.

— Да хоть капитан. Сумма слишком серьезная. Либо он замазался по полной и самой черной работы не гнушается, либо я даже не знаю, — осуждающе покачал головой Борис Дмитриевич. — Так... — он протянул руку и взял трубку телефона, набрал номер и стал дожидаться ответа. — Катенька... — сказал он в трубку, — Валеру позови. Борис спрашивает. — Мужчина замолчал, дожидаясь ответа. — Привет-привет, как здоровье, Валер? Да я это, я. Сам нормально. Людей кормлю на пенсии. Тут оказия вышла. Твой заказ взяли на моего сотрудника. В связи с недавним событием. Ты должен знать о нем. Да-да, совсем молодые с ума посходили. Чего хочу? Так понятно чего. Паренек-то хороший, по всем понятиям молодец. Гостей спас, представляешь? Да, сам посудомойщиком у меня работает. Но голова у него на плечах есть, в целители метит. Аристарх Павлович его присмотрел, а старика сложно удивить. Не шучу, талант у себя пригрел. Нельзя его в обиду давать. Может, придумаем, что сделать? Подумаешь? Хорошо, Валера, ты подумай обязательно. Буду признателен.

Положив трубку, Борис Дмитриевич уставился на Петра.

— Что там? — спросил тот с надеждой, хоть и видел, что лицо у мужчины отнюдь не радостное.

— Послали меня завуалировано. Обещали посмотреть, но понятно — ничего смотреть не будут. Черепки... — сказал он с презрением. — Давно князю на них управу пора найти, дак кто же этим заниматься будет, когда там такие деньги крутятся?

— Значит, помощи не ждать? — спросил Петр.

— А какой помощи ты хочешь? Я подумаю, конечно. Можно спрятать его, жильё уж найду. Только они его всё равно достанут, ты это должен понимать, Петя. К тому же Аристарх Павлович и правда глаз на парня положил. Не просто так я его отправил еду доставить. Думаю, ещё несколько раз вызовет. А раз так, значит, ему на улице появляться надо, а эти черепки хуже тараканов.

— Ладно, дядь Борь, простите, что проблемы свои взвалил.

— Ты пока не отчаивайся, — сказал строго мужчина. — Я подумаю, что сделать можно.

* * *

Оставшийся день пролетел как обычно, чему я порадовался.

В своих планах я не учёл, что насчёт общаги надо идти договариваться пораньше, а не в десять, как заканчиваем. После встречи с целителем вылетело из головы. К Борису Дмитриевичу тоже как-то неудобно подходить было. Он мне и так денег дал, чтобы приделся, а я, получается, ему это даже не возьму, свалив через три недели. Ещё и отпрашиваться... Нет, придётся, куда деваться-то, но, видимо, уже завтра.

Петр ещё подходил, сказал, что вместе домой пойдём, и чтобы я не чудил.

Чудил... Сегодняшняя встреча с Аристархов Павловичем заставила почувствовать особо сильное недовольство, что цель настолько рядом, а у меня её пытаются отобрать.

Время, время, время. Всё упиралось в него.

Если бежать — потерять ещё год минимум. Потенциал развития тоже упустить. В

столице всяко проще повернуть задуманное. Если же не бежать, то... То, походу, у меня и не остаётся вариантов. Что делать с черепками — я не представляю.

Шли мы на этот раз не вдвоем. Игорек тоже к десяти подошёл. Втроем и дотопали.

Это было забавно, если забыть про серьёзность ситуации. Двое молодых парней охраняют меня, того, кто убивал королей мертвых и бросил вызов богу. Но таковы реалии. То были заслуги прошлой жизни, а сейчас я начал даже не с нуля, а с отрицательных значений.

Черепков тоже встретили. Точнее, они нас. Не подходили, молча проводили до дома. Как шакалы добычу ведут. Ждут своего часа.

Дома состоялось короткое совещание. Петр поделился тем, что Борис Дмитриевич помочь не сможет.

— Он кому-то знакомому из черепков звонил, — пояснил парень. — Сказал, что его вежливо послали. Да и, зная черепков, эти ублюдки от своего не откажутся.

— Тогда переходим к подкупу других группировок? — спросил Игорь.

— А что Аристарх Павлович? — покосился на меня Петр. — Как ваша встреча прошла? Может, он поможет?

— Присматривается ко мне, — пожал я плечами. — Не знаю.

— К нему лучше за помощью не обращаться, — задумался парень. — Он не любит проблемы, особенно драки, и все эти разборки считает глупостью.

— Но Олег-то не виноват, — заметил Игорь.

— Не виноват. Но между тем, чтобы взять талантливую парня в ученики и продинамить проблемного сироту, не такая уж большая разница.

— И то верно, — нехотя согласился Игорек.

— Как-то вы слишком лично мои проблемы восприняли, — сказал я.

— Твои? — хмыкнул Игорь. — Ты целитель не по годам крутой, но не говори о том, чего не понимаешь.

— Так, может, просветишь?

— Если Петр захочет, расскажет.

— Здесь конфликт не только с тобой, — сказал он. — Но и со мной. Ты лишь повод.

— Ну, если ты так говоришь... — не удержался я от иронии. — То иди к черепкам, а через пару месяцев вынесем этого Лютого и уйдешь от них.

Оба парня замерли. Игорек так и вовсе поцокал.

— Вот, опять, — сказал он мне. — Глупость сморозил. Черепков бывших не бывает. На перо нашего Петра посадят, — парень провёл себя большим парнем по горлу. — Если кинет их.

— Тогда да, не вариант, — вздохнул я, подумав, что никто иронию не уловил. — Так что за личная история? Или она настолько личная, что не подлежит разглашению?

— Я в ней ничего такого не вижу, — ответил Игорь. — Это Петр и Дарвин всё слишком серьёзно воспринимают.

Я посмотрел на Петра. Тот поиграл желваками, но таить не стал и рассказал.

— Ты уже в курсе, что мы раньше дрались. Втроем и дрались. А потом одно за другим случилось. Мои родители на войне погибли. Они целителями полевыми были. Бабка слегла после этого, с работы ушла. Я ещё злой был, драться ходил, пар спускал. Ну и допрыгался. Сам догадайся, чем это кончилось. Словил серьёзное отравление, думал, всё, сдохну. Но бабка вытацила. Из-за чего ей ещё хуже стало. Здоровья уже не хватало, так я волнений добавил. Закончилось это тем, что она с меня требовала обещание, чтобы больше не дрался.

Я и сам не особо хотел уже. Прочувствовал, какво это, дыхание смерти ощущать, когда тело гниет. А дальше...

— Да говори уж, — махнул рукой Игорек. — Было и было.

— Драться я закончил после серьезной битвы, где нас всех троих отметили в очередной раз. Игорь с Дарвином не успокоились и заканчивать не собирались...

— И снова влипли в неприятности? — посмотрел я на Игоря.

— Да, Дарвина переклинило, и он мести возжелал, — ответил парень. — После чего нас отметили ещё сильнее.

— Если бы я рядом был, может, и не вышло бы так плохо.

— Может, если бы, — передразнил Игорь, — ты заранее сказал, что не придешь. А то, что Дарвин — идиот, — это его личная проблема. Ну и моя. Тоже идиотом самоуверенным был. — самокритично заметил Игорь. — В общем, закончилось всё тем, что Дарвин присмерти оказался. А деньги ещё на прошлое лечение потрачены были. Петр тоже ничем помочь не мог. Его бабушке тогда плохо было, короче, не до нас, придурков. Пришлось Дарвину в долги залезть. Так и попал к черепкам. Вляпался в их дела по самую макушку.

— И винит он в этом меня, — закончил мысль Петр. — Отчасти по делу.

— А отчасти — потому что мозги у него набекрень, — покивал Игорь. — Поэтому не думай, Олежа, что это только тебя касается. Дарвин по-своему поквитаться с Петром хочет. В идеале — подчинить его. Заставить вернуться на улицы.

— Тогда это будет означать, что он прав, что Петр и правда предал, — продолжил я мысль.

— Ну... пожалуй, — задумался Игорь, — слушай, а ведь точно! Раз ты ради какого-то левого пацана на улицы вернешься, да ещё к черепкам пойдешь, то получается, не друг ты Дарвину!

Игорь удивлённо на Петра уставился, озадаченный тем, что план настолько хитер.

— А если не пойду, — продолжил Петр, — то тоже предатель. Пацана приютил, подружился и кинул. Не захотел сам за него подставляться. Как ни крути, а быть мне предателем.

— Что-то я об этом не подумал... — завис Игорь, заново осмысливая конфликт.

Какие страсти-то здесь кипят.

— Вот и получается, что если бы ты со мной не общался, — сказал Петр, — скорее всего, черепки не стали бы связываться с этим Иваном. Они не совсем отбитые, чтобы заказ у настолько проблемного клиента брать.

— Но вмешалось личное, и Дарвин согласился, — закончил мысль Игорь.

— Видимо, вам, ребятки, совсем по жизни нечем заняться, если вы такой хренью страдаете, — не удержался я.

Игорь удивленно брови вскинул, не ожидая такой подачи. Петр тоже озадаченно посмотрел.

— Давайте спать, — глянул я на часы, — всё равно на ночь глядя ничего не решим, так выспимся хотя бы. Завтра ещё подумаем.

От разговора мне как-то легче стало. Не одному с проблемой разбираться придётся. Всё веселее.

Днем я надеялся, что Игорь у себя останется, но нет. Разместился на полу, мне же диван отошёл.

Но надеялся я по другой причине.

В идеале мне надо было провести десяток-другой полноценных тренировок, чтобы хорошо изучить доступные возможности. Кое-что я делать начал прямо сразу, как из приюта сбежал. Но это так, мелочь. Без Источника мои возможности были совсем урезаны. А открыл я его как раз перед тем, как податься в столицу.

Да и, по правде говоря, в то время я совсем иначе смотрел на свой путь развития. Исходя из того, что мне придётся сражаться против нежити. Для чего сначала стать целителем, спокойно развить всё необходимое, перестроить тело. Проще говоря, я собирался вырастить из себя воина-мечника с трансформированным организмом, который будет использовать чистейшую Кровь.

Но сейчас передо мной встала совсем другая задача. О которой в прошлой жизни я и подумать не мог.

Сражаться с подростками. Надо же.

Думаю об этом, и кажется, что это не другая жизнь, а чрево бога смерти, где он изошренно надо мной издевается. Подарил надежду, поставил в дурацкие условия и смотрит, как я тут барахтаюсь.

Ладно, думать об этом — гарантированно заработать себе безумие. Пока буду исходить из того, что шансы у меня всё же есть.

А раз так, то...

Сегодня мне повезло. Игорек обладал отличной способностью к засыпанию. Лег и уже минут через десять размеренно засопел. Я выждал ещё некоторое время, соскочил с дивана и, прислушиваясь к его дыханию, вышел на балкон.

Выход был на кухне, не в зале, поэтому я всерьез рассчитывал, что никто не услышит.

Мне нужно было открытое пространство, и ничего лучше балкона в текущих условиях, не вызывая лишних подозрений, я не придумал. Тем более, с балкона открывался вид на реку. Вот туда и буду... стрелять.

А собирался я всего лишь проверить ту идею, которая вчера пришла в голову — использовать для боя не Кровь, а Масло. Сила адепта также зависела от того, насколько большой Вдох он способен сделать. Проще говоря, сколько втянуть в себя энергии за раз. Также сила зависела от того, сколько энергии можешь удержать в Источнике и вне его, то есть в теле. Последнее, что для меня сейчас важно, — это смогу ли я создать из Масла что-то достаточно опасное, чтобы отбиться, при этом не нанести повреждений самому себе. Как телу, так и Источнику.

Этим я и прозанимался следующие полчаса, хорошенько так замерзнув под весенними ночными ветрами. Вдыхал, создавал шар над ладонью, уплотнял, отправлял в сторону реки.

Когда закончил, вернулся, прокрался мимо Игоря и сходил в ванну, отмыть руки.

Выводы были удручающие. Если просто вдохнуть Масло, то его можно перехватить контролем и не позволить осадку распространиться по организму. Следовательно, и вреда никакого нет. При этом я тратил Кровь, которая находилась в Источнике. Сам по себе Вдох ничего не стоил, но удержание Масла уже расходовало силы.

Если же попытаться использовать это Масло без Крови, то... Осадок проникал в Источник и расходился по телу. Это как работать в перчатках и без. Кровь сложнее и дольше получать, но она защищала меня.

Единственная хорошая новость — за счёт накопленной Крови, я мог ударить Маслом. Плохих же новостей было куда больше. Во-первых, сам осадок, что расходился по организму. Но он ещё ладно, я способен сам себя почистить. Во-вторых, осадок на Источнике. Признаюсь, я, как первые отметины заметил, сильно испугался. Понятия не имею, что произойдет, если Источник «загрязнится». Возможно, потеряет часть своих свойств. Возможно, начнет постоянно отравлять организм. А быть может, и вовсе разрушится. В прошлой жизни я с подобным не сталкивался, но предполагал, что цена мне не понравится. В-третьих, доступные мне силы, даже если хитрить — по-прежнему удручающе малы.

Вот и получается, что если пройти по краю, то в зависимости от времени на подготовку, я смогу выдать одну-две атаки. Если повезет, штук пять. Как-то этого маловато для серьезной драки. К тому же я не знал, что умеет этот Дарвин. Если он овладел хотя бы примитивной защитой в виде пленки из Масла по всему телу — я его точно не пробью. Да и просто хорошо тренированного бойца вряд ли получится свалить.

Так себе перспективы. Надо думать, что ещё сделать могу.

* * *

Утром ничуть не удивился, когда черепков увидел. Игорек дернулся в их сторону, но придержал его.

— Я зачем тебя на ноги ставил, а? — шикнул на парня. — Сейчас это ни к чему.

— А чего они, — ответил он, но дальше лезть не стал.

Нам вслед посвистели, но, как и вчера, проводили до ресторана да отстали.

Петру дали на раздумья три дня. Сегодня второй. Нет гарантий, что этот Лютый сдержит слово, поэтому исходить стоит из того, что появиться может в любой момент. В контексте этого я здраво опасался, что по пути в лечебницу могу встрять.

Так оно и вышло. Как в воду глядел.

* * *

Демьян пришёл в лечебницу с утра пораньше. Спалось ему сегодня плохо. Подходил очередной день, когда надо отдавать часть долга, а денег было впритык. Ещё и эта ситуация с учеником. Слухи по всей лечебнице гуляли, когда же Аристарх Павлович себе выберет нового подопечного.

Юноша не сомневался, что и в этот раз ему не повезет. Жизнь парня никогда не баловала. Всего приходилось добиваться своим трудом. Вот и сегодня Демьян решил, что надо подстраховаться и повысить свои шансы. Парень пришёл пораньше, сделал обход и нашёл того, кто ему подойдет.

Аристарх Павлович мог сколько угодно заявлять, что двери лечебницы открыты для всех. Фактически это так и было. Двери и правда открыты. Но число коек ограничено. Для простолюдинов есть отдельные места, это да. Но всех желающих лечебница физически вместить не могла. Целителей также на всех не хватало. Как раз из-за политики открытых дверей. Каждому работнику приходилось зашиваться, но оно того стоило. Отработаешь лет пять в этой лечебнице, потом уйдешь в другую больницу, начнешь получать нормальные

деньги за свои услуги. А то и вовсе к аристократам возьмут.

Здесь тоже рубль поймать можно. Если кто захочет вне очереди лечение получить да побыстрее здоровье восстановить.

Вот Демьян и искал такого человечка. Точнее, такого, у кого денег нет, но койка ему в общей палате досталась. Один из черепков, рядовой пацан, у которого не нашлось десятки, чтобы его ещё вчера на ноги поставил кто-нибудь из целителей. Случай-то типичный. Легкое отравление. Он бы и сам с ним справился, но перешёл свой небольшой предел.

— Мною займется наконец? — оживился парень, чье тело сыпью покрыло.

Демьян оценил его состояние и подумал, что клиент в нужной кондиции. Сыпь-то чесалась наверняка, всю ночь парень не спал.

— Если сделаешь кое-что для меня, то поставлю на ноги прямо сейчас, — заявил Демьян.

Свою карьеру он связывал с очищением в том числе, обнаружив к этому дар. Не такой выдающийся, как хотелось бы, но справиться с парнем за раз он мог.

— Что нужно сделать? — подозрительно спросил черепок.

— Иди за мной, — позвал Демьян.

В палате, где ещё семь человек лежало, он о делах говорить не собирался. Хорошо ещё, что в это время большинство спало и только черепок с сыпью мучился. Отведя парня в туалет, Демьян обрисовал задачу.

— Возьмешь друзей и встретишь одного парня. Он работает в ресторане Бориса Дмитриевича. Знаешь место?

— Знаю, как не знать, — шмыгнул носом парень. — Если убить надо, одного лечения маловато.

Демьян хмыкнул. Эти черепки совсем без тормозов. Даже не сержант и тем более не офицер, а уже на убийство готов, лишь бы заплатили.

— Он понесет еду. Сюда, к нам, — пояснил Демьян. — Нужно его немного побить, испортить внешний вид и растоптать коробки с едой. Калечить не надо. Главное, чтобы выглядел отвратно. Пальто ему там порвите, в луже искупайте, — парень бросил взгляд в окно.

Ночью прошёл дождь, поэтому недостатка в лужах не было.

— И всё? — с подозрением спросил черепок.

— Да. Я дам тебе десятку сейчас...

Демьян залез в карман и достал подготовленную купюру. С деньгами ему физически не хотелось расставаться. Но с черепками лучше так — заплатить. Тогда это не простая просьба — а сделка.

— Лечение сейчас, десятка на руке тоже, и лечение мне и моей группе вне очереди, бесплатно, если припрет, — глаза черепка жадно заблестели.

— А ты не охренел? — удивился наглости Демьян.

— Сдается мне, еду таскают в этой лечебнице единственному человеку — Аристарху Павловичу. А оставить его без обеда — это как-то не по-людски, — ощерился парнишка, демонстрируя, что не все зубы у него на месте.

— Хорошо... — нехотя сказал Демьян. — Ещё по одному разу поставлю на ноги тебя и четверых твоих друзей! Но чтобы не упустили его! — отдал парень деньги. — Если свеженьким сегодня придёт, неустойку платить будешь. По всей сумме, по десятке за каждое лечение.

— А если он не пойдет? — парень оказался не так глуп.

— Тогда завтра его пошлют.

— А если и завтра не будет? Мне его вечность караулить? Неделю готов ждать. По рукам?

— Черт с тобой, — раздраженно бросил Демьян и пожал руку.

— Тогда лечи меня, а то не успею друганов позвать.

В этот момент Демьян очень надеялся, что затея его окупится.

Сегодня мне тоже сказали еду отнести, но перед этим Борис Дмитриевич позвал к себе в кабинет.

— Про твою проблему в курсе, — сказал он с ходу. — Петр рассказал. Черепки — это серьезно. Полностью отвадить у меня их не получится. Шпана ещё ладно, но за ними серьезные люди стоят.

— Борис Дмитриевич, — вставил я. — Да не переживайте вы. Разберемся как-нибудь. Я постарался, чтобы мой голос прозвучал максимально уверенно.

— Знаю я, как вы разберетесь. Будь это обычные разборки, я бы и слова не сказал, — посмотрел он на меня неодобрительно, а лицо у него, надо сказать, выразительное. — Заказ — это серьезно, Олег. Проще всего тебе из города уехать. Не думал?

— Думал. Но уехать — это значит в лечебницу не попасть.

Я, как у кочевников оказался, почти сразу начал информацию нужную собирать. Что за мир, как он устроен, какие слухи гуляют. Со стариками ходил, болячек у них своих полно, всё же жизнь кочевника не располагает к здоровью. Да и здесь свои познания дополнил. Поэтому о том, как обстоят дела в других города, я более-менее представлял и не просто так именно в столицу поехал.

Считается, что дар целителя — редкий. Очень мало их. Что я и сам уже увидел. Обычному человеку нет и шанса попасть на прием именно к целителю. Банально из-за корысти. Я, в принципе, понимал тех, кто дар в себе обнаружил и хотел устроиться получше. А получше — это где? Правильно, под рукой у бояр. Вот и получается, что если наставника я и найду где-то в другом месте, то сразу попаду под чью-то руку.

В этом случае можно сразу и к Сокольникову уходить. Он-то меня спрячет, но службу потребует. Если дам обещание, а дать придётся, то... В общем, сложно всё с обещаниями. Слово своё держать так же важно, как и обеты. Если принудят службу нести — это одно. Слова не давал, сбегу сразу, как смогу. Если сам соглашусь — а куда от себя убежишь? Не вариант.

Другая причина того, что я именно в эту лечебницу хочу попасть, — их отношение к больным. Сила целителя зависит от его контроля, знаний, Источника, чистоты Крови. Но в первую очередь важна воля целителя. А воля — это и обеты, и аскезы, и практики, и определенный подход к делу. То, что я увидел в этой лечебнице, их готовность заниматься любым человеком не ради денег, а просто потому, что это — правильно — больше всего напоминало волю целителя. Пусть и с некоторыми оговорками.

Проще говоря, лучше места я не найду. Не в этом государстве. Уж по городам я покатался и ничего подходящего не встретил.

— А что тебе лечебница, если руки-ноги переломают? — резонно спросил Борис Дмитриевич.

Я плечами пожал, не зная, что ответить. Не объяснять же ему, какие ставки на кону. Вдруг, если сбегу, через десять лет вторжение мертвых начнется и мне не хватит именно этого потерянного времени?

— Что ты за человек такой, Олег. Сложный, как фрукт заморский, — выдал Борис Дмитриевич. — У меня знакомые есть среди городских. Я их попросил по дружбе чаще гулять на пути от ресторана до дома Петра. Это всё, что могу сделать. Черепки, если

городовые рядом, не тронут. Но сам понимаешь. Захотят, изыщут возможность. Поэтому берегись, Олег, хороший ты парень, не позволяй сгубить себя.

— Спасибо, Борис Дмитриевич, — поклонился я.

— Я не боярин, чтобы кланяться, — махнул он рукой. — Иди. Неси обед Аристарху Павловичу.

* * *

Переоделся, забрал пакеты с едой да выдвинулся в лечебницу. Надо будет потом как-то отблагодарить Бориса Дмитриевича. И я даже знаю как. Целитель много чего сделать может. Мужчина, хозяин ресторана, — немолодой бывший военный, как я понял. Всякие болячки в организме накопились. Я его потом так обновлю, что здоровее молодых будет.

Об этом и думал, пока шёл. Старался держаться оживленных улиц, но обед, народу не так много.

Тройку парней заметил заранее. Они навстречу двинулись, ухмыляясь. Сразу почувствовал — по мою душу.

Началось уже?

Встретить они меня решили на узкой улице. Тут всего ничего идти, метров пятьдесят, считай, один дом. Два тротуара и одиночная полоса для машин. Не разгуляешься. Обернулся и увидел ещё одного паренька. За мной шёл.

Да уж, да уж.

Разведчик из меня так себе. Слежку не заметил. А ведь ещё с едой иду, в новой одежде, чтобы во всей красе перед Аристархом Павловичем предстать.

Вот и предстану. Переломанным.

— Закурить есть? — вышел вперед один из них.

— Закурить? — остановился и я. — Курение здоровью вредит, а по тебе и так больничка плачет.

— А ты что, дохтор? — сплюнул он мне под ноги.

Почти на новый ботинок попал мерзавец.

— Вас Лютый послал? — спросил я, сместившись к стене, чтобы со спины не ударили. — Черепки же?

Опознавательных признаков у них не было, но почему-то сразу про них подумал. Кто ещё, если не они?

— Лютый? — растерялся заводила.

— Эй, при чем здесь Лютый? — насел на меня второй парень.

— Так у него дело ко мне. Вы не от него, что ли? — удивился я.

— Не от него. С Лютым сам разбирайся... — сказал заводила неуверенно.

— Так надо бы это... — вмешался третий. — Прояснить.

— А что тут прояснять, — разозлился заводила, что-то для себя решив. — У нас заказ...

Ещё один?

Их главный уже собирался мне по роже двинуть, как раздался свист. Мы все разом обернулись и увидели бегущего Игорька.

— А ну разлетелась, шобла! — прокричал он.

Этот дурак разогнался, подпрыгнул и с ноги врезал парню, что с краю стоял. Хорошо

так, до лица дотянул. Отчего парень на асфальт отправился, о вечном думать.

— Мочи их! — крикнул заводила.

И попытался ударить мне в зубы.

Я в сторону ушёл, и кулак по скуле мазнул. Вперед подался, боднул плечом парня, всем весом навалился. Он-то крепче и больше меня, просто так я бы его не сдвинул. Парень назад качнулся и налетел на второго, кого Игорек отбросил. В смысле он ещё одному врезать успел. Вот они вдвоем и столкнулись.

Трое на асфальте оказались, но оставался ещё один. Самый дальний от Игоря. Он-то и набросился на меня. В пальто вцепился, кулаком ударил, но я назад подался, и он промахнулся. Тянуть начал, рукой попытался пакеты схватить. Я их в начале драке отпустил, и они упали, рядом лежали.

— Ах ты ж... — выдохнул я, поняв, что он задумал.

— Стоять! — крикнул Игорек.

И с ноги парню в ухо засветил. Я и не углядел удара, дюже быстро тот исполнили. Черепка в стену впечатало, я же пакет схватил и выхватил из-под оседающего тела.

— Лежать и не двигаться! — рявкнул Игорь. — Олег, уходим...

Он схватил меня за рукав и потащил из переулка.

— Стоять! — крикнули нам вслед.

— Идите в жопу! — гаркнул в ответ Игорек.

Мы выскочили из переулка на оживленную улицу и, не сбавляя шага, пошли в сторону лечебницы.

— Откуда ты здесь? — спросил его.

— За тобой присматриваю. Только давай быстрее, мне и так мамка уши обдерет, что с работы отлучился...

— Они не от Лютого и тоже на меня заказ взяли, — пояснил я произошедшее.

— Да ты популярен, — хмыкнул альбинос. — Чего прицепились только...

— Еду из ресторана забрать хотели.

— Еду? — озадаченно посмотрел на пакеты Игорь. — Хм...

Я тоже над этой странностью задумался. В момент, когда трое из четверых получили своё и выбыли из боя, оставшийся черепок, вместо того чтобы убежать, наброситься на Игоря или меня, выбрал схватить пакеты.

Хотел украсть еду? Да не, бред. Блюда из ресторана хороши, это да, но чтобы на человека из-за них нападать? К тому же они сами проговорились, что заказ отработывали. Значит, кто-то им заплатил... За то, чтобы украли доставку? Тоже бред. Уж точно не для того, чтобы оценить, что там Аристарх Павлович заказывает. Или ради этого?

Пока шли, я десяток версий в голове прокрутил. Самая безумная — еду хотели отравить, чтобы от целителя избавиться. Тоже глупость несусветная. Во-первых, тут именно меня хотят видеть. Доставка — предлог. Если бы сам не пришёл, а кто-то другой доставил, Аристарх Павлович это бы заметил. Во-вторых, сильного целителя ещё попробуй отрави.

— Сдаётся мне, — заговорил Игорь, когда до лечебницы добрались, — кто-то не хотел, чтобы ты в лечебницу пришёл.

— Смысл? — со скепсисом спросил я.

Игорек обошёл меня по кругу, отряхнул спину, полез рубашку поправлять. Я от этого опешил, растерялся и не успел ему по рукам дать.

— Аристарх Павлович — человек известный, — стал пояснять свою мысль парень, —

Он порядок любит. Как бы ты выглядел, приходи к нему побитым?

— Плохо.

— Вот именно. Если бы просто драться полезли, это одно... Но раз за пакетом бросились — хотели тебя в глазах Аристарха Павловича опозорить. Надо думать, кому это выгодно.

— Что за безумный город... — покачал я головой.

— Какой есть, — усмехнулся Игорь. — Ладно, я побежал. Обрати и сам доберешься, те придурки точно свалят и второй раз не полезут. Но ты на всякий случай по тихим местам не иди, держись широких улиц.

— Давай... — кивнул я. — И спасибо. Вовремя вмешался.

— Сегодня ты лучше держался. Только лицо поправь, — указал он на скулу. — Ссадина и синяк наливаются. Тоже нехорошо, если увидят.

— Учту.

Игорек убежал, а я один остался. Надеюсь, еда целая в коробках. А то неловко выйдет, если там всё перемешалось.

* * *

Перед тем как к Аристарху Павловичу идти, заглянул в туалет, руки помыл, лицо, шею взмокшую обтер. Да и отдышался. Со скулой тоже поработал. Ничего сложного — немного чистой Крови, и вуаля, отек прямо на глазах сошёл.

На этот раз целитель нашёлся у себя в кабинете, куда я и прошёл.

— Олег, заходи-заходи, — сказал он мне радостно. — На стол поставь! Да, сюда! — указал мужчина.

Я поставил, и тут произошло то, чего я никак не ожидал. Откуда-то из-под стола целитель рукой достал духа смерти и в меня метнул.

Шок и я испытал, и сам дух. Который по дуге меня облететь собрался и удрать хотел. Не тут-то было. Рефлексы сами сработали. Я его рукой поймал и раздавил.

Осознал, что только что произошло и что я спалился. Как понял это, так и посмотрел на Аристарха Павловича осуждающе.

От же черт!

С таким же успехом он мог метнуть в меня кусок трупа.

— Прости, Олег, мне мою выходку, — по-доброму улыбнулся он. — Зато мы сократили время и узнали, что духов ты видеть умеешь. Может, сразу расскажешь, откуда такие способности интересные?

— Так это... — внутри меня какая-то лихая злость разыгралась. — Умер я.

Лицо мужчины дрогнуло и вытянулось. Получай, мерзавец ты старый.

— Пояснишь? — взял он себя в руки.

Я тоже взял. И выдал вторую часть подготовленной легенды.

— Я говорил, что в приюте жил. Порядки там несладкие были... — вздохнул я напоказ. — Те ребята, кто постарше да посильнее, свою власть утверждали, отыгрываясь на тех, кто послабее. Мне тоже доставалось. А когда старшие ушли, передел власти начался...

Аристарх Павлович недоверчиво хмыкнул, видимо, не поверил, что в приюте настолько взрослые игры творятся.

— Меня мишенью выбрали, — продолжил я. — Ну, знаете... Одного забьешь, остальные бояться начнут. Забили меня, в общем, — мне не пришлось стараться, чтобы голос потяжелел. — Да так, что я совсем плох стал. Те парни испугались, думали, что сдох и тело в окно выкинули.

— Тогда почему ты живой? — задал логичный вопрос мужчина.

— Потому что жить захотел. Обидно очень стало, что молодым помру, ничего хорошего не увидев. А там как-то само получилось. Свет видел, в темноту провалился... Потом Вдох сделал, Масло втянул, оно и помогло удержаться. Пришёл в себя, раны закрылись. Я точно не знаю, как это произошло...

Ага, просто один полевой целитель латал тело Олега, так и получилось.

— Но как-то выкарабкался, — продолжил я. — После чего духов и стал видеть. Тогда же и сбежал из приюта. Понял, что добьют меня, если не уйду.

— Какая... необычная история, — задумался Аристарх Павлович.

Пусть думает, сколько хочет. Опыт смерти действительно помогает измениться и начать видеть духов. Если способы куда проще — зрение перенастроить, чувствительность развить. Но и так тоже можно.

То, что целительские способности при смертельных ранениях пробуждаются, — тоже известный факт. По принципу — жить захочешь и не так раскорячишься.

— А потом, когда уже с кочевниками ходил... — продолжил я сливать легенду. — В некоторых местах этих духов видел. Они на стариков особо любили нападать. Пришлось учиться их того... развеивать.

— Да, поймал ты его ловко, — всё так же задумчиво кивнул целитель.

На что я пожал плечами.

Видимо, получив свою порцию впечатлений и решив, что с меня на сегодня хватит, Аристарх Павлович на сегодня встречу закончил.

— Придешь в свой выходной, — сказал он. — Сможешь ведь? Посмотрим на тебя в деле. А сейчас подойди к Тамаре, она тебе книги даст. У тебя талант, это понятно. Но талант для целителя — далеко не всё! — сказал он наставительно. — Нашему брату, как никому другому, важно постоянно развиваться, улучшать мастерство! Для чего обучаться надо! Вот и проверим, насколько хорошо ты учиться умеешь. Прочитай, сколько успеешь. А там по вопросам тебя погоняю.

Мерзавец, точно мерзавец.

Я попрощался и вышел, взял у секретарши книги. Прямо за дверью посмотрел, что выдали. Анатомический атлас и две книжки по тематике отравления Маслом. Ну, не так плохо.

Но всё равно Аристарх этот — тот ещё жук.

Благодаря библиотеке Петра, а точнее, его бабки, я знал, что в этом мире, как и в моем, медицинские трактаты — та ещё пытка для ума. Сложный язык, множество специфических терминов. Читать это возможно, когда есть навык. А откуда он у шестнадцатилетнего пацана, который большую часть жизни провёл в приюте?

Где, замечу, детей почти не учили. То есть к моменту выпуска не уметь сносно читать было нормой.

Мне в этом проще. Нужно было всего лишь выучить язык, а так точные науки я более-менее знаю. Всё же с Кровью работать нужна точность. Математическая, геометрическая и физическая. Те же арканы и сложные фигуры строятся по математическим моделям. До

мудрецов и высших целителей мне далеко в плане образования, но совсем уж неучем я не был и сложные трактаты читать умел.

Но это я, а не шестнадцатилетний Олег.

Поэтому и говорю, что Аристарх Павлович тот ещё жук-мерзавец. Руки мне выкрутил, и, куда ни дергайся, везде клин. Выходной у меня через пять дней. Даже не через неделю. За пять дней надо прочитать, понять и заучить три серьезные книги. Учитывая работу в ресторане, это физически невозможно, как ни крути. Непонятно, насколько Аристарх Павлович это понимает. Но, по идее, должен. А раз так, значит, проверить хочет. По итогу уже выносить приговор, стоит ли на меня время тратить. Я ведь не знаю, что это за человек, но парни упоминали, что проблем он не любит. А раз так, то и от меня избавиться может хотеть. С другой стороны, зачем ему тогда в принципе со мной возиться? Просто не будет звать, вот и всё. Хотя он обещание дал через месяц решить мой вопрос, а для целителя его уровня должно быть важно слово держать.

Да уж, да уж.

Допустим, если забыть про остальные свои проблемы, время на чтение я найду и подготовлюсь. Темы-то знакомые. Какой уровень знаний показывать? Если переборщить, то возникнет резонный вопрос, как сумел, где обучался? Отбрехаться талантом не получится. Если же покажу, что ничего не понял и прочитать не успел, интерес ко мне резко упадет.

Оживленная неделька намечается. Между мытьем посуды надо отбиться от черепков, не влипнуть в очередные неприятности, не подставить Петра с Игорьком, проследить, чтобы не сами убились и не убили их, попутно прочитать три книжки и тщательно продумать дальнейшую линию поведения с ушлым Аристархом Павловичем, который, кажется, без тормозов мужик, раз духами смерти кидается.

И ведь не поленился, поймал, специально подготовился.

* * *

Демьян проводил взглядом парня, который как ни в чем не бывало чистым и опрятным добрался до лечебницы и встретился с Аристархом Павловичем.

На этот раз они проговорили меньше, но парень получил учебники. Что было серьезным звоночком. Абы кому ценные книги, ещё и с выносом за территорию лечебницы, не дают. Получается, вопрос с учеником уже решен, а остальным пока ничего не говорят, чтобы молодые понервничали да работали лучше.

Аристарх Павлович любил всячески стимулировать остальных врачей и целителей, поэтому Демьян не удивился такому ходу, крепко призадумавшись, что делать.

Его личный долг и долг семьи составляли больше пяти тысяч рублей. Родители зарабатывали мало, хватало с трудом сводить концы с концами, поэтому на них рассчитывать не стоило. Да и сдавало их здоровье в последняя время. Старость своё брала.

Долг стоил десять процентов годовых. Каждый месяц требовалось выплачивать сто рублей. Можно и больше, но где деньги-то взять. Всеми правдами и неправдами в лечебнице Демьян зарабатывал почти двести. Но пятьдесят приходилось отдавать старшему целителю, чтобы тот прикрывал от Аристарха Павловича, да сам не мешал, позволял работать с «денежными» клиентами. Сто уходило в качестве долга. Ещё двадцать — на занятия с наставниками, обучение-то не закончилось. Остальное на еду и всякие мелочи.

Попасть в ученики к Аристарху Павловичу — это сразу послать старшего целителя, а значит, не тратить лишний полтинник и поднять цены на свои услуги. Которые можно и вне лечебницы оказывать. Что разом бы решило большинство проблем парня и позволило продохнуть.

Но в этот стройный план вмешался неучтенный фактор. Который черепки должны были избить и опозорить, а вместо этого пропустили. Значит, нужно требовать с них неустойку и думать, что делать дальше.

Возможно, стоит рискнуть и взять дело в свои руки. Решить проблему раз и навсегда.

Не было печали, да книжки помогли. Шутка, конечно. На работе у меня и так мало свободного времени, так теперь совсем не осталось. Каждую минутку, которую выкроить получалось, тратил на чтение.

— Ты правда понимаешь, что там написано? — подошёл ко мне в перерыве Петр.

Наплыв гостей закончился, и новых заказов не поступало, вот парень и решил размять ноги, пройдясь по кухне.

— Да, — коротко ответил я.

Это настоящая редкость, когда Петр пообщаться подходит, но сегодня уже я не в настроении языками чесать. Времени нет, нужно готовиться.

— Перед смертью не надышишься, — сказал он.

Я отвлекся от книги и уставился на парня.

— Перед смертью последнее, о чем думаешь, — это как бы ещё подышать.

Парень дернулся, покосился на меня странно и удивленно, но всё же спросил:

— О чем же тогда думаешь?

— Как бы забрать ещё парочку врагов с собой, — сказал я таким же серьезным тоном и, не удержавшись, засмеялся.

Очень уж серьезное лицо у Петра сделалось.

— Дурак, — обиделся он и ушёл.

Сам нарвался. А ведь я ему правду сказал. Единственное, о чем я думал перед смертью, — как уничтожить побольше нежити.

Шутки шутками, а день продолжался. Сегодня что-то мало посетителей. Нас с Петром даже на час раньше отпустили. Возможно, и не по этой причине, а чтобы по темноте не шли. Мы и дошли, без происшествий. Черепков не видели, но они ведь не обязательно себя вызывающе должны вести. Могли и грамотно скрываться. Тем более в это время народу куда больше на улицах.

Игоря по пути встретили. Пришёл довольный, неунывающий, о всяком разном трепался.

Как до дома добрались, я час на чтение потратил. Дождался, когда парни уснут. Квартира у Петра просторная, но комната бабушки и родительская никак не использовались. Я и не помню, чтобы он их хоть раз открывал. Оставалась комната Петра, общий зал, где мы с Игорьком спали, я на диване, он на полу, да кухня с балконом.

Сегодня я также отправился на балкон. Как бы не заболеть с такими прогулками.

Вариантов, как не сдохнуть и не стать инвалидом в ближайшие два дня, у меня оставалось не так много. Я бы даже сказал, их вообще нет. Но это не повод унывать и сдаваться. Надо идти до конца, сделать всё возможное. Силу я быстро нарастить не могу. Убегать тоже не хочется. Идея с Маслом себя не настолько оправдала, чтобы всерьез на неё полагаться. К Сокольниковым под руку идти тоже не хотелось. Неизвестно ещё, смогут они помочь или нет.

В общем, надо было выжимать из ситуации максимум, и единственное, что оставалось, — дать первый обет.

Вариант в моем случае неоднозначный, сильнее меня сразу не сделает. К тому же хватает подводных камней.

Изначально я не хотел спешить, чтобы понять, в каком мире оказался. То, что работало

в том, как показала практика, не совсем адекватно задачам, стоящим здесь. Что-то мне подсказывает, что с людьми я ещё не раз буду сталкиваться. А как это делать целителю, который клялся не вредить?

С другой стороны, чем труднее обет, чем сложнее ему следовать, чем большей отдачи он требует — тем выше результат. Поэтому принести старые клятвы и обрезать себе множество простых решений касательно конфликта с людьми — это не такая уж плохая идея. Вопрос в том, хватит ли мне сил справиться. Но, не будь этого вопроса, отдача уменьшится.

Мудрецы моего мира возвели искусство клятв в абсолют. Это не на словах обещание дать. Это именно искусство, со своими уровнями сложности и развития.

Базовый уровень доступен всем — слова. Дал слово, держи. Это как раз то, о чем Игорь говорил. Если даже со своим словом справиться не можешь, то о какой Крови говорить? Раздавит тебя Масло. Второй уровень — клятва. Отличается от обычных слов серьезностью собственного отношения к ней и ценой. Клятва — это обещание следовать тому, в чем клянешься. Это не о том, чтобы пообещать прийти вовремя, а куда основательнее. Целители клянутся помогать людям. Не только этому, но помощь всем нуждающимся — основное. Нарушишь клятву, начнешь ради денег работать, отказывать тем, кто заплатить не может, — и потеряешь часть силы. А то и все силы.

Есть и следующий уровень. Клятва превращается в обет и внедряется в Источник. Нарушение обета будет стоить Источника, а следовательно, и части жизни. Возможно, что и всей.

Большинство знакомых мне адептов, если и давали обеты, ограничивались одним. Обет, несколько клятв, следование воле того пути, который избрали. И только настоящие мастера, которые выбирали Служение, приносили несколько обетов. Это, между прочим, серьезно жизнь ограничивает. Ты уже не принадлежишь себе в полной мере. Поэтому сто раз подумать надо, соглашаясь на это. В моем случае думать не надо. Моя жизнь и так не принадлежит мне. Не собираюсь я тратить время на всякие глупости и предаваться удовольствиям. Меня ведет высшая цель, а значит, и думать нечего.

Каждый обет занимает место в Источнике. Первый, самый важный, закладывает фундамент и точку опоры. При стандартном подходе дальнейший каркас выстраивается пирамидально. Первый обет фундамент, следующие три укрепляют опоры. Дальше приносятся уже клятвы, которые дополняют этот путь.

Этим путем я не пойду. Следуй я одной воле, тогда да. Но я и целитель, и воин. Поэтому у меня не пирамида выйдет, а две спирали. Основа, по два обета на каждый путь. Дальше клятвы.

Как и сказал, быстрого преимущества это не даст. Клятвы вообще силы как таковой не дают. Они упорядочивают Источник и самого адепта. Я ведь не шутил, когда говорил парням, что важна внутренняя гармония. Если человек честный, не алчный, слово держит, то и внутри у него мира куда больше будет. А значит, и вместо грязи он будет втягивать... Хотел бы сказать, что Кровь, но не в этом обществе. Так что просто более чистое Масло, что уже много. Если он служит каким-то идеалам, следует клятвам, то порядка в нем ещё больше будет.

Если же отдаёт всю свою жизнь во служение, то... То это совсем другой уровень. Который позволит мне Вдыхать более чистую Кровь. Да и в целом с ней должно стать попроще работать.

Сначала это будет совсем небольшая прибавка. Но с каждым днем она будет нарастать и позволит добраться туда, куда без обетов, клятв и служения в жизни не попадешь.

Жаль, что всё совсем не так просто, как хотелось бы.

Для того чтобы дать первую клятву и превратить её в обет, желательно иметь Источник минимум в пятьдесят капель, а лучше сотню. Точнее, нужна как раз сотня, в моем мире ученикам раньше не позволяли серьезные клятвы приносить. Пятьдесят — это когда ты уже рисковать будешь.

У меня же двадцать. Риск не двойной, а в десять раз выше. В этом и заключается главная проблема. Иначе бы я давно развернулся. Но, кажется, настал тот час, когда дальше откладывать смысла нет. Печенкой чую, в ближайшее время мне потребуются все доступные силы.

Остаётся уповать на то, что неразвитость Источника я компенсирую контролем и мастерством. Да и моя душа тоже чего-то стоит. Закалена во всяких передрыгах, прошла через многочисленные опыты, в том числе мою смерть. Так что шансы какие-никакие у меня есть.

Если не повезет, Источник перегорит — и всё, превращаюсь в едва живой труп.

Но кто не рискует, тот не побеждает бога смерти.

Хватит мандражировать, пора браться за дело.

С кухни я прихватил нож, вышел на балкон, убедился, что парни не проснулись. Уселся поудобнее, полоснул себе ладонь. Зачерпнул из Источника Кровь, принялся распределять по телу. Сделал дополнительный Вдох, пополняя силы и фильтруя Масло. Мне был нужен объем в пятьдесят единиц хотя бы.

— Клянусь... — сказал я, чувствуя, как наваливается тяжесть. — Защищать род людской... От самого бога смерти... и его... приспешников.

Обычные слова заставили душу вибрировать, а тело окаменеть от навалившейся тяжести. Кровь внутри меня закрутилась, образуя первый знак, который и лег в основу Источника. Тот задрожал, пошёл в разнос. Какое-то время думал, что всё, порвет сейчас. Но держал, укреплял, не позволял энергиям разорвать меня.

Забыл, как дышать, тело от напряженья болью свело.

Но удержал.

Как закончилось, разом отпустило. Я шумно выдохнул, чуть не завалился набок. Рукой оперся и задышал быстро, в себя приходя. Внутри тяжесть поселилась. Проверил Источник, он цел остался, ровнее стал.

Теперь надо пару месяцев выиграть, сотни три тяжелобольных исцелить, и жизнь наладится тогда.

Кто бы мне только это время дал.

Но никто не даёт, поэтому переходим к следующему, рискованному шагу.

* * *

Из дома я выбирался с большой осторожностью. Не хватало ещё, чтобы парни проснулись. Не знаю, что хуже. Что подумают, будто сбежать собрался, или увяжутся за мной.

Рановато им видеть то, что я собрался сделать. Да и мне рановато это делать, но как ещё быстрее усилиться за короткий срок, я не представлял.

В том, что план сработает — уверенности никакой. Строился он на том странном эффекте, когда я убил гончую, и это помогло сформировать Источник. Я, конечно, хорош, и всё такое, но лишней гордыней не страдаю, себе заслуги приписывать не собираюсь и трезво вижу, что тогда так легко получиться не должно было.

Но получилось. Словно помогло что-то. И это что-то перешло из гончей ко мне.

Звучит как полный бред. Работай это в прошлой жизни, я бы там не то что королей убивал, а всех бы уничтожил и богом закусил. Нежить я убивал тысячами.

Но то было в прошлой жизни.

В которой впервые на моей памяти большое число адептов, а других просто не осталось в моем отряде, добровольно отдали свои жизни, чтобы сделать меня сильнее и отправить в последнюю атаку. Я не мудрец, чтобы разобраться в сути произошедшего, и допускаю, что ритуал мог повлиять на меня как угодно. Это раз. Два — по идее, я два раза прошёл через смерть. Когда сам умер и когда Олег погиб. Как это повлияло — тоже не скажу, но вполне могло серьезный отпечаток на мне оставить. Ну и три — в другой мир попасть тоже как бы ненормально. Но я попал, поэтому, опять же, от себя и мира можно ждать чего угодно. К тому же за этим мог кто-то стоять. Я бы предположил, что наши боги, никому другому, боюсь, это просто не под силу, в другой мир-то забросить, но... Жрецы в последние годы уже не скрывали, что боги пали. Возможно, кто-то остался. Возможно, это выступила какая-то третья сила. Может, местные боги, пусть я о них ничего и не слышал. Возможно, сама Кровь. Я в таких материях совсем не разбираюсь. Но могу предположить, что этот кто-то, если это не случайность, а чья-то воля, также наделил меня уникальной способностью.

Почему бы и нет? Должен же я как-то бога смерти побежать. Обычных тренировок для этого недостаточно, нужны козыри посущественнее.

В любом случае у меня была гипотеза, которая может стоить мне жизни, но ничего лучше я не придумал. Шансы нарваться близки к ста процентам. Шансы получить ранение вместо усиления, я бы сказал, все двести процентов.

Вот смеху будет, когда парни с утра найдут меня не дома, а разорванным в клочья... на мосту.

Да, я собирался идти на мост.

На тот самый, где постоянно драки случаются и какая-то дрянь живет, эмоциями питаюсь.

Иначе говоря, дав обет бороться с приспешниками бога смерти, я собирался пойти сразиться с нежитью.

Так сказать, чтобы слова с делом не расходились.

* * *

В тот раз, когда здесь драка была, стенка на стенку, я кое-что заметил. Как духи и какая-то гадость под мостом собирается. Разбираться я с ней не стал, по понятным причинам. Ещё попробуй достань её под мостом, а если достал — попробуй убей.

Придется на живца ловить. То есть на себя. А чтобы не спугнуть — никак не готовиться. Чистая Кровь — это и оружие против нежити, и способ устрашения. Те же духи смерти,

почувяв её, разлетятся и затаятся, на рожон не полезут.

Да уж, да уж.

Чтобы разобраться с одной проблемой, и то не факт, собираюсь влезть по самую макушку в другую.

Дверь в доме я открыл так тихо, как только мог. Одежды взял самый минимум, ещё с кочевниковых времен, которую не жалко. Куртку дома оставил. Если не убьют, так запачкают, а как объясняться с парнями, я не хотел выдумывать. Так что померзну немного, не развалюсь. Сейчас другого опасаться надо.

Боялся, что проснется из них кто, но времени уже — два часа ночи. Игорек сразу отрубился, а Петр — если и отрубился, то к этому времени усталость взяла своё.

До моста я добрался. Холодина стояла, пробирающая до печенок. Но и ладно. Если по плану пойдет, сейчас так взбодрюсь, что мало не покажется.

Дошёл до середины моста. Постоял. Подумал, что так и простыть можно. Достал нож и второй раз за ночь руку резанул. Кровь, самая обычная, человеческая, для любой нежити — отличная приманка.

Минута прошла — ничего. Вторая, третья — ничего. Я начал подозревать, что дурак полный и ерундой маюсь. Будут мне завтра руки-ноги ломать, а я в ответ — соплями брызгать.

Герой недоделанный. Низвергатель богов, блин.

Моей решимости хватило минут на двадцать. Плюнул и обратно пошёл. Здесь-то жадность нежити и дала о себе знать. Надоело монстру за мной наблюдать. Мигом через перила перепрыгнул и дорогу преградил.

Существо я узнал моментально. Мы таких падальщиками называли. Хорошая новость в том, что это не высшая форма развития духа, а где-то ближе к средней. Плохая же...

Я едва успел отпрыгнуть, когда дух шипом ударил. А потом ещё раз и ещё, заставляя меня отступать. В ловушку заманивал. Прямо под цветы-шипы, тоже полуматериальные, которые, пусть я и не видел, но был уверен, уже просочились прямо через мост. Наступлю и без ноги останусь.

Все эти мысли пронеслись у меня в голове, пока я уворачивался и готовился бить в ответ. Сделал Вдох, Масло широкой волной вошло в меня, необычайно грязное, даже по меркам этого мира. Но я этого ждал, заходя на территорию к не самому простому духу. Сместившись в сторону, двинул по кругу, чтобы не попасть в ловушку. А дух — играет, дразнит, его отростки с шипами гудят и ужалить пытаются.

Тело моё Маслянистой коркой покрылось, настолько много Вдохнул. Источник болью отозвался. Он и так сегодня через нагрузку прошёл, а тут ещё объёмы, на которые не рассчитан, пропускают.

Я не успел. Дух меня подловил, шип вспорол плечо. Второй — бедро, а третий — руку. Я мигом на мосту оказался, раскорячившись. Ещё и цветы уродские полезли, облепили, сбивая концентрацию и не давая встать.

Единственное, что успел сделать... В былые времена в моей руке возник бы пылающий чистотой меч, но сейчас сформировалось лишь короткое лезвие, которое я усилием воли метнул в раскрытую пасть духа.

Попал. Лезвие вспыхнуло, обжигая тварь чистой Кровью, разрывая его плоть. Говорил же, это отличное средство против всех солдат мертвых, даже вот таких духов.

Пока тварь отшатнулся и отвлеклась, подал остатки Крови в ладонь целой руки и

широким жестом смахнул проросшие цветы. Больно было — до жути. Всю руку разодрал. Зато освободился и, подобравшись, прыгнул прямо на духа. Нарушая тем самым всю воинскую науку разом. Только выбора-то нет...

Дух дернулся, сбежать попытался, но я оказался быстрее. Упал на него сверху да ладонями давить стал. Так мы и затихли вскоре. Дух — развоплотился, энергию смерти выплеснул, и та в меня вошла вместе с широким потоком грязного Масла. Я же просто рухнул, тело не выдержало нагрузки. Зато внутри... Я не успел отследить, что именно произошло. Источник вспыхнул, чужую энергию закрутил и... Сожрал? Впитал? Пустил в оборот?

Одно понял точно. После этого именно от силы духа ничего не осталось.

Интересно, конечно. Прямо очень. До зубовного скрежета и потемнения в глазах. А нет, это от того, что я отравлен и кровью истекаю. Ночью. На продуваемом мосту. С тремя ранениями и средним кровотечением. Как в воду глядел, когда одевался. Такое объяснить точно не получится.

Впрочем, что-то, а это меньшая из моих проблем.

* * *

Три Капли. Три!

Ради такого количества я рискнул жизнью. Нет, я не в обиде. И без Капель — сделал хорошее дело. Всё в рамках клятвы защищать род людской.

Конкретно тот дух занимался тем, что нашёл себе «хлебное» место и питался эмоциями, болью, ненавистью, которую источали любители подраться в живописном месте. Всё бы ничего, но дух так же жрал и жизненные силы. Драчуны, наверное, этого и не замечали. Это ведь нормально, когда после драки настроения нет, апатия, слабость, отравление получил или приболел на недельку. Для молодого организма разве это беда? Отлежался и дальше пошёл. Оставив на мосту несколько месяцев жизни.

И ведь там ещё что-то есть. Те же цветы — они никуда не делись, так и остались под мостом расти. Духи смерти малые — в наш бой не лезли, меня стороной обходили. Так что место не зачищено полностью, просто осталось без хозяина.

Без духа, который мог эволюционировать в кое-что очень неприятное. В моем мире подобных тварей мы чаще всего видели на поле битвы. Когда армия нежити была откинута, а трупы не собраны. Трупы эти духи больше всего любят. Отожрут на них и переходят в следующую форму — матку. Это такая штука под два метра ростом, которая трупы прямо в себя захватывала, а через несколько минут — выплевывала. Но не просто тело, а готового к сражению мертвеца, забальзамированного слюной.

Сам факт существования духа в этом мире наглядно говорил, что бог смерти здесь, строит свои козни и готовится. Сколько таких духов по миру прячутся? Тысячи? Миллионы?

Да уж, да уж. Какую же безнадежную битву я веду.

Но не сдамся. Так и хочется сказать, что лучше умру, чем опущу руки, но нет. Как показала практика, меня даже смерть не остановила.

В общем, духа я прикончил. Пусть и подставился серьезно. Стоило ли оно того? Сам не знаю. Силу для решения проблемы не получил. Зато подтвердил догадку, что убийства подобных существ благоприятно влияют на меня. Я, когда там отлежался, очистку провёл,

раны обработал, поднялся да во двор вернулся. Но сразу домой не пошёл, в беседке сел. Там хотя бы ветра не было, а подумать нужно было. Да и лечение закончить.

Раны, даже куда более тяжелые, для сильного целителя не проблема закрыть. Лучше нового будет. Но для этого Источник развитый необходимо иметь. Не в двадцать три Капли. Поэтому мне на одном лишь контроле приходилось удерживать. А это как думать о чем-то важном, при этом пытаться заниматься чем-то другим. Не так уж просто. Поэтому и взял паузу, чтобы окончательно успокоиться. Замёрзнуть уже не боялся.

Перед тем как идти, провёл ревизию. Так и заметил, что Источник подрос. А ещё напряжения от данного ранее обета ушло. Это хорошо. Просто отлично. Дал клятву, сразу пошёл и сделал что-то важное. Слово делом подтвердил.

Правда, чуть не убился, загадил одежду, получил парочку новых шрамов... Но кто такие мелочи считает?

Уж точно не я.

Обратно пошёл, когда холодно так стало, что сил терпеть не осталось. Уже поднимаясь по ступеням, понял, что это не в весенней, ночной прохладе дело. Остатки энергии смерти меня до самой души пробрали. В квартиру ввалился, стуча зубами. Пальцы на руках посинели, настолько плохо слушались, что с трудом дверь открыл. А там уже плевать было. Добрался до ванны и прямо в одежде залез да воду горячую включил. Едва удержался, чтобы полным потоком не врубить. Но зашумит так, что не только парней разбудит, но и соседей.

Так и сидел, стучал зубами, себя обнимал, Кровь по телу гонял, пока ванна наполнялась. А потом... Да отрубился. Организм расслабился и не выдержал череды испытаний.

* * *

Петр проснулся, глянул на часы и медленно встал. Настроения не было никакого. Парня переполняла мрачная решимость. Он чувствовал, что сегодня должно что-то произойти и хватило бы им всем сил это пережить.

Решив для себя, что лучше плотно позавтракать, чтобы силы были, Петр вышел в общую залу и увидел, что на полу, раскинув ноги и руки, беззаботно дрыхнет Игорек. Олега же не было. Обычно он в это время уже занимался, но сейчас в доме сохранялась подозрительная тишина.

«Ушёл, что ли?» — подумал парень.

И сам не понял, что почувствовал в связи с этим. То ли страх, то ли облегчение. Первым делом Петр проверил коридор и обомлел, когда увидел следы крови на полу. Следы, ведущие в ванну.

А когда туда заглянул, и свежий труп нашёл. Который размок в остывшей, красной воде. Похолодев от ужаса, парень бросился к мертвому телу.

Обклеенный пластырями, я занимался тем, что наворачивал завтрак. Передо мной стояла тарелка с гречневой кашей. Справа от неё — здоровенный ломоть батона, щедро намазанного маслом и медом. Рядом с бутербродом — кружка чая с тремя ложками сахара. Так ещё и Петя шоколадку откуда-то из закровов достал. Расщедрился ради того, чтобы мне помочь силы восстановить.

Всё бы ничего, но ел я под двумя непередаваемыми взглядами Петра и Игорька.

Петр смотрел так, будто впервые меня увидел. Игорь просто брови вскинул, да так и замер.

Уснуть в ванне была самая глупая идея в моей жизни. Не то чтобы идея и не то чтобы я это планировал, но глупо вышло до безумия в любом случае. Мало того что у меня кожа на половине тела съезжилась и я теперь похожу на новорожденного деда, так ещё и Петр, который с утра обнаружил мой «хладный труп», на полном серьезе решил, что его гость выпилился из списка живых.

Не выдержал психологического давления, так сказать, и самоустранился.

Проснулся я от его крика. Кричал он не на меня, звал Игорька, чтобы тот в лечебницу звонил. Сам же схватил меня и рывком дернул из ванны. Что у него даже получилось. В смысле выдернуть, а поставить — уже нет. Я ведь скользкий из-за воды был, а Петр — не до конца проснувшийся. Так мы и навернулись в ванне, на плитке, которая тоже скользкая стала от брызг и потоков воды с меня. Я ещё по ране получил, уж не знаю чем, может, просто долбанулся, может, Петр задел. Но от боли и сам заорал матом. Петр — заорал в ответ. Проснувшийся Игорек, прибежавший в одних трусах, так же наорал на нас, что мы конченные психи. Соседи, которых разбудили эти крики, орать не стали — молча постучали по трубам. Воспитанные люди.

Пришлось поумерить пыл и ругаться не так громко. Меня обвинили в том, что я самоубийца недоделанный. Я же заявил, что Петр совсем с ума сошёл. Мне указали на кровь, разорванную футболку, которую вчера не хватило сил снять, и заметные следы от ран. Которые открылись и выдали меня.

В этот момент я ещё и чихнул громко, шмыгнув носом. Простыл всё же. А там, слово за слово, Петр отправился делать завтрак. Игорек же задумчиво изучал оставленные мною следы, да и на меня поглядывал. Но я, чтобы не отвечать на вопросы, уселся прямо на полу, закрыл глаза и игнорировал, когда он что-то спрашивал. Надо было заняться лечением и по новой, уже основательно, проверить, что там с моим организмом.

Как ни странно, тело было почти в порядке. Если не считать простуды. Но чистую Кровь погоняю по телу, и пройдет завтра-послезавтра.

— Как думаешь, — первым не выдержал Игорек и покосился на Петра. — Мог он ночью найти Лютого и завалить его?

Задавая этот вопрос, он нервно затарабанил пальцами по столу, на стуле поёрзал.

— Шутишь? — Петр изогнул бровь, но посмотрел на меня и свёл брови к переносице, из-за чего между ними пролегла глубокая складка. — Олег, ты ведь его не убил?

Сейчас, будучи предельно серьезным, Петр выглядел непривычно. Пухлые щеки не бросались в глаза, взгляд стал острым, лицо — сосредоточенным и напряженным. А ещё хозяин квартиры под столом сжимал кулаки, стараясь скрыть это и демонстрировать

спокойствие.

— Я даже не знаю, где он живет или обитает, — ответил им, работая челюстями.

Каша-то сама себя не съест.

Из-за нагрузок и потери крови, стоило проснуться да с ранами разобраться, как зверский голос ощутил. Да так, что живот скрутило. Это меня и спасло от немедленной расправы. Утробное урчание живота повернуло устремления Петра в нужную сторону, и он ушёл на кухню.

Наверное, решил, что это его долг чести — если и прибить гостя, то перед этим накормить.

— Тогда давай рассуждать логически, — предложил Игорь, игнорируя меня и обращаясь к Петру. — Олег ночью дождался, когда мы надежно уснем, и покинул квартиру. Далеко он не ушел и вышел налегке, потому что вся его верхняя одежда цела. В то время, когда футболка и старые штаны разорваны, — озвучивал он факты ровным тоном. — На улице его несколько раз ранили, но он смог вернуться и зачем-то забрался в ванну. Предположу, что по причине того, что замерз. Не лето, ещё и кровь потерял.

— Хм... — глянул я на парня. — Какая стройность суждений.

— Олег, так что это было? — не выдержал Петр.

— А что ты хочешь от меня услышать? — перевёл я взгляд на него. — В правду вы не поверите. А врать некрасиво, да и не хочу, — дал ему честный ответ.

— Ты кого-то убил? — прямо спросил он.

— Нет.

Это не было враньем. Духа я фактически убил, это да, но Петр спрашивал, не оставил ли я труп человека где-то и не являюсь ли опасным убийцей.

— Ты с кем-то дрался? — продолжил допрос Петр.

— Можно сказать и так.

— Да ты гонишь, — не удержался Игорек и всплеснул руками. — Не в том, что с кем-то дрался! — поправился он. — Что за дела?! Почему один пошёл?! И с кем дрался?!

— Слишком много вопросов, — бросил я взгляд на парня.

— Почему говорить не хочешь? — Петр, в отличие от Игорька, сидел ровно и сверлил меня взглядом.

— Я уже сказал. Вы всё равно не поверите. Так что давай закончим с завтраком да пойдем в ресторан. Чувствую, сегодня веселый денек будет.

— Раненый сидит за столом, зная, что его сегодня прибудут, и не тени паники, — заметил Игорь. — Я уже устал спрашивать, но кого ты приютил, Петя?

Вопрос был риторическим.

* * *

То, что день простым не будет, подтвердилось сразу, как вышли. Нас уже ждали. Точнее, ждали меня. Но не Лютый, а тот парень, на котором я мастерство демонстрировал в лечебнице. Пришёл он один, без толпы, что порадовало и вселило надежду, что хотя бы сейчас без драки обойдется.

— Эй, парень! — крикнул он. — Помнишь меня?

Сидел он в беседке и, заметив меня, встал и направился к нам, махая рукой.

— Это кто ещё? — спросил Игорь.

— Пациент из лечебницы, — ответил я. — Привет, — это уже парню.

— Я так спасибо и не сказал, — остановился он. — Меня Тимур зовут, — протянул он мне руку. — Ты Олег, да? — Я молча кивнул. — А это Повар и главный балабол правого берега, их представлять не нужно.

Петя хохотнул, а вот Игорек на такую характеристику разозлился.

— Слышь, Тимур, ты чего приперся?

— Вы знакомы? — посмотрел я на Игорька.

— Да, — сердито ответил он.

— Пересекались несколько раз, — подтвердил Тимур. — Я из группировки Кулаков, если это о чем-то говорит.

— Школа Твердого Кулака? — уточнил Петр.

— Да, там занимаюсь. Короче, это... — шмыгнул он носом, — по делу я. Так ты целитель, получается?

— Очень, — выделил я это слово, — начинающий. И почти ничего не умеющий.

— Да ладно тебе, — нагло усмехнулся парень, — не первый раз в больничке лежал. Знаю, как там коновалы чистку делают. Ещё и деньги берут, а работают куда хуже тебя.

— Тимур, ты это, ближе к делу давай, — вставил Игорек.

— Чего вы такие серьезные? — хмыкнул Тимур.

— На работу идем, опаздывать нельзя, — ответил я. — Так что за дело?

— Так простое. Я с моими ребятами не отказались бы от чистки. Всё честь по чести, — поспешно сказал он. — Готовы платить. Ты хорош, но начинающий. То на то и выходит, да? — наглая улыбка так и не сходила с его лица. — Договоримся? Можем к тебе обращаться? С нас по десятке, с тебя — очищение, если хлебнем лишку.

— Во-первых, — сказал я, — времени у меня не так чтобы много. Да и сил всех подряд лечить не хватит. Поэтому кого-то чистить могу, но если это в разумных пределах будет. Толпу сразу не потяну. Во-вторых, если нужда есть, то приходите, но куда и во сколько — отдельно решать надо будет. В-третьих, если злоупотреблять будете добротой, то так здоровье поправлю, что рады не будете.

— Да без проблем, — заулыбался он. — Какие напряги, господин целитель? — подмигнул мне Тимур. — Нам то, что в очереди стоять не надо и хорошее качество получить можно, уже ценность. Так что молчок, — провёл он пальцем себе по губам.

— Ну и в-четвертых, — решил я прояснить самое важное, — у меня в ближайшее время терка с Лютым намечается, и насколько я смогу исцелять после этого — под большим вопросом. Поэтому ты чуть позже уточни этот момент. А то вдруг... Целитель закончится, — отразил я его наглую улыбку.

— Лютый, Лютый... — задумался парень. — Офицер черепков? Оуч... — как-то погрустнел он. — Только не говори, что он заказ взял на тебя?

— Взял, — не стал я отрицать.

— Плохо дело, — покачал головой парень, — будь это обычные разборки, вписались бы за тебя. Но против офицера черепков не пойдем. Без обид.

— Какие обиды.

— Тимур, — позвал Петр. — Только ты это, не болтай. Ни про заказ, ни про то, что Олег — целитель, ни про то, что за услугой к нему обратиться можно. Сам знаешь, тогда лавочка очень быстро прикроеется.

— Само собой, — закивал он, — чисто для своих. Ладно, парни. Бывайте, побежал я. Надеюсь, ещё увидимся.

Тимур свалил, а Петр ко мне повернулся.

— Дурак ты, Олег. Нельзя так легко соглашаться. Или ты не в курсе, что в столице нельзя вести лечебную деятельность, не будучи приписанным к больнице или лечебнице и не имея подтвержденной квалификации? К тебе и городские заявиться могут, если узнают.

— Ага, — хохотнул Игорек, — чтобы взятку потребовать. А если целитель толковый, ещё и услугами воспользоваться. Знаем мы этих городских.

— Когда Аристарх Павлович узнает, — ответил резко Петр. — Тоже за взяткой придет? Или пролетит кто-то с ученичеством?

— Это да, аргумент. Тут Петр прав, — согласился Игорек.

— Погодите, но вы же сами предлагали мне начать услугами торговать.

— Так-то для дела, — беспечно ответил Игорь.

Для дела? То есть я реально мог подставиться по совету парней, не зная столь важных деталей?

Медленно выдохнув, я решил не развивать тему. Да уж, да уж. Надо больше своей головой думать, а не на других полагаться.

* * *

По молчаливому сговору Игорек должен был проводить нас до ресторана. Охранник из него, конечно, такой себе. Прямо по пути он пристал к девушке посторонней, да так с ней всю дорогу до метро и болтал.

У меня от этой картины сердце сжалось. Ничто человеческое ведь мне не чуждо. Хотелось и любви, и женской ласки, и семьи, чтобы детей побольше обязательно.

В прошлой жизни я почти четыре десятка лет прожил. Последние двадцать — на войне. Когда с каждым годом ситуация ухудшалась. Женщина у меня была. Моя любовь, Ая. Та, что и провела ритуал, принося жизни последних людей в жертву, чтобы хоть так уничтожить армию нежити и подарить нам всем шанс. Не на жизнь, на месть.

Нормальных отношений, чтобы и дом свой, и дети, у нас с ней никогда не было. Какое время, такие и отношения. Познакомились ещё, когда родители наши живы были, а единственное, что нас волновало — детские игры. А потом... Оба сиротами стали. На улицах вместе выживали. Я в целители подался, она — в жрицы. Снова война, разлука. Встретились случайно, тогда-то любовь и вспыхнула. Много этих разлук было. Жрица по одним местам бегала, а я, солдат, по другим.

И одна только мысль, что я здесь, иду по улице, дышу воздухом, занимаюсь всякими глупостями, трачу время на разборки с бандитами, пока она страдает в чреве бога смерти — приводила меня в такую ярость, пробуждала такую боль, что скулы от напряжения сводило и хотелось завывать.

Да уж, с подобным настроением на свидания не походишь. Да и не хотел я гулять с другими девушками. Это было бы предательством и себя, и Аи.

Вот убью бога смерти, освобожу души, и после перерождения, глядишь, встретимся в новой жизни. Тогда-то и заживем.

Пока брал эмоции под контроль, поглядывал по сторонам и выискивал черепков. Но

никого не заметил. Люди шли по своим делам, спускались и поднимались в метро, стояли на автобусных остановках, ехали в машинах. На небе тучи собрались, отражая мрачный настрой этого дня.

Как на меня кто-то налетел сзади, коснулся спины, я не заметил.

— Извините, — буркнул этот человек и ушёл дальше.

Петр лениво посмотрел на меня и даже не остановился. Утренние часы, людей много, то, что кто-то врезался, неудивительно.

Я же сделал ещё пару шагов, покачнулся и с трудом удержался на ногах. Тогда-то парень и забеспокоился, подскочил и придержал меня.

Вашу же мать!

Меня сейчас не просто толкнули. Кто-то через касание закинул проклятие мне в организм. Такое прицепится, распространится и убьёт. Какое-то время я потратил на то, чтобы его поймать, локализовать и уничтожить.

— Чего случилось? — подскочил к нам и Игорек.

— Да так... — отмер я, выводя излишки через ладонь. Та сразу липким Маслом покрылась. — Меня только что пытались убить.

— Шутишь? — не поверил Игорь.

— Какие шутки, — сказал я, смотря вперед, туда, куда скрылся незнакомец.

Того и след простыл. В подземный переход спустился, и куда там дальше сбежал в этой толпе, неизвестно.

— Петр, ты запомнил того человека? — спросил я с надеждой.

— Неа, — покачал он головой. — Пальто с широким воротом, кепка и всё. Молодой вроде, — виновато пожал он плечами. — Ты как?

— Да я-то в порядке. Хватит стоять на месте, пошли.

Наша остановка затор образовала, нарушая единый поток людей.

— Что-то я не понял... — тихо спросил Игорек на ходу. — Ты на полном серьезе сейчас? Что-то дырке в теле не заметил. Или тебя не ножом ткнули?

— Игорь, умолкни, — зыркнул на него Петр через меня.

Они меня словно под конвоем вели.

— Техникой, а не ножом, — ответил я.

Игорек присвистнул, сказать что-то хотел, но Петр на него шикнул, и тот заглох.

Я же приготовился к реакции организма, и та не заставила себя ждать. Сердце с запозданием ускорило, застучало, но уже через десяток шагов волна паники ушла. Однако... Думал, сильнее накроет. Неужто тело под контроль стал брать?

Парни угрозу восприняли всерьез. Петя теперь на каждого с подозрением смотрел. Игорь тоже головой крутил куда активнее. Мы сместились к зданию и вышли из плотного потока. Пусть и правильная предосторожность, но я был уверен, что конкретно это опасность уже миновала. Ну не будут же меня пытаться убить одним и тем же способом несколько раз подряд? Слишком рискованно для убийцы.

Пока шли, ещё раз прокрутил в голове попытку убийства. То, что кто-то пытался меня именно убить, я не сомневался. Причем кто-то более умелый, чем уличная шпана или тот же Петр с Игорем. Единственное, что они умели делать с Маслом: Повар направлять энергию в оружие да себя усиливать. Игорь — только себя усиливать, особенно ноги. Ни о каких автономных, сложных техниках речи не шло.

То, что в меня кинули, на высший уровень не тянуло. Иначе бы я не справился.

Топорная, но эффективная работа, которая говорила о том, что какие-то принципы построения магических фигур убийца знает. Если я правильно понял, эта штука должна была сгноить мои внутренние органы. Обычный человек такое не переживет. Кто-то уровня парней — тоже. Эта техника ещё и Масло внутрь тянула, разрастаясь. Если бы не мой высокий контроль, то всё, прямо здесь, на тротуаре и слег бы.

Знакомых в столице у меня раз, два и обчёлся. Врагов тоже вроде бы не так много. Кто мог подослать убийцу? Черепки? Не вижу смысла. Сами заявили, что заказ на то, чтобы меня сломать, а не убить. Иван, сынок Горыныча? Не понравилось, что черепки тянут, и послал убийцу? Если так, тогда заказ отменен, и проблема с Лютым решила сама собой. Первым порадуюсь, если это правда. Как ни странно, мне проще справиться с подобными убийцами, чем с толпой обычных, уличных драчунов. Кто ещё мог пожелать от меня избавиться? В голову ничего не приходило. Вспомнился тот случай, когда хотели помешать встретиться с Аристархом Павловичем. Но как-то это слишком. Одно дело гопников подослать, чтобы побиили. Другое дело — убийцу нанять. Кто-то настолько не хочет, чтобы я в личные ученики попал?

Да не, бред же. Хотя это проклятие вполне мог сделать целитель. Что ещё больший бред. Это уже не целитель тогда, а вредитель. Его же дар взбунтуется против него. Или нет?

Да уж, да уж. Я по-прежнему мало знаю об этом мире, чтобы что-то утверждать наверняка. Кто знает, какие здесь люди есть. Вдруг и лечат, и калечат, и ничего у них в душе не конфликтует.

Озадаченный, так и дошёл до ресторана. Внутри Игорь с нами заглянул. Официанток пошёл отвлекать. Заболтал их, пока его Борис Дмитриевич не выгнал.

Ну что же. День начался с шиком. Посмотрим, чем он закончится.

* * *

Демьян, тяжело дыша, покрывшись потом, идя в потоке людей, смотрел за сиротой, что шёл в компании друзей.

Шёл как ни в чем не бывало. А ведь должен был уже валяться мертвым.

В том, что техника вошла в его тело, Демьян не сомневался. Как и в том, что получилось уйти, оставшись незамеченным. Только вот... где результат? Так подставляться, и всё ради того, чтобы сиротку покачнуло и он спокойно дальше пошёл?

«Как это вообще возможно?!» — задавался вопросом парень.

То, что он только что попытался убить человека, его ничуть не смущало. Совесть находилась под контролем. Демьян сам себя убедил, что если он попадет в ученики к Аристарху Павловичу, то сможет большему научиться и достичь настоящих высот. А значит, и поможет большему числу людей... Из числа аристократов. А это и денежный вопрос решит, и всему городу хорошо сделает.

Надо только устранить все досадные помехи. Которые не желают устраняться и каждый раз выкручиваются как ни в чем не бывало.

Тихо выругавшись, не дождавшись результата, Демьян свернул на другую улицу и поспешил на работу. Хватит пока что. Если спалиться, то это совсем уж карьеру закроет. Там и до плахи недалеко. Поэтому парень собирался взять паузу и более тщательно продумать, как избавиться от конкурента.

В этот момент, расслабившись и успокоившись, Демьян не заметил, как ему на плечо легла рука.

Вздвогнув и чуть не подпрыгнув, парень отскочил и уставился на того, кто его оставил. Это был прилично одетый парень, в черном пальто, в очках.

— Что такое? — нервно спросил Демьян, отругав себя, что так ярко отреагировал.

— Зайцев Демьян Богданович... — чуть ли не нараспев, сказал незнакомец. — Начинаящий целитель. С долгом в пять тысяч.

Демьян отшатнулся, чуть не задев идущую мимо женщину, которая наградила его раздраженным взглядом, но ругаться не стала.

— Отойдем, — подхватил незнакомец Демьяна под локоть и потащил в ближайший переулок.

— Да что ты себе позволяешь?! — начал закипать Демьян.

— Ах да... — парень оттолкнул целителя, — я не представился. Меня зовут Дарвин. По прозвищу Лютый. Я офицер Черепов. Приятно познакомиться, — улыбнулся он уголками губ. — А скажи мне, дорогой друг, — подошёл он ближе, приобнял, похлопал по плечу и сказал почти на ухо, — что это ты такое интересное с тем пареньком сделал? Ещё и Черепов перед этим на него натравил.

— Не понимаю, о чем речь... — вырвался Демьян, у которого в этот момент холодок по спине пробежал, сердце бешено застучало и кулаки в страхе сжались.

— Да ты не паникуй, — усмехнулся Дарвин. — Думаю, мы можем быть друг другу полезны. Раз уж ты не гнушаешься грязных методов, то как насчёт заработать?

Эти слова подействовали на Демьяна почти магически.

— Я по-прежнему не понимаю, о чем речь... — сказал он, выпрямляясь и поправляя пальто. — Но действительно, — выделил парень это слово, — выгодные предложения я готов обсудить.

— Мы точно подружимся, — улыбнулся Дарвин.

— Но только не сейчас... — опомнился Демьян. — В лечебницу нельзя опаздывать.

— Конечно-конечно, иди. Мы ещё встретимся.

В этот момент Демьян понял, что его, во-первых, спалили, а во-вторых, собираются взять в оборот. Если коготок увязнет, то и птичке конец.

Отряхнувшись, он огляделся, увидел, что в переходе никого нет, что этот черепок пришёл к нему один и, скорее всего, никому не успел рассказать, что видел. А раз так, то...

Проходя мимо парня, Демьян резко ускорился и вытянул руку, на которой уже сформировалось проклятье. До врага оставалось всего ничего, когда целителя отбросило ударом ноги в живот. Он упал прямо в лужу, поднялись брызги. Дарвин подошёл к нему, в его руке появилась клякса Масла, которая быстро превратилась в нож. Тот уперся в горло целителю, не давая встать.

Демьян замер и сглотнул. До него дошло, что только что он сделал ставку и проиграл.

— А ведь могли по-хорошему договориться, — сказал Дарвин. — Просто напомню, что я видел, что ты сделал. Знаю, где ты живешь. Кто твои родители и где они работают. Проще говоря, если захочу, уничтожу твою жизнь. А может, так и сделать? — сделал он вид, что задумался. — Один допрос, и из лечебницы тебя выпрут. Придется к нам идти или задницей торговать, чтобы с долгами расплатиться. Так что, так и поступим?

— Я готов сотрудничать, — поспешно ответил Демьян, смотря в чужие, холодные глаза.

— Зачем тогда эта суета? — Дарвин встал, распылил нож и отошёл в сторону. — Беги

на работу, только помыться не забудь. Не пристало приличному человеку в лужах купаться. Я тебя скоро найду. Предложу работу.

— Бесплатно не работаю, — поднялся Демьян, оценивая, что напрочь промок и извозился как свинья.

— Какой смелый, — хмыкнул Лютый. — Конечно, не бесплатно. Но за наглость будешь получать меньше. А там, кто знает. Если зарекомендуешь себя, пересмотрим условия договора.

— Хорошо, — нехотя процедил Демьян.

— Люблю разумных людей.

Дарвин подошёл, ничуть не боясь, поправил парню ворот рубашки, стряхнул капли с плеча, поцокал недовольно.

— До встречи, Демьян, — сказал он напоследок и ушёл.

Глава 21

В этот день я стал подозревать, что Москва — одна большая деревня, где слухи распространяются со скоростью пожара. Боюсь, если захочу подсчитать, сколько людей знает о моем целительском таланте, то пальцев не хватит. А ведь есть ещё те, кого я лично не знаю, но они уже в курсе или слышали какие-то сплетни.

Об этом я подумал ещё до того, как ресторан открылся. Сотрудники собирались к семи. Открытие — в восемь утра. Столики занимали ближе к девяти. Цены в ресторане были выше среднего, это не столовая дешёвая, поэтому и народ сюда приходил не самый простой. Имеющий возможность позволить себе праздную жизнь в рабочий день и завтракать в девять утра.

Да и ладно. На мысли о большой деревне меня натолкнула Светлана — одна из официанток. Тут надо сказать, что контакт с кем-то специально я налаживать не спешил. Работал себе и работал. Времени прошло не так много. Вторая неделя, как тружусь здесь, заканчивалась. После того как меня официально приняли, отношения с коллективом стали чуть лучше, но... То одно, то другое. Интерес к новичку быстро сошёл на нет. Поэтому я и удивился, когда меня Света перехватила.

Девушка она, надо сказать, приятной наружности. Как и все остальные, кто здесь работает. Брюнетка, выше меня сантиметров на пять, фигуристая. С самой большой грудью среди девчонок. Каюсь, тело Олега на эти формы реагировало вполне конкретно. Именно тело. Сам я к девице никакого интереса не испытывал.

В общем, это чудо перехватило меня и в сторону отвела.

— Олег... — заглянула она мне в глаза, придерживая за локоть. — А это правда, что ты целитель?

Тут-то тело Олега совсем уж пробрало. Слишком Света близко оказалась. Пахнет приятно, блузка расстёгнута, ещё и улыбается мило. Медленно выдохнув, зачерпнул Кровь из Источника и пустил по телу, беря реакции под контроль. Не хватало ещё опозориться.

— Целитель — это громко сказано, — ответил я осторожно.

— Насколько громко? — улыбнулась она шире. — Ты же умеешь очищать? Просто у меня проблема... Не то чтобы сильная... — смутилась девушка, — раз в месяц стабильно Масла как нахватаю, настроение портится... Не мог бы ты...

Признаюсь честно, я растерялся.

Будь на моем месте настоящий Олег, он бы прямо здесь и сейчас влюбился в эту Свету. Слишком много призывных сигналов она демонстрировала. Но я видел совсем другое. Едва заметный, нездоровый оттенок глаз. Полопавшиеся капилляры. Бледность кожи, которая почти не пробивалась через слой косметики. Также я видел, что она прекрасно знает, что нравится парням и сейчас пользуется этим на полную, чтобы получить от меня услугу. При это я уверен, что между нами ничего не будет, даже если я вдруг захочу. Она-то не захочет. Зачем ей доходяга, который посуду моет?

За обе жизни впервые в такой ситуации оказываюсь, когда меня хотят поймать, не имея.

— Света... — ответил я осторожно, — а почему в лечебницу не обратишься? Если проблема есть, там её уж точно решат. Так или иначе.

Фраза кривой получалась. Намекал я на то, что проблему решат и много денег не возьмут. Но, видимо, этот вопрос у девушки остро стоял, о чем она прямо сказала.

— Там либо в очереди стоять, либо платить. А мы, сам знаешь, мало получаем, — виновато улыбнулась она.

Я прямо почувствовал, как тело гормоны захватывают. Да уж, да уж. Пришла беда, откуда не ждали.

— Поможешь? — снова она заглянула мне в глаза.

Да блин, Света. Ты меня ещё лицом в свою грудь уложи.

Всё бы ничего. Даже если забыть про то, какой груз я несу, что давит на меня — а я про это себе запретил думать... То мне-то, если сложить обе жизни, под шестьдесят лет. Света мне во внучки гордится. Если бы не молодой организм, я бы её никогда всерьез воспринимать не стал. Да и сейчас не воспринимаю эту малолетку как сексуально развитую.

— Помогу, конечно, — ответил я. — Прямо сейчас?

— Если готов. Пока посетителей нет...

Действительно... Только мне надо идти на приемку, сейчас фура с продуктами приедет. Потом картошку помогать чистить. Ножи заточить... Свои основные ножи повара мне не отдавали, но всякую мелочевку, которая была нужна не всегда, но пользоваться ею приходилось, скидывали.

— Пойдем в туалет тогда... — выдохнул я.

Сама процедура много времени не заняла. Света не обманула. Умолчала кое о чем, но это простительно. Неприлично девушке говорить, что у неё месячные. Возможно, с этим «загрязнение» и связано. Чего-то в организме не хватает или просто плохо ему, вот и тянет Масло бессознательно. Управился минуты за три. Вытащенную грязь в раковину скинул и смыл. Ещё немного чистой Крови оставил.

Отчего лицо девушки разгладилось сразу же, чуть ли не светиться изнутри стало. Глаза заблестели. Да и сама она как-то расслабилась.

— Ого, — сказала Света, когда закончили, — да у тебя талант настоящий.

На что я смущенно улыбнулся. Не пришлось выдавливать. Это молодое тело, кажется, отдельно от меня не прочь жить.

— Кстати, ты ведь жильё искал? — спросила она внезапно. — У меня соседка на пару недель к своим уехала. Если надо переночевать, могу к себе пустить...

— Эм... — выдал я глубокомысленно. — Да я пока у Петра...

— Но, если что, обращайся. Спасибо тебе ещё раз, — Света наклонилась и в щеку меня чмокнула, убежав.

Я кран открыл, холодной воды на себя плеснул да озадаченно на отражение посмотрел. Это что сейчас было? Не просто попытка развести на услугу, но и... попытка соблазнения?

Да не, не верю. С чего такой эффектной девице на меня внимание обращать? Отражение щуплого Олежки в зеркале с кучей проблем за плечами ответило унылым выражением лица.

* * *

Ничего другого, выбивающего из колеи, за день не случилось. Я успокоился, обдумал случившееся и понял, что интерес девушки может иметь вполне объяснимые причины.

Молодой, нестреляный, талантливый целитель. Который, если в силу войдет, станет как минимум обеспеченным человеком. Никак иначе, кроме как работой на перспективу, я

поведение Светланы объяснить не смог.

От же лиса.

А что. Поулыбалась, сиськами в лицо потыкала, и всё, парень поплыл, влюбился. Дальше бегать начнет. Помурожить его месяц-другой, а там, если действительно в лечебницу устроится и перспективным целителем окажется, захомутать.

Как объяснение нашёл, так настроение поднялось. Вовсе не из-за интереса к моей персоне. Просто у меня тут драма намечается, серьезная драка, а девки в это время свои интересы продвигают, личную жизнь устроить хотят.

Пожалуй, за это жизнь и стоит любить. Что бы ни происходило, она всё равно продолжается. Пока бог смерти не приходит.

* * *

День пролетел. Игорек пришёл к вечеру. Петр работать закончил мрачнее тучи. Так и пошли в сторону дома. Молча. О чем там другие думают, я не знал. Сам же делом занят был.

Источник — это, считай, сосуд, в котором ты можешь хранить запас. У меня сейчас на двадцать три капли хватает. Столько Крови я туда и могу «залить». Удержание энергии в сосуде не требует усилий или контроля. Это тот резерв, в которому можно всегда обратиться.

Если проводить аналогии, то это как кошелек. Что и сколько туда положил, то и будет лежать. А если больше надо, то «иди работать», то есть в теле копи и контролем удерживай.

Хорошая новость в том, что в Источник можно поместить Кровь любой чистоты. Даже самую чистую. Чем я и занимался весь день. Циклами очистки, с каждым витком повышая уровень чистоты. Иногда по телу её гонял. Выдохну, наполню организм чистой Кровью, подержу так минуту-другую. Часть безвозвратно уходит, часть возвращается. Снова накоплю, очищу и повторю. Так и раны, ночью полученные, быстрее заживают, и усталость проходит, и сил прибавляется. Да и энергетика тренируется с контролем, что тоже хорошо.

Когда работа закончилась, я ещё запас и в теле удерживать стал. Хотел довести объем до пятидесяти Капель в теле. Этого хватит на пару атак или чтобы укрепить себя. А то, что в Источнике, — неприкосновенный запас.

Готовился я не зря. Стоило арку дома пройти, как Петр с Игорьком остановились.

— Лютый, — коротко сказал Петр, кивнув в сторону беседки.

Двор здесь небольшой, парня я хорошо разглядел. Тот образ, который себе в голове рисовал, совсем не совпал с реальностью. Первое, что бросалось в глаза, — ухоженное, интеллигентное лицо, очки, аккуратная прическа.

И этот человек носит прозвище Лютый?

Тогда внешность обманчива.

— Идем, что ли, — сказал я. — Пообщаемся.

— Пока он один, его можно побить, — предложил тихо Игорь.

— Не спеши, — попросил я его. — Послушаем, что скажет.

Лютый на месте сидеть не стал, поднялся, вышел из беседки. Поправил пальто.

Образ сразу изменился. Сейчас, когда он стоял, я увидел, что он выше всей нашей троицы. Рост у него под метр девяносто. Одежда дорогая, это сразу видно. Рубашку ещё белую напялил, брюки выглажены, со стрелками. Жилетку надел под пальто. Ботинки

начищены и блестят.

При этом он не выглядел слабым. Совсем. Грудь накачанная, рубашка её облепляет. Плечи широкие. На кулаках — костяшки сбитые. Да и сами кулаки — пудовые. Смотришь на них и понимаешь, что силы скрывают много.

— Ба, какие люди! — первым заговорил Игорек. — Век бы не виделись! Чего приперся, дружище?

— И я тебя рад видеть, Игорь, — невозмутимо ответил Лютый. — Думаю, ты знаешь, по какому я делу. Срок подошёл к концу. Что решили? — посмотрел он на Петра, игнорируя меня.

— Если отстанешь от парней, уйду к тебе, — заявил Петр.

— Оу, — покосился я на него, — Петя, ты чего? Был же разговор. Дай я сам с этим вашим дружкой поговорю. Так ты Лютый, значит? — вышел я вперед.

Парень перевёл взгляд на меня и посмотрел несколько удивленно-высокомерно. На фоне него я и правда блекло смотрелся. Голову пришлось задирать.

— Ты Олег, — сказал он утвердительно. — А я, да, Лютый.

— Лютый, Лютый... — повторил я эхом, подходя ближе.

Чуть ли не понюхал его. Что-то было в этом парне странное.

— Ты смерти ищешь? — спросил он удивленно, покосившись на меня как на спятившую блоху.

— Да что-то от тебя смердит... — ответил я.

Лютый вскинул бровь, изучая меня с каким-то болезненным интересом. Я тоже его изучал. Начиная подозревать, чем пованивает. Рожки-то в виде татуировки над рубашкой не простые торчали.

— Петр, что с твоим другом? — обратился к нему Лютый. — Он спятил?

— Ты его лучше не зли, — серьезным тоном заявил Игорь.

— Не злить? — недоуменно переспросил парень, снова посмотрел на меня и рассмеялся. — Выглядит он очень грозно, с этим не поспоришь.

— Внешность обманчива, — пожал я плечами. — Вот ты, в одежде дорогой, выглядишь хорошо, а гнида гнидой.

Терпение Лютого закончилось, и он меня рукой за горло схватил. Да так, что приподнял. Дури в нем немеряно.

А мне только этого и надо было. Я тоже рукой его схватил. За верхнюю пуговицу рубашки. И когда Игорек подскочил справа, вклиниваясь между нами, а Петр — слева, дернул со всей силы.

Растащить-то нас растащили, но своего я добился. Порвал рубаху, обнажая то, что под ней — уродливую татуировку в виде черепа, с пустыми глазницами и рогами. Рот в районе пупка был, выбивался из общего вида, закручивался в спирали.

Петр и Игорь между нами встали. Лютый посмотрел на свою рубашку порванную. Медленно перевёл взгляд на меня.

— Парень... — сказал он мне. — До этого момента я ничего не имел против тебя лично...

— Да плевать как-то, — похрустел я шеей.

— Ты безумен, — ответил он. — Но у меня есть предложение. Если пойдешь ко мне на службу, прикрою от всех.

— У меня тоже есть предложение. Как насчёт пари? Петр, Игорь, только вы отойдите в

сторону, дайте я с этим... этим... — приличных слов не нашлось, а до ругани опускаться не хотелось. — Сам пообщаюсь.

Пока парни не опомнились, я протолкался между ними и встал напротив Лютого.

— Пари очень простое, — сказал ему. — Давай один на один драться. У тебя же заказ на меня? Так и разберись сам. Или боишься?

Лютый растерялся. Он видел перед собой слабака и не понимал, как я ему могу такое предлагать. Пользуясь этой растерянностью, я продолжил условия ставить.

— А спорить будем на следующее. Если я побеждаю — так ты отказываешься от заказа, любых претензий и сваливаешь. Не достаешь ни меня, ни парней.

Лютый улыбнулся, снял очки, сложил их и в карман убрал. Взял паузу, чтобы обдумать сказанное.

— В чем мой интерес пари с тобой заключать? То, что ты псих, я уже понял. Значит, не представляешь интереса. Придётся выполнить заказ и закончить эту историю. Жаль, конечно... — покосился он на Петра с Игорем. — Думал, что со своими старыми друзьями... — хмыкнул он. — Снова дела проворачивать начнем. Но, если они так не хотят... Остаётся только разобраться с тобой, — развёл он руками.

— Предложить мне тебе и правда нечего, — признал я. — Но тогда, как насчёт того, чтобы изменить условия? Спорим, что ты в скором времени убежишь отсюда, жалко скуля и подвывая?

— Олег... — позвал Петр.

Кажется, он решил, что я спятил.

Лютый тоже так решил. А ещё ему надоел этот разговор. Он решил закончить дело и побыстрее отделаться от придурочного меня. Это и Петр почувствовал, забеспокоился.

Но сделать ничего не успел.

В руке Лютого Масло густой кляксой сформировалось, вытянулось и в биту превратилось. Которой он махнул и меня по голове хотел ударить.

Единственное, что я успел, — руку выставить. Удачно... Прямо ладонью биту и поймал. Болью в тело отдалось, но схватить оружие я успел. Выплеск чистой Крови, и бита треснула, рассыпалась хрусталем на мелкие кусочки.

Не ожидавший этого Лютый пропустил мой удар. Я вперед шагнул и второй рукой вбил ему в грудь заряд чистейшей Крови. Это для обычного человека Кровь — благо. А для нежити не лучше кислоты.

От малой порции парня дугой выгнуло, он закричал от боли. Татуировка на груди зашипела, волной пошла.

И да, произошло ровно то, чего я ожидал. Дух-паразит, что в теле сидел, Крови испугался и на носителя волну жути нагнал. А там уже сам Лютый, потеряв над собой контроль, отползать начал, а как отдалился — вскочил и побежал, спотыкаясь.

Так и закончилась эта битва.

* * *

Схватив Петра за руку, Игорь нервно прошипел.

— Кто это такой, черт возьми?!

— Не знаю... — отдернул руку Петр.

После того как Дарвин сбежал, Олег заявил, что пора домой идти, темно уже. Ушли. Дома парень в душ отправился, а Игорь Петра на кухне зажал и вопрос задал.

— То он ночью непонятно с кем дерется, то Лютого в бегство обращает! — продолжал сокрушаться Игорь. — Это ненормально! А ты видел его лицо? Ему ноги ломать пришли, а он даже не испугался! Смотрел так, будто в сотне драк побывал! Ты можешь это объяснить мне?!

— Успокойся, — раздраженно бросил Петр. — Сам не понимаю...

— Ты либо реально сына князя приютил, либо я ничего не понимаю в жизни, — Игорь отошёл и плюхнул на стул. — Дерьмо, дерьмо, дерьмо... Что делать-то теперь будем? Ты ведь не поверил, что Лютый больше не объявится?

— Нет, — качнул головой парень. — В следующий раз с толпой заявится. Как бы чего нехорошего не вышло.

— Нехорошего! — передразнил с издевкой Игорь. — А знаешь, я теперь не за Олега боюсь! За всех нас! За всю Москву! Демон это, а не человек! Вот увидишь, он себя ещё покажет!

* * *

Когда из ванной вышел, встретил двух настороженных парней, которые глядели так, будто я на них сейчас наброшусь и покусаяю.

— Я спать, — сказал им.

На что Игорь от возмущения рот открыл, но было поздно. Я прошёл мимо и завалился на диван. Устал. Кровь вне Источника удерживать требует больших усилий. Сейчас-то можно отпустить, но сил всё равно много потратил.

Да и объяснять ничего не хотелось. Не потому, что я злой такой, а потому, что некоторые вещи не объяснить. Точнее, можно, но тогда сразу всё рассказывать надо. И про прошлую жизнь, и про уничтожение мира, и про бога смерти, и какая судьба ждет здешнее человечество.

У Лютого ведь не обычная татуировка. Это метка. В которую заключен дух-паразит. Я про такое только слышал. Рассказывали, что в начале войны, когда прокатилась волна диверсий, людей атаквала не только нежить... но и другие люди. Предатели рода человеческого. У некоторых из них находили характерные татуировки, с тематикой смерти. Поэтому мне сразу группировка черепков и не понравилась. Сегодня же я наглядное доказательство увидел, что это не просто шпана уличная, а будущие предатели.

Лютый так и вовсе меченый.

Что ставило меня перед сложной дилеммой. Я поклялся род людской защищать. Как весь наш вид разом, так и каждого человека отдельно. Лютый — тоже человек. Но предатель. Должен ли я его защищать? Попробовать вытащить из лап бога смерти? Как я понял, он попал к черепкам в сложный момент, влипнув с лечением и набрав долгов. Но что-то я сегодня не увидел страдающего от этого парня. А вот убийцу, готового калечить — да, увидел.

Поэтому падаль, она и есть падаль. Уже и не совсем человек. А самый настоящий, гнусный предатель, который играет против человечества. Уж не знаю, насколько он это осознает.

Так, может, и вовсе убить его?

Руки чешутся, если честно. Но и я не мальчик, чтобы на поводу у эмоций идти. Надо всё тщательно взвесить.

Парни на кухне загремели посудой. Не иначе, Петр решил нервы успокоить. Шепчутся о чем-то. Наверняка меня обсуждают. Абстрагировавшись, вернулся к размышлениям.

Сложная ситуация, как ни крути. Как решить вопрос с клятвой, я так сразу не готов сказать. Хорошо бы совета спросить у мудреца, но они и в моем мире редкость были. А здесь? Местные ничего о клятвах не знают, поэтому и совета спрашивать не у кого. Самому разбираться придется. Но даже если разберусь... А я допускаю, что уничтожение предателей — вполне нормальный шаг. В лекарском деле бывают ситуации, когда надо жертвовать малым, чтобы спасти большее. Здесь так же. Эти черепки — как гангрена. Если с ними на ранних стадиях не разобраться, когда придёт время — нанесут удар по всему организму.

Но, как и сказал, вопрос морали — малая часть проблемы. Возможно, я совершил сегодня большую ошибку. Не просто Лютого побил, что местные восприняли бы нормально... Если забыть про то, насколько я слабее его. Но я ещё и духа ударил, по метке атаковал. Это куда серьезнее. Если Дарвин доложит о произошедшем, мне несдобровать. Не он, так другой кто из черепков придёт. А то и вовсе пошлют высшую нежить и уничтожат наглеца.

К сожалению, я точно не знал, какую власть имеют такие духи над носителем. Единственное, на что остаётся уповать, — это то, что Лютый не захочет позориться. А то ведь от слабака сбежать — это позор самый настоящий для офицера в преступной организации. Если промолчит, остаются варианты... Продержаться ещё какое-то время.

В любом случае, даже если разберусь с Лютым, останется сама организация. Теперь я уверен, Петр и Игорь не представляют, насколько она серьезная. Также я уверен, что наверху не просто меченые, а разумная, элитная нежить. Которой хватит мозгов заметить странность, заняться ею и разобраться с угрозой.

Да уж, да уж.

А я ведь ещё про обычные проблемы с законом не упомянул. Убью я Лютого, и как на это отреагируют люди? За мной придут городовые? Захочет ли Петр дальше дружбу продолжать? Аристарх Павлович не передумает ли с ученичеством, если до него даже малейшие слухи дойдут, что я убийца?

Как бы так не вышло, что, обратившись к простым решениям (а убить человека в моей ситуации, как ни странно, — это самое простое решение), я себе только хуже сделаю.

Кажется, сама жизнь не хочет, чтобы я развивался размеренно. Сталкивает меня лбом с врагом. А может, у меня судьба такая. Но это же не повод сдаваться? Никогда поводом не было и никогда не станет.

Ещё посмотрим, кто кого.

Терпения парней хватило до утра, а дальше не выдержали. За стол меня усадили, будто родители подростка, уставились оба, одинаково суровые.

— Что это вчера было? — спросил Петр.

— В какой из моментов? — посмотрел я на пустой стол.

Это что-то новенькое. Видимо, напряжение и подозрительность достигли какой-то совсем уж высшей точки, раз Петя завтраком не обеспокоился.

— Что ты сделал с Лютым? — спросил Петр.

— Да ничего такого. Дал ему немного чистого Масла. Как тебе недавно, — посмотрел я на Петра.

— Это как? — не понял Игорь, — Что-то Петя от тебя в ужасе не убежал. А битую ты как перехватил? Ладно перехватил, но как разрушил её?! — Игорь начал путаться в своих вопросах.

— Так, парни, — потер я виски. — Утро, кушать хочется, а вы меня вопросами сложными грузите. Ладно Игорь, но ты, Петя, тоже себя накрутил, что ли?

Петя смутился. Игорь возмутился.

— Дело серьезное, — Петя, вопреки моим надеждам, на кухню не ушёл. — Слишком много вопросов накопилось, Олег.

— Вопросов или подозрений, или претензий? Просто напомним, что я уже несколько раз собирался уйти, но вы меня настойчиво останавливали.

— Не в этом проблема, — скривился Петя.

— Проблема в том, что ты ходячая аномалия! — выставил в мою сторону палец Игорь.

Кто бы говорил.

— Так что это было? — вернулся к вопросу Петя.

— Я уже сказал. Лютый ваш сделал битую из Масла, затвердив его. Замечу, что довольно грязного Масла. Я же использовал более чистую версию. Никакого мошенничества. Чистота бьет грязь, как вы могли увидеть. То же самое постигло и его самого.

Это не совсем так. Одной чистоты недостаточно для разрушения твердой формы. Нужен ещё высокий контроль и кое-какие навыки воина. Но это у меня как раз было.

Также стоит учесть, что Лютый не особо-то напрягался. Масло можно сделать твердым, но это отнимает силы. Наверное, поэтому он и «сэкономил». Проще говоря, сделал «немного» твердую форму, а не что-то особо надежное и крепкое. Возможно, не умел.

Бил он меня также без души. То ли, опять же, из-за гордыни, не воспринимая всерьез, то ли убивать не хотел. Он-то в голову целился. Поэтому перехватить было не так уж сложно, и даже рука не пострадала.

— Откуда ты это знаешь, спрашивать не стоит? — уточнил Петр.

— Знать — это одно. Он это ещё и умеет, — наставительно добавил Игорь.

Прям мудрец, тонко подмечающий реальность вокруг.

— Допустим, — продолжил Петя. — Но как ты его самого так напугал? Это что-то из целительских техник?

— Нет, — качнул я головой. — Говорю же. Обычное, хорошо очищенное Масло.

— Тогда не понимаю. Я испытал приятные чувства, когда ты мне дал попробовать.

— Так-то ты. А то — он, — ответил я с важным видом.

Каюсь, но настроение у меня с утра было ни к черту. Ещё и завтрак не дали. Разбаловал меня Петр. Привык я, что вопрос как-то сам собой решается.

— В чем отличие? — внешне спокойно спросил Петр.

— Завтрака точно не будет? — с грустью спросил я.

— Вот наглец! — то ли возмутился, то ли восхитился Игорек.

— Сначала разговор, — Петя был непоколебим.

Шантажист малолетний.

— Отличие в том, что Лютый — плохой человек, — предпринял я очередную попытку отделаться общими словами.

— Олег, — подался вперед Игорь. — А ты можешь нормально объяснить?

— Нет.

— Но... — вскочил он и оперся на стол. — Так неправильно!

— В чем же неправильность? — наклонил голову я, с интересом его осматривая.

— С друзьями так не поступают!

Он меня уже в друзья записал? Впрочем, почему бы и нет. Как-никак, эти двое реально мне хотят помочь. Что это, как не дружба? Особенно если забыть, что мы знакомы всего ничего.

— Ну хорошо, — сдался я. — Дело не только в том, что он человек плохой. Точнее, вовсе не в этом. Причина — в татуировке. Которая вовсе не татуировка, а метка. Грязная метка. В которую был заключен контролирующий дух-паразит с плана смерти. Как подозреваю, у всех офицеров черепков такие есть. Можно сказать, что они не просто группировка уличная, а серьезная организация с сектантским уклоном и жестким контролем своих нерядовых членов. Ты, Игорек... — пресёк его попытку что-то сказать. — Наверное, спросишь, что за духи такие. А я скажу — что полно их в мире. Надо просто зрение своё настроить. Я через опыт смерти прошёл... Ах да, про эту часть своей жизни не рассказывал. Так слушайте, раз такие любопытны. Меня в приюте убить пытались и, считайте, сделали это. Забили до смерти, а потом тело в окно выкинули со второго этажа. А я жить хотел. Тогда-то дар целительский и проснулся. Вспыхнул, вот и подлечился. Чтобы не добили — сбежал. А из приятных бонусов того неприятного опыта — теперь духов вижу. Они людьми питаются. Места всякие плохие любят. Будучи кочевником встретил человека, который рассказал, что это такое. Справляться с ними тоже научился. Жить-то хочется, а эти гады кочевников любят. Они вообще слабых, незащитных людей любят. Вот в вашем друге — такая же хрень гадкая сидит. Понимаете? Продался он с потрохами тем, кто самой жизни враг. По этой гадости я и ударил. Чистое Масло для них хуже кислоты. Собственно, всё, — хлопнул я ладонями по столу. — Довольны? Получили ответы? — закончил я, надавив голосом.

В моем ответе была как и правда, так и ложь. Пусть переваривают, главное, чтобы не придирались. А если повезет, то свою легенду легализую. Аристарху Павловичу почти то же самое рассказывал. Теперь вот парням. Даже если они болтать начнут, мне это не должно сильно навредить. А то и вовсе поможет.

— Так ты оживший труп?! — отмер Игорек.

— Это единственное, что ты услышал? — неверяще посмотрел на него Петр.

— Нет! Я понял! В момент смерти ты вспомнил свои прошлые жизни! Признай, так онс и было?!

Глаза его расширились от восторга, изо рта вылетели капли слюны, настолько

взбудоражила его эта идея.

— Идиот... — тихо пробормотал я, хлопнул себя рукой по лицу.

Очень догадливый идиот. Прямо в точку попал. Поэтому лицо и прикрыл, чтобы не показать истинных эмоций и того, насколько он близок к правде.

— А чего идиот сразу? — обиделся парень. — Мы с Петром в школу боевых искусств ходили. У Петра родители и бабка — целители не последние. И знаешь что? А то! Ничего такого ни про каких духов мы не слышали. Чужое магическое оружие тоже разбивать не умеет. Не выходим драться с неизвестными по ночам. Целительские способности в шестнадцать лет не демонстрируем! — разом он вывалил все претензии на меня.

— Хорошо, — выставил я руки перед собой. — Я понимаю, что мои действия не соответствуют вашим ожиданиям от сироты и бывшего кочевника. Но уж какой есть. Кажется, Петя, я твоим гостеприимством слишком злоупотребил. Не дело это, подозрительного парня у себя привечать. Так что я сегодня съеду. Раньше надо было это сделать, но теперь, когда с Лютым разобрались, действительно пора. Больше не буду вас смущать.

Петр на это в очередной раз сморщился.

Я тоже не сказать, что радостный сидел. Разговор-то в целом нормально проходит, но как же это утомляет и раздражает, каждое слово продумывать, врать, юлить. Не по мне это. Проснулся совсем недавно, ещё не умылся нормально, тренировку базовую не сделал — а из меня уже душу вытрясли и нервы потрепали.

— Петя, мне кажется... — сбавил обороты Игорь, — или этот аферист снова ушёл от ответа... дав ответ?

— Так, Игорек, — поднялся и я, — это начинает раздражать. Я тебе ничего не обещал и не предлагал, чтобы ты меня аферистом называл.

— Когда выдают себя за того, кем не являются — это тоже афера, — ничуть не смутится он.

А ведь прав. Но не признаваться же в этом.

— Я тот, кто я есть, — ответил ему. — А если так напрягаю... У этого есть простое решение.

Больше не собираясь вести этот разговор, я пошёл за вещами. Собрать их — меньше минуты. Придётся у Бориса Дмитриевича отпроситься сегодня, чтобы вопрос с жильем решить, но, думаю, это проблемой не станет.

В самом крайнем случае и у Светки переночевать можно. Будет мне и телу испытание пороком.

Уйти я не успел. Раздался телефонный звонок. В такую-то рань. Петр поднялся из-за стола, подошёл к телефону, взял трубку, молча выслушал и положил обратно.

— Случилось что? — спросил Игорь.

Да и я замер, чувствуя неприятности.

— Это был Лютый, — пояснил Петр. — Твоя сестра вчера вернулась?

— Да... — ответил Игорь.

— Возле дома её поджидают черепки. Если не придем на стройку, сказал, охоту на неё откроют. Как и на всех нас. Должны привести Олега. На казнь.

Сказав это, Петр куда-то в пол уставился. Руки его задрожали. Игорь тоже побледнел.

— Он совсем рехнулся?! — выкрикнул парень.

А я ничуть не удивился. Если бы подумал, то и сам бы догадался, что Лютый никуда не

денется. Оклемается и с новым рвением за меня возьмется. Не учёл, что он может на любые безумства пойти, но с духом-паразитом в теле... Да и не такое возможно.

То, что он так спешит, играло скорее на моей стороне. Шансы на то, что никому не рассказал, повысились.

Осталось только придумать, что с ним делать.

— Куда идти? — спокойно спросил я. — Что за стройка?

— Тебя убьют, — поднял на меня взгляд Петр.

— Это ещё неизвестно. Адрес давай. Не будем же сестру Игорька подставлять.

— Лютый там не один будет, — уверенно заявил Петр. — Что делать собираешься?

— Вынести всех ублюдков! — высказался Игорек.

— Это тебя там вынесут. Вперед ногами, — возразил Петр. — У Дарвина болезненная гордость, а мы с тобой — свидетели его позора.

— И что ты предлагаешь? — нервно спросил парень.

— Для начала позвони домой, скажи сестре, чтобы не выходила, — вставил я. — Не надо давать сейчас этот козырь Лютому.

Игорек вскинулся и к телефону подбежал, закрутил барабан.

— У тебя есть идеи? — пока парень говорил, с какой-то затаенной надеждой спросил у меня Петр.

— Неа, — улыбнулся я.

После чего, кажется, он меня окончательно в психики записал.

Может, так и есть. Сколько раз в безнадежные ситуации попадал и выбирался. Сейчас тоже этим старым, хорошо знакомым чувством повеяло.

Есть враг, с ним надо разобраться. Враг позвал поделщиков, что ж, с ними тоже надо разобраться.

— Дома осталась, — облегченно сказал Игорь, закончив говорить. — Петя, оружие нужно. Я к ним просто так не пойду.

— Убивать будешь? — спросил Петр.

— За сестру? Да, — коротко ответил Игорь. — Так что бери сковородку потяжелее, а мне битую. Знаю, у тебя есть.

Я на это ничего говорить не стал. Сестры у меня нет, но чувства парня готов понять. Да и в отношении черепков сентиментальности нет. Если этот Лютый так легко угрожает близким своих бывших друзей, то человек он конченный во всех смыслах. С меткой или без, значения не имеет.

— Как знаешь... — неуверенно ответил Петр и полез на антресоли, откуда, из-за коробок, достал битую.

— Надо бы позвать кого... — забрал её Игорек.

— Лютый сказал, что, если кого-то приведем, твоей сестре не поздоровится, — мрачно заметил Петр.

— Далеко идти-то? — спросил я.

— Нет... — ответил Повар и пошёл за сковородкой.

* * *

Стройка нашлась в нескольких кварталах. Широкое здание с заколоченными окнами.

Что оно здесь делает и почему им никто не занимается, мне не рассказывали. Как-то не до разговоров было. Парни шли с мрачным настроем.

Меня тоже потрясло. Урывками. Накатила волна, отпустила, снова накатила, а потом окончательно затихла. Очередная реакция тела, которая не особо мешала и на которую я почти не обращал внимания, думая о том, как далеко готов зайти. Сколько противников будет, что я им могу противопоставить и стоит ли прибегать к крайним мерам, убивая.

И если с клятвой я ещё могу разобраться, воспринимая черепков как предателей рода человеческого, то куда девать гору трупов — не имею ни малейшего представления. А как завалить всех, кто придет, и избежать последующей мести, преследования городских и разборок с властями — тем более.

Да и с клятвой не так просто. Если Лютый перешёл черту, то рядовые черепки — обычная шпана, пусть и не отягощенная высокой моралью. Мой же обет распространялся и на них. Уж таковы серьезные обеты — с ними не получится юлить, сглаживать острые углы и трактовать в свою пользу.

Значит, нужно обойтись без убийц. По крайней мере, среди рядовых черепков. Как-то вырубить всех, а с Лютым... Выжечь духа внутри него, уничтожить метку и отойти в сторону. Пусть Петр и Игорь сами разбираются. Дарвин такой откат получит, что опасности представлять не будет.

Осталось это всё как-то повернуть.

— Сюда, — указал Петр на с виду закрытую дверь.

Здание выглядело давно заброшенным. При этом мимо него спокойно шли люди, не подозревая, что здесь происходит.

— Забыли Бориса Дмитриевича предупредить, что не придем, — вспомнил я.

— Тебя сейчас это волнует? — посмотрел на меня Петр.

— Обещания надо держать, — ответил я и добавил веско. — Всегда.

— Ты точно псих, — сплюнул Игорек. — Давай уже, заходи.

— Погодите... — притормозил я парней. — Если там толпа, они могут ударить в спину? Или навалиться сразу со всех сторон? В здании есть темные места, ниши, где можно спрятаться?

— Есть, — посмотрел на меня Петр и бросил подозрительный взгляд на здание.

— Тогда держим строй. Я в центре — вы прикрываете. Главная задача — вынести Лютого. Это если он там с шестерками. Если есть кто посильнее, тогда нам всем точно конец, поэтому действуйте по ситуации. Если хотите, я могу и один пойти...

— Ещё чего, — резко ответил Игорь. — Он моей семье угрожал. Это теперь личное.

— Петр?

— Иди ты в зад со своим благородством.

— Хорошо, — улыбнулся я. — Тогда строй. Я в центре, вы по бокам. Выносим Лютого, а дальше по ситуации, держим оборону.

— Какой строй? — спросил Игорь. — Мы что, легионеры или всадники?

— Строй, — посмотрел я на него тяжелым взглядом. — Это когда ты контролируешь левый фланг и то, что сзади. Петр — правый фланг и то, что сзади. А я иду вперед.

— Как нам контролировать то, что сзади? — не понял парень.

— Не оставлять за спиной подозрительных мест, — терпеливо пояснил я. — Внимательно слушать, что происходит. Сомневаюсь, что черепки мастера подкрадываться скрытно. Теперь дружно глаза закрыли и дали время к темноте адаптироваться. Ну?

— Так точно! — нервно пошутил Игорь и прикрыл глаза.

Дети, блин.

Как минута вышла, я сам дверь потянул, та заскрипела жалобно. Петр первым внутрь заскочил. Игорь оттеснил меня и следом вошёл. А я, значит, замыкающим.

Встретила нас темнота, запах сырости и пыли.

— Никого, — услышал я голос Петра.

— Они наверху. На нашем месте, — сказал Игорь.

— Что за место? — уточнил я.

— Открытая площадка. Мы туда втроем ходили тренироваться, — пояснил парень.

— Ведите, но смотрите по сторонам.

Пока шли до этого здания, я себе максимальный потенциал нагнал. Почти сотню чистых капель удерживал. Ещё чуть-чуть, и лопну, как перезревший плод, или светиться начну.

Парни двинули на лестницу, я за ними. Там свернули, по коридору дошли и правда до открытой площадки. Здесь был свален возле стен всякий строительный мусор, но места хватило, чтобы пятнадцать черепков разместились. Некоторых я даже узнал. Тот, кто на рынке на нас напал. Паук, кажется. Его подчиненные. Ещё один черепок, с которым Петр дрался. Казим. Который сковородкой получил, после чего я Петра откачивал.

Вся шобла в сборе.

Лютый тоже здесь был. На стуле сидел. Ногу на ногу положив. Часть досок от заколоченных окон была оторвана, поэтому света хватало, чтобы разглядеть его пафосную рожу.

— Какие люди... — вышел к нам Паук, приветственно разведя руки в стороны.

Не слушая, что он там скажет, я сорвался с места. Бросил две трети энергии на укрепление тела и ускорение. Пространство до Лютого было свободным. Паук попытался помешать — с его ладони сорвалась клякса, что растянулась в липкую паутину. Я перехватил её ладонью, та зацепилась, но стоило выпустить чистую Кровь, как опала.

Шесть шагов, пять, четыре... Разогнавшись, я прыгнул на Лютого.

Тот напрягся, но позу не изменил. Мои же руки засверкали. Ну же...

До его груди, где прятался дух, оставалось всего ничего, но внезапно из Лютого вырвались черные сгустки, что перехватили меня и швырнули в сторону. Впечатался я прямо в стену, свалился вниз. Дух вышибло напрочь. Ни вдохнуть, ни выдохнуть. Тело превратилось в один сплошной комок боли, в глазах побелело.

В этом состоянии я провёл несколько долгих секунд, не слыша и не видя, что происходит вокруг. Меня схватили, куда-то оттащили. Когда белая пелена прошла и стало возможно вдохнуть, я увидел, что стою на коленях перед всё так же сидящим Лютым.

— Отпустите его! — кричал Петр.

— Я тебя, суку, порешаю! — орал Игорь.

Лютый коротко кивнул, и Паук, стоявший рядом, взял у другого черепка битую, замахнулся и ударил по моему плечу. Меня швырнуло в сторону, новая вспышка боли прокатилась по телу. Со всех сторон посыпались удары ногами. Я сжался, защищаясь, как мог.

«Кажется, план пошёл по самому дерьмовому сценарию», — мелькнула мысль.

Удары прекратились так же внезапно, как и начались. Я несколько секунд ожидал продолжения, а потом поднял голову и осмотрелся.

— Босс, смотри, — удивился Паук. — Это ничтожество ещё шевелится. А с виду хлюпик хлюпиком.

Сплюнув кровь с разбитого лица... Когда только успели? На дрожащих руках я приподнялся и даже встать смог. Большая часть накопленного потенциала расплескалась. Если Кровь не держать контролем вне Источника, она разбегается. Часть ушла в тело, защищая от ударов и сразу же подлечивая. Остальное просто ушло, оставляя меня без козыря.

Поднявшись, я повёл плечами, проверяя, насколько сильные повреждения получил. Лютый так и продолжал невозмутимо сидеть на стуле.

— Что, ссыкло, — бросил я ему со всем доступным презрением. — Один на один слил, так дружков позвал? Не понравилось, как сучка, визжать от страха?

Паук снова замахнулся битой, но Лютый остановил его коротким жестом.

— У тебя совсем мозги набекрень, — сказал он без злости, с насмешкой и надменностью. — Как такой, как ты, может думать, что способен победить меня?

Со стула он всё же встал. Подошёл ко мне, явно красуясь перед своими парнями. О репутации печется?

За руку он взял меня почти что нежно. До того как я успел сообразить, что будет, Лютый сломал мне указательный палец.

Видимо, ждал, что от боли закричу.

— Не такому дерьму, как ты, меня пугать, — выплюнул я ему в лицо.

Ничему парня жизнь не учит. Зря он так близко ко мне оказался. Я вперед качнулся, считай, завалился, да выплеснул ему разом всю чистую Кровь прямо в область татуировки.

Снова вспыхнули те кляксы-руки. Попытались перехватить силу. Но что-то у них пошло не так. Кровь не хуже кислоты прожгла черную плоть, ударила парня в грудь. Лютый заорал от боли, отшатнулся, вся его бравада мгновенно улетучилась.

От такого черепки в осадок выпали. Паук глаза расширил, но среагировал как надо. Битой замахнулся, да угрозу, то есть меня, устранить собрался.

А во мне сил не осталось. Я падать продолжил. Без поддержки Крови стоять после побоев не представлялось возможным.

Но в момент замаха Пауку прямо в голову прилетела сковородка. Сзади крики слышались. Игорек с Петром явно не сдавались и пошли в атаку. А раз так, то и мне нельзя сдаваться.

Вдох.

Тело наполнило грязное Масло. Выдохнуть грязь, Вдохнуть Масло, выдохнуть грязь... Я погрузился в боевой транс, запуская внутри себя процесс очистки и укрепления. Тело сразу густой, липкой массой покрыло. Ну и пусть. Зато я нашёл в себе силы резко перевернуться и уйти от удара ногой в голову. Какой-то черепок, чьего имени я не знал, перепутал меня с футбольным мячом.

— Сломайте его! — закричал Лютый не своим голосом.

Петр пронесся мимо и врезался в Паука. Но что толку, если врагов по-прежнему оставалось много. Игорь тоже кого-то на себя отвлек, но нас было трое, а их — пятнадцать.

Я успел встать, увернуться от удара. Ткнул кого-то кулаком в челюсть, но на этом мои успехи и закончились. Удар прилетел в спину, меня снова кинуло на пол. Сверху навалились, придавили. Я уперся руками в бетон, Вдохнул что есть мочи и резко Выдохнул, выплескивая самую грязь назад. Парню сверху поплохело, его хватка ослабла. Я поднапрягся и скинул его с себя. Чтобы принять следующий удар на руки и отлететь назад. Успел поджать голову и не

стукнулся затылком о пол.

Выгнувшись, чудом пропустил удар битой. Та врезалась прямо рядом с ухом, стесала кожу, но голову не размозжила. Другой черепок схватил меня за ногу, потащил на себя. Куртка задралась вместе с футболкой, кожу на спине разодрало.

«Да отвали ты!» — на эмоциях я собрал шар в ладони и метнул парню в лицо.

Вышло на отлично, он отпустил меня и завалился назад. Мимо проскочил Игорь, врезал ногой тому, кто хотел ударить меня. Я успел подняться, огляделся безумным взглядом. Петр сражался недалеко, но его прижали к стене. Паук вместе с тремя черепками наседали на него и давили. Кто-то валялся на полу, но врагов по-прежнему оставалось много.

Внезапно Игоря подняло и зашвырнуло в другой угол.

— Разойдитесь! — рывкнул Лютый, с перекошенным от гнева лицом.

Из его груди торчали чужие лапы. Сам парень блестел от Масла.

Его движение я заметил, но увернуться не успел. Нога парня врезалась мне в колено. Раздался хруст, и новая вспышка боли прокатилась по телу. Если бы я её не подавлял, сейчас бы заорал на всё здание.

Лютый отошёл, черепки засвистели. Я перекатился, подволакивая ногу, попытался встать, и это даже получилось. Минус правая — отметило сознание.

Но есть ведь ещё левая и две руки.

Весь триумф Лютого сошёл с его лица, когда черепки замолкли. Он повернулся, увидел меня и неверяще свёл брови к переносице.

— Это всё, что ты можешь, ничтожество? — сплюнул я ему под ноги.

Прямой удар ногой отбросил меня назад, прямо на руки черепкам. Те швырнули меня обратно, я не удержался на одной ноге и полетел на бетон. Боль была жуткая. Сознание уплывало, тело не хотело всё это терпеть.

Но нельзя.

Нельзя сдаваться.

Когда из глаз ушла темнота, я увидел, как Лютый навис надо мной. В его руке материализовалась бита из Масла. Он замахнулся и резко опустил её. Я рефлекторно дернулся, прикрылся рукой.

Новый хруст, в глазах снова побелело, а боль затопила меня всего.

— В этот раз сможешь подняться? — услышал я сквозь муть в голове чужую насмешку.

Подняться... Подняться? Да, это хорошая идея.

Небольшое усилие, и боль притихла. Зрение вернулось в норму, если не считать того, что всё двоилось и даже троилось.

Я перевернулся, прижал руку к телу, чтобы не задеть. «Минус левая», — мелькнула очередная мысль.

Кое-как, с трудом, я сначала привстал на ногу, а потом и поднялся, шатаясь.

Снова наступила звенящая тишина.

Слова сами полились из меня.

— Я... Элор... Последний защитник... рода человеческого...

Лютый смотрел на меня как на безумца. Но я видел в его глазах страх. Он не понимал и поэтому боялся. Остальные черепки тоже застыли. В их голове не укладывалось, как такой, как я, может подняться в очередной раз. Петр с разбитым лицом сидел у стены, прямо на теле Паука. Трое черепков сторонились, блокировали его, но не подходили. Игорь валялся в углу и не видел, что происходит.

— Ни боль... — слова продолжали выходить из меня, — ни сама смерть не остановят меня.

Я выставил руку перед собой и навёл на Лютого. Он шагнул назад, дух внутри него забеспокоился.

Черные кляксы вырвались из груди парня, устремились ко мне. Мелькнули когти, что врезались мне в плоть, разрывая её.

Схватившись за них целой рукой... Я дернул. Не сами руки. А Масло, что скрывалось в них. Дернул со всей силы, выдирая самую суть духа из Лютого.

Черная жижа побежала по образовавшемуся каналу, врезалась в меня, вошла внутрь. Столкнулась с теми каплями чистой Крови, что я успел накопить.

Лютый попытался вырваться, вместе с духом, но я дернул ещё сильнее. Парня повело ко мне. У меня не было физической силы, чтобы сдвинуть его... Но моя воля...

Моя воля была в разы сильнее этих двух паразитов.

Черепки что-то кричали. Дух вырывался. Он испугался настолько, что выскочил из тела Лютого. Того отшвырнуло в сторону сломанной куклой. Тварь набросилась на меня, появилась её голодная пасть, что вцепилось мне в плечо.

Снова хрустнули кости. Я держался из последних сил. Тварь разрывала меня, я отвечал ей тем же. Отрывал куски.

Но проигрывал... Тело оказалось слишком слабым...

Ни боль, ни смерть... — пульсировало в глубине моей души.

Ещё немного, ещё... Ещё...

В высшей точке напряжения, когда осталось непонятно, кто победит, Петр, найдя в себе силы, пробился ко мне через ошарашенных черепков. Он голыми руками схватил голодную тварь, отшвырнул в сторону.

Из раздробленного плеча вырвался фонтан крови, но это подарило мне передышку. Несколько секунд, когда я успел сделать несколько быстрых Вдохов и Выдохов.

И когда дух бросился на меня, я встретил его чистотой, которая запылала так ярко, что ослепила тех, кто здесь находился.

Пётр смотрел и не верил глазам.

В какой момент его жизнь пошла под откос, он точно сказать не мог.

Когда остался один. Когда его начали травить на улицах с подачи Лютого. Когда на мосту за него вписался незнакомец, который был в городе первый день... Или когда этот сирота, простой, как две копейки, оказался тем ещё кладезем тайн.

Услышав, как Лютый поставил ультиматум, Петр понял, что это конец. Если не для них троих, то для привычной жизни уж точно.

Детские игры кончились. Началась взрослая жизнь.

Идя к месту встречи, парень думал о том, что не сможет сдержать обещание, данное бабушке. Мысленно просил у неё прощения.

А потом... Потом события закрутились.

Сначала Олег отдавал приказы таким голосом, будто они в армии находятся, а он их командир. Когда поднялись наверх, без всякого предупреждения бросился на Лютого, сделав ставку на внезапность.

Только что-то не рассчитал. Тот трюк, который он исполнил при прошлой их встрече, не оправдался.

Петр с Игорем и сами бросились в бой. Но противников было слишком много.

Дальше безумие вышло на новый уровень.

Когда Олегу сломали ногу, внутри Петра что-то щелкнуло. Мир внезапно стал кристально ясным. Ответ, который он искал, ради чего дрался, стал предельно очевидным.

Чтобы защищать.

Петра как-то не удивило, когда при очередном Вдохе Масло пришло куда более чистое, чем обычно. Тело наполнилось силой. Петр почувствовал надежду.

Которая быстро улетучилась. Своего противника, Паука, он смог победить. Но на остальных уже сил не хватило.

Лютый сам пошёл в драку. Взялся за Олега лично. Сломал избитому парню руку. А тот... Вставал. Вопреки логике. Вопреки боли. На его лице не было ни тени страха. Никакой мольбы о пощаде.

Когда же из Олега полились слова, которые буквально придавили тяжестью каждого в здании... Когда парень засветился... Этот момент Петр запомнил на всю жизнь.

А то, что произошло дальше, окончательно повергло его в шок. Из Лютого вырвалась мерзкая тварь. Черепки в ужасе отшатнулись. И единственный, кто бросил вызов монстру, был переломанный Олег, который вопреки всему продолжал бороться.

В этот момент Петр почувствовал ярость. Ярость по отношению к себе.

Раз решил защищать, так защищай!

Сделав очередной Вдох, наплевав на последствия, чувствуя, что сейчас происходит что-то очень-очень важное, он бросился вперед. Снес ближайших черепков, добрался до монстра и выдрал его, отшвырнул в сторону.

Как убивать эту тварь — Петр не имел ни малейшего представления.

Дух, а если верить Олегу, это был именно злой дух, как безумный, бросился обратно на парня, раззявив пасть.

И именно в этот момент Олег засверкал так ярко, что осветил всё помещение. Ослепляя,

заставляя черепков отступать, а кого-то и броситься бежать в ужасе.

Тварь налетела на светящегося парня, и её... просто разорвало в клочья.

Сам же Олег, покачиваясь и дымясь, смотря пустым взглядом, начал заваливаться и упал.

К этому моменту никого на ногах в помещении не осталось. Черепки сбежали. Лютый валялся без сознания. Игорь с трудом шевелился, пропустив финал драки.

У Петра что-то щёлкнуло в голове. Как-никак, он был сыном целительской династии. Догадался, что если Олег сейчас и жив, то находится в критическом состоянии. Помощь звать нет смысла. Пока приедет бригада, пока Олег попадет к умелому целителю, станет слишком поздно.

Если Олега и можно спасти, то с каждой секундой шансы на это падают.

— Игорь! — заорал Петр. — Поднимай свой зад и помогай!

— Что произошло? — мотая головой, приподнялся парень.

— Помогай, мать твою! Олег умирает!

— Да какого хрена... — пробормотал Игорь.

Петр подскочил к Олегу, бережно поднял его тело. Впервые то, что парень настолько легкий, играло им на пользу. Чувствуя, как дрожат руки, как болит спина, Петр думал только об одном.

Нужно добежать до лечебницы. Нужно добежать до лечебницы.

* * *

Спустя двадцать четыре минуты в лечебницу ворвались трое парней, один из которых был изранен — его несли на руках.

Петр с совершенно безумным взглядом проигнорировал всех, прорвался прямо к главе лечебницы.

— Аристарх Павлович! — кричал он.

Это событие потом ещё долго обсуждали. Парни выглядели так, будто вырвались из самого ада. Да и вели себя соответственно, абсолютно наплевав на все правила приличия.

Но разве их могло это остановить в тот момент?

Больше книг на сайте - Knigoed.net